Сить-таинственная река

Повесть

Анатолий ПЕТУХОВ

Рисунки С. Киприна

Мутная вода бурлила, свиваясь воронками, пригибала измочаленные прибрежные кусты ивы и стремительно неслась по всей ширине русла. Лодка, опрокинутая вверх дном, лежала на том берегу.

— Говорено было, что через мост идти надо! — с досадой сказала Танька Шумилина, сверкнув большими зелеными глазами на Ваську Гуся.— А ты затеял: «Пошли прямо, на лодке переплывем!» Вот и переплыли.

Остальные ребята молчали: с Гусем не поспоришь, но и не пропадешь — он опять что-нибудь придумает.

— А что, и переплывем! — огрызнулся Гусь.— Не твоя забота...

Он бросил на жухлую траву ободранный портфель, скинул фуфайку и стянул с себя грязную, давно не стиранную рубаху, обнажив смуглое жилистое тело.

— Лучше вернемся,— примирительно сказала Танька, у которой при одной мысли — окунуться в эту бурлящую мутную воду — по спине пробежали мурашки.

— Возвращайся, если охота,— равнодушно буркнул Гусь.

Тощий настолько, что на боках проступали все ребра, Васька на мгновение задержался у самой воды и упруго кинулся в реку.

Когда холодом обожгло тело и Гусь почувствовал, насколько сильно течение и далек противоположный берег, он по-

нял, что совершил ошибку: нужно было уйти вверх хотя бы на полсотни метров, чтобы течением не успело отнести под глинистый обрыв, где вода кружилась и клокотала особенно яростно. Можно, конечно, вернуться и исправить ошибку, но когда на него сейчас смотрит Танька, эта заносчивая девчонка, отступать невозможно, и Гусь продолжал плыть как ни в чем не бывало, легко и быстро выбрасывая вперед длинные руки, будто купался. Так по крайней мере казалось со стороны. В действительности же Васька вкладывал в единоборство с рекой все искусство общепризнанного пловца Семенихи и окрестных деревень.

На середине реки Гусь убедился, что тратить силы и бороться с течением бесполезно: под обрыв так и так занесет. И тогда он повернул по струе и почти перестал работать руками, чтобы отдохнуть, подготовиться к решительному и последнему рывку.

Ребята видели, как Гусь, будто напоровшись на невидимое препятствие, на секунду задержался, перевернулся на спину, и его тут же понесло к обрыву. И все, не сговариваясь, не проронив ни слова, кинулись по берегу, чтобы лучше видеть товарища, понять, что с ним произошло.

Тугая струя била в глинистый обрыв и, отражаясь от него, с шипением свивалась в водовороте, в воронке которого кружился клок пены. Этот белый комок был для Гуся единственным точным ориентиром. Там центр омута, кружало, где верховая струя уходит вниз почти до дна и, подхваченная глубинным течением, освобождается из пут водоворота. Дальше она несется остепенившаяся и спокойная.

В голову Ваське пришла дерзкая мысль — ринуться прямо в водоворот и нырнуть в глубину вместе с верховой струей.

Когда до крутящегося комка пены осталось не более десятка метров и вода властно потянула Гуся к обрыву, он изо всех сил рванулся к водовороту.

На какой-то миг ему удалось преодолеть силу бокового течения, и вот уже его подхватила отраженная струя. Гусь вобрал полные легкие воздуха, изогнулся и полетел вниз головой.

Он почувствовал, как вода сдавила грудь, ощутил в ушах острую боль и огромным усилием гибкого тела метнулся в сторону, подгребая под себя воду. Впервые ему по-настоящему стало страшно в этой давящей холодной мгле.

Но вот боль в ушах отступила, давление ослабло и сквозь сомкнутые веки проступила сумеречная желтизна. В следующее мгновение река вытолкнула Гуся на поверхность.

Водоворот остался позади. Крутой, поросший кустарником берег вот он, рядом. Гусь услышал, как заорали, завопили на противоположном берегу ребята, и ему сделалось легко, и даже лихорадка унялась.

Он перевернул тяжелый дощаник, положил на дно весла, что лежали под лодкой, и столкнул посудину на воду.

Лодку относило течением, и ребята, неся одежду и портфель Гуся, перебегали с места на место, стараясь угадать, куда именно он пристанет.

Посиневший от холода, весь в пупырышках, Гусь, наконец, причалил к берегу. Сережка Шумилин, брат Таньки, рыжеголовый и веснушчатый, с готовностью протянул Гусю одежду.

— А Танька думала, что ты утонул! — сказал он, восхищенно глядя на Ваську.

— Она даже заревела! — добавил Толька Аксенов.— Это когда тебя в кружало затянуло...

— И ничего его не затянуло! Он сам нырнул,— возразил Сережка.

— Ага, сам! Ну-ко ты попробуй нырнуть, так узнаешь! — насмешливо сказал Толька.

— Конечно, сам! — не сдавался Сережка.— Гусь, скажи, сам нырнул или тебя затянуло?

— Д-давай сап-поги,— и Гусь, у которого от холода клацали зубы, протянул руку. Ему было приятно, что Танька напереживалась за него: это хорошо, меньше будет задаваться.

Гусь обулся и только после этого ответил:

— Сам нырнул. Да и тянет туда здорово.

— Ну вот. Я же говорил, я же говорил!..— обрадовался Сережка.

Вовка Рябов, черноголовый, как цыган, младший из ребят — он учился в пятом классе — тихо спросил:

— Скажи, а там, в кружале — страшно?

— Нырни и узнаешь,— усмехнулся Толька. Он был убежден, что Гусь, если ему и было страшно, не признается в этом.

Но Гусь сказал:

— Страшно. Темно и давит со всех сторон, аж в ушах больно...

На пути от реки Гусь объявил, что завтра на рассвете отправится вверх по Сити на целых три дня.

— Тебе хорошо,— вздохнул Сережка.— Куда захотел, туда и пошел.

— А тебя кто держит? От мамкиного подола боишься отпуститься?

Сережка покраснел, но промолчал. За брата заступилась Танька.

— Ты его не подговаривай! Все равно не пойдет. И нечего подолом укорять.

— Не укоряю и не подговариваю. И с собой никого не зову. А то возьмешь такого слабака — и тащи его на себе.

— Это меня-то тащить?! — возмутился Сережка, и глаза его округлились.— А помнишь, на Малеевку ходили? А на Мокрое болото?..

— Помню, помню!

— И сейчас бы пошел, если бы не к ночи.

— То-то и оно! Без ночевки и дурак пойдет.

— Возьми меня! — вдруг сказал Толька Аксенов.

— На трое суток пойдешь? — недоверчиво скосил глаза Гусь. Тольку он считал трусишкой и никак не ожидал от него такой решимости.

— А что? Запросто.

— Ох и задаст тебе отец,— сказала Танька.

— Ты-то молчи, тебя не спрашивают. Отец сам рассказывал, что, бывало, неделями в лесу пропадал.

— Он пропадал, а тебе задаст! — подзадоривала Танька, которой не хотелось, чтобы Гусь ушел в лес один на все дни первомайских праздников.

— Ты что его пугаешь? — обернулся Гусь к Таньке.— Или сама хочешь со мной идти? Идем! Тогда уж никого не возьму,— и засмеялся.

— Дурак! — вспыхнула Танька.— С тобой я и в школу-то одна не пошла бы, не то что в лес!

— Конечно! — хохотнул Гусь.— Я же не моряк с Балтфлота. Тебе ли водиться с оборванцем и шпаной,— он сплюнул сквозь зубы.

— Бессовестный ты! Нахал! — Танька остановилась, возмущенная.— Девочки, отстанем от них! Пусть вперед уходят.

Три девчонки, каждая из которых была моложе Шумилиной, заканчивающей восьмой класс, молча обступили обиженную подругу и недружелюбными взглядами проводили ребят.

— Хвастун и зазнайка! Подумаешь, Сить переплыл!..— презрительно пожала плечами Танька.

Девчонки молчали. Наверно, Танька права, раз так говорит. Она уже почти взрослая, комсомолка, мечтает быть врачом, и все знают, что моряк Лешка Лашков, когда приезжал в январе в отпуск, два раза водил ее в кино, а раз они были в клубе на танцах.

И в то же время всем доподлинно было известно, что мальчишки Семенихи тянулись, липли к Ваське Гусю, и им за это крепко доставалось дома, потому что Гусь, по всеобщему мнению взрослых,— шпана и хулиган и ничему хорошему научиться у него невозможно.

Таньке было грустно. Не первый раз Гусь напоминал ей о моряке. А что он знает, этот Гусь, что понимает? Лешка-моряк и вправду водил ее в кино, и билеты сам покупал, и на танцах они были. Все верно. Но что из этого? Ведь потом — это знает вся деревня — Лешка до конца отпуска гулял с зоотехником Любой Суворинной. И сейчас они переписываются. Так зачем же вспоминать, что было и давно прошло?

И в то же время Танька не могла забыть, что до зимних каникул, до приезда Лешки-моряка, Гусь никогда так дерзко и насмешливо не разговаривал с нею. Пять лет они учились вместе, даже сидели за одной партой. И после того, как Гусь остался в пятом на второй год, они продолжали дружить. На воскресенья и на каникулы — школа от деревни за десять километров — часто ходили домой вместе, и Васька всегда нес ее портфель, а как-то раз и ее перетащил через разлившийся ручей.

Но после зимних каникул все изменилось. Раньше Васька не шутя, серьезно мог бы пригласить ее с собой в лес — ходили же они вдвоем и за морошкой, и за грибами. А теперь он просто посмеялся над нею при всех и доволен.

«Ну и наплевать! — зло думала Танька.— Пусть насмехается. Я в долгу не останусь».

На Семениху, тихую деревеньку в двадцать с небольшим домов, смотрели звезды. Им, звездам, хорошо были видны

поля, темными лоскутьями лепившиеся к задворкам, и безбрежный лес, который смыкался вокруг этих полей сплошным кольцом. Кое-где в лесу рыжими проплешинами виднелись еще не успевшие позеленеть пожни и серые прямоугольники лесосек.

Огибая широкой дугой Семениху, надвое раскалывала лес река Сить. Полая вода залила прибрежные луга, и Сить казалась большой, широкой и полноводной. А где-то далеко-далеко, наверно, в полсотне километров от Семенихи, Сить начиналась крохотным ручейком и текла сначала на север, потом на восток. В Сить впадали бесчисленные ручьи и речки, почти пересыхающие летом, которые брали свое начало из болот и оврагов.

Одним из таких болот было большое Журавлиное. Веснами Гусь не раз слыхал на этом болоте вой волков и намеревался поискать там волчье логово. Для одного это занятие не очень-то веселое, но, может быть, Толька в самом деле сумеет выкрутиться и улизнуть из дому? Тогда и логово поискать можно.

Толька пришел еще задолго до рассвета.

— Я на окне записку оставил,— сказал он Гусю,— чтобы искать не вздумали. А то такую панику поднимут!..

— И правильно. Спросился бы — не отпустили... Жратвы-то много взял?

— Да взял... Хлеба, картошки, сала кусок тяпнул...

— А у меня дома, понимаешь, ни шиша не оказалось. Один хлеб. У мамки, наверно, что-нибудь припасено к празднику, так она спрятала куда-то. Не мог найти. А может, и вправду, как она говорит, ничего нету...

— Проживем! — бодро сказал Толька.— У тебя-то мамка не ругалась, что пошел?

— Ей-то чего?.. Даже рада. Праздник же! Закроет дверь и пойдет по гостям. Ни варить, ни готовить не надо... Не из чего готовить, да и с одной-то рукой знаешь сколько мороки, хоть с тестом, хоть с чугунами...

Они шагали по лесной тропе, мягкой от подопревшей и мокрой прошлогодней листвы, и слышали, как над головами в предутренней тишине с хорканьем и циканьем пролетали вальдшнепы. Где-то за полями начали токовать тетерева.

С восходом солнца ребята уже были на дальних пожнях, что тянулись по берегам Сити в глухом, еще не тронутом человеком суземье. Стайка уток поднялась с пожни, над самой водой протянула вдоль Сити и бесшумно опустилась у противоположного берега. Над рекой токовали бекасы. С отрывистыми резкими криками быстрые белобрюхие птицы взмывали вверх и, сделав плавный полукруг, пикировали к воде. Над лесом далеко окрест разносились их протяжные крики. Без устали, с короткими перемолчками звонко барабанила о сухое дерево желна.

Гусь бросил холщовую сумку-торбу под старую сосну, что стояла на краю пожни, вытащил из-за пояса топор.

— Таскай хвою,— сказал он Тольке,— а я срублю сухарину. Кострищко надо сделать да хоть поесть маленько, а то уж в брюхе урчит...

Спустя полчаса на берегу горел жаркий костер. Гусь жадно уплетал хлеб с салом, прислушивался к птичьему гомону и с видом знатока давал Тольке свои пояснения. Он различал по голосам почти всех птиц, но названий многих из них не знал и потому называл по-своему.

— Слышишь, желтобрюшка поет? — говорил он, обращая внимание на незатейливую песенку овсянки.— А трещат, тараторят — это пестрогрудки...

Пестрогрудками он называл дроздов, краснозобиком — малиновку, тюриком — зяблика; крапивника, за подергивание коротким хвостиком,— подергушкой, а чекана, за бесконечные поклоны,— богомолкой.

Толька пододвинулся ближе к костру: от реки тянуло холодом.

— Гусь, скажи, ты чего-нибудь боишься? — вдруг спросил он.

— Боюсь.

— Медведя?

— А его-то чего бояться? Медведь — чепуха. Он не тронет. Я за мамку боюсь, боюсь, что она когда-нибудь повесится...

— Неужто вправду так думаешь? С чего ей веситься-то?

— С тоски. Одна она. Совсем одна.

— А ты?

— Что — я? Я сам по себе. Только ей мешаю.

— Почему мешаешь?

— Ничего ты, я вижу, не понимаешь,— вздохнул Гусь.

— А ты толком скажи — пойму.

Гусь молчал, раздумывая, говорить или нет.

Историю Дарьи Гусевой — его мате-

ри — хорошо знала вся деревня. В сорок третьем году, когда фашисты отступили из здешних краев — а голод был страшный! — ребятишки, да и взрослые ходили по их землянкам да блиндажам искать, не осталось ли чего съестного. Даша, тогда ей всего-то было десять годов, тоже пошла туда со своими братьями. В одной землянке они нашли ящик печенья. Целый ящик! Наелись досыта, а потом решили этот ящик домой унести. Только сдвинули с места, тут и ахнуло: ящик был заминирован. Братьев Даши на куски разнесло, а ей руку оторвало. Мать, только что пережившая гибель мужа, от такого горя с ума сошла и скоро умерла, а осиротевшую Дашу пригрела одинокая бабка Анфиска. Вдвоем они и жили.

В девках Дарья была красавица, одно плохо — без руки. Посватался к ней какой-то вербованный, с лесопункта, она и вышла замуж. А расписываться он не стал. Меньше года пожил и выгнал с ребенком. Опять Дарья осталась с бабкой Анфиской. Никому не нужна стала на всю-то жизнь такая, безрукая да еще с ребенком. И часто в минуты горького отчаяния Дарья укоряла Гуся: «Ты всю мою жисть испортил!..» Васька понимал ее тоску, ее боль, но что он мог поделать? Разве виноват он, что родился на свет?

Но сейчас Гусь так ничего и не сказал Тольке: зачем говорить, к чему?

Долго молчали.

— Она тебя бьет? — спросил Толька.

— Била. А теперь — нет. Так, иногда сгоряча хватит, что под руку попадется... Да я на это не обижаюсь... Вот кончу восемь классов и подамся в город. На завод поступлю и мамку возьму в собой. Там, в городе-то, все готовое. Один кран открыл — холодная вода, другой открыл — горячая. И печку топить не надо: батареями топят. Сварить что понадобится, газ включил — и готово. Мамке легко в городе будет.

— Я тоже из деревни уеду. Батя пьет, дома каждый день скандалы... Стыдно!.. В техникум хочу поступить. Выучусь на машиниста, по всей стране ездить буду...

Дремала тайга. Еще не пропела свою первую песню зорянка, и лишь какой-то неутомимый вальдшнеп одиноко летал вдоль опушки, роняя в предутреннюю тишину монотонный и хриплый зов.

Вальдшнеп летал по кругу. Через каждые пять-семь минут его силуэт показывался из-за вершин деревьев на фоне поблекшего неба. И Гусю казалось, что эта нахохлившаяся птица с уныло опущенным клювом безнадежно ищет что-то потерянное.

«А ведь у них, у птиц, наверно, тоже как у людей — у каждой своя судьба, своя жизнь,— подумал Гусь.— Спросить бы у него, чего он летает, когда все спят?»

Гусю подумалось, что на весь этот лес сейчас только они вдвоем и не спят — сам он да вот этот вальдшнеп, который уже настолько устал, что и крыльями-то машет еле-еле. А может, у него нет лапок? Выстрелил охотник, отстегнул лапки дробью, и теперь вальдшнеп будет летать до тех пор, пока где-нибудь не упадет. Или у него одна лапка? И вальдшнепихи не любят его такого, однолапого, и он живет так же одиноко, как мать. Ведь если бы у матери были обе руки, то и муж ей нашелся бы, а значит, и отец у него, у Васьки, был бы, и братья, и сестры, и жизнь получилась бы совсем-совсем не такая...

Костер догорал, но идти за дровами не хотелось, и Гусь стал сгребать березовой палкой головни. В это время в отдалении послышался низкий тягучий звук. Он медленно нарастал, ширился и скоро заполнил всю окрестность заунывным стоном, в котором звучала и мрачная сила, и угрюмая отрешенность, и зловещая угроза всему, что обитает в тайге. Гусь вскочил: волки! Опять на Журавлином болоте воют. Он растолкал спящего Тольку.

— Вставай! Слышишь? Ну!.. Да вставай же, волк воет!..

— Волки? — Толька мгновенно поднялся на ноги.— Они сюда придут?

— Да ты слушай, слушай!..

Но тайга молчала. Даже вальдшнеп не тянул, видно, присел где-то, одинокий, на кочке отдохнуть.

— Вот зараза! — выругался Гусь.— Весной всегда так: одну песню провоет и — ша! Как в могилу провалится. Прошлой весной там выл, позапрошлой и теперь тоже...

— А чего он воет?

— Как — чего? У него же волчата! Отправился он за добычей и издали наказ дает: сидите в логове, скоро приду, накормлю... Вот что: свертываем манатки и идем искать логово.

— Так и пойдем? Без ружья, без всего?

— А где я тебе ружье возьму!.. Да не лупай глазами-то, не бойся, не сожрут!

— С ружьем-то все-таки надежнее было бы...

За полдня ребята обошли Журавлиное болото, обшарили захламленные валежником овраги и ложбины, в которых шумели вешние ручьи, но и признаков волчьего логова им найти не удалось.

— Больше я никуда не пойду. На черта сдалось мне это логово. Вот лягу здесь и буду лежать,— на широком Толькином лице, красном от солнца и долгой ходьбы, застыло выражение упрямства.

Гусь расхохотался.

— Лежи. Может, волки примут тебя за падаль и в логово утащат.

— И ничего смешного,— надулся Толька.— Если хочешь знать, я все ноги стер.

— Стер? А ну, покажи! Если соврал, в морду дам, понял?

Толька, сопя, разулся.

— На, смотри! — и ткнул в пятку левой ноги.

Гусь сдвинул темные брови: пятка действительно потерта.

— Чего раньше не сказал? Давай сюда сапог!

Он нащупал у задника задравшуюся подклейку, которая подопрела и отстала от резины, и отрезал ее ножом. Потом нарвал пучок прошлогодней сухой травы и сделал стельку.

— На. И больше не хнычь... А правый тоже трет?

— Правый, вроде, ничего...

Тогда собирай дрова, а я подсочку сделаю. Таким березовым соком тебя напою — враз силы прибудет!

С топором и жестяной консервной банкой Гусь долго ходил в поисках хорошей березы. Но место попалось сухое — сосняк, и березы здесь были хлипкие, корявые, бессочные. Гусь перешел на другую сторону бора и уже приметил в ложбине подходящую березу, но в это время на него пахнуло чем-то удушливым и гадким. Он огляделся и, ничего не подозревая, двинулся против ветра навстречу запаху.

Впереди меж деревьев мелькнуло что-то серое. Мелькнуло и исчезло.

Волк? Гусь замер и крепко сжал топорище, напряженно всматриваясь в чащу леса. Вот в ложбине снова показался серо-желтый зверь — точно, волк! Он неслышно скользнул в заросли и пропал с глаз.

— Толька! Давай сюда! — крикнул Гусь, озираясь по сторонам.

— Сичас!..— отозвался издалека Аксенов.

«Раз волки тут, значит, и логово здесь!» — сообразил Гусь и осторожно двинулся вперед, стараясь понять, откуда же идет этот смрад.

Запах становился все ощутимей. Гусь вглядывался в каждый куст, в каждое дерево. Внимание его привлекла старая кривая сосна с обломанной сухой вершиной. Ее корни с одной стороны были обнажены и неестественно торчали над землей. Приблизившись к сосне, Гусь увидел небольшую хорошо утоптанную площадку, на которой валялось множество обглоданных костей. Под корнями сосны зияла глубокая яма.

Подбежал запыхавшийся Толька.

— Ой, что это? — он в страхе уставился на кости и попятился.

— Что, что! Логово, вот что! Я же говорил, что оно где-то здесь. Во, под сосной, вишь какая ямина! Я уж одного волка видел. Здоровущий!

— Они в этой яме и живут?

— Конечно. Там волчата должны быть. И второй волк, может, там сидит.

— Там? А если он выскочит?

Гусь пожал плечами. Но чтобы не показать, что ему самому страшновато, лихо пнул носком сапога большую кость: — Тогда от тебя вот что останется!

У Тольки так и отвисла нижняя челюсть.

— Ты вот что,— Гусь понизил голос,— не трясись, а то по шее надаю. Понял? Волки удрали, а волчат мы сейчас вытащим...

— Ты хочешь туда лезть?

— А что? Может, тебе охота? Валяй!

Гусь скинул фуфайку и, оставшись в одной рубахе, подошел к яме. Несколько мгновений он стоял в нерешительности — а вдруг в самом деле там волк? Но он не раз слыхал от охотников, да и читал в книгах, что волки никогда не защищают волчат у логова. Тогда чего же бояться? Он поборол минутную робость.

Под сосной оказалась не яма, а нора. В метре от входа она раздваивалась. Справа была просторная глухая камера, в которой вполне можно уместиться, свернувшись калачиком. В камере ничего не обнаружилось. Отнорок же, уходящий влево, был заметно уже, и как ни сжи-

мался Гусь, плечи не проходили. Пятясь, он выбрался наружу.

— Ну чего? — нетерпеливо спросил Толька.

— Волк там сидит. Зубами клацает, а взять его за шкирку — руки короткие.

Он вытащил из-за голенища самодельный нож и снова полез в нору. Грунт был неплотный — супесь, и стенки отнорка легко резались клинком. Время от времени Гусь клал нож на дно норы, вытягивал вперед руку и шарил по стенкам. Землю, чтобы не вытаскивать наружу, он отгребал в камеру.

Работа подвигалась медленно. Несколько раз с помощью Тольки Гусь выбирался из норы, отдыхал, потом снова лез под сосну. Он углубился уже настолько, что у Аксенова едва хватали руки до его ног. В тот момент, когда от удушья и прилива крови к голове перед глазами пошли красные круги, рука Гуся ткнулась во что-то мягкое. И тотчас кто-то больно цапнул его за пальцы.

— Тащи!..— взвизгнул Гусь и всем телом дернулся назад.

Заметив это движение и услышав крик, Толька обеими руками схватил Гуся за ноги и что есть силы потащил из норы.

Нож остался в норе. Гусь тряс окровавленной кистью.

— Носовик есть?

— Нету.

— Тоже, значит, на кулак сопли мотаешь!..— Гусь оглядел свою испачканную землей рубаху, рванул ее за подол и оторвал широкую полосу.— На, завяжи!

Дрожащими руками Толька долго и старательно забинтовывал руку Гуся.

— Маленький, а зубастый, подлюга! — ворчал Гусь.— Только мы все равно их оттуда выволокем. Каждый волчонок тридцать рублей стоит.

Лезть в нору Гусь больше не рискнул. Надежней было выкапывать волчат. Он обошел сосну, прикинул, в каком месте копать, потом вырубил из сосны широкую щепку и сделал из нее короткую лопатку.

Сначала работа пошла быстро: Гусь рассекал топором дерн и рыхлил землю, а Толька выгребал ее лопаткой. Но чем глубже становилась яма, тем медленней подвигалось дело и тем больше беспокоился Гусь, куда же посадить волчат. Раз они могут кусаться, значит, и бегать могут. Чего доброго, разбегутся по лесу,

а скоро вечер... И когда копать осталось совсем немного, Гусь отложил топор.

— Хватит! — сказал он и утер потное лицо рукавом.— Надо пообедать, а то у меня кишки в брюхе болтаются.

После запоздалого обеда работа пошла веселей, и вот уже топор пробил податливый грунт и провалился лезвием в отнорок. Наступил самый ответственный момент.

— Толька, сторожи выход! Головешек туда напихай! — командовал Гусь.— А я волчонков имать буду.

Он спустился в яму и стал осторожно расширять отверстие. Землю теперь не нужно было выгребать наверх: она сыпалась в нору, постепенно отгораживая тупик с волчатами. Когда нора оказалась заваленной землей на всю высоту, Гусь отбросил топор, взял свой опростанный мешок в левую руку, а правую сунул в тупик. И сразу почувствовал, как острые зубы впились в забинтованные пальцы.

— Теперь цапай, цапай! — пробормотал Гусь и сжал кисть в кулак.

Волчонок, крепко схваченный за нижнюю челюсть, завозился, заскулил.

— Есть! Один есть! — закричал Гусь и поднял над землей извивающегося волчонка, серого и лопоухого, очень похожего на длинноногого щенка овчарки.

Подскочил Толька. Не без труда ребята затолкали волчонка в мешок.

Второй волчонок защищался особенно яростно. Он несколько раз вывернулся из цепких пальцев Гуся и так искусал перевязанную руку, что тряпка насквозь пропиталась кровью. Однако и этот забияка угодил в мешок. А Гусь опять шарил в отнорке. Но больше волчат не было.

— Надо в норе проверить,— решил Гусь,— может, остальные туда удрали, пока мы тут копались.

Но ни в норе, ни в просторной камере волчат не оказалось.

— А говорят, что меньше шести волчат в логове не бывает,— вздохнул Гусь.

Он, конечно, не мог знать, что за время, пока они обходили болото, волчица, заподозрившая опасность, успела перетащить и спрятать большую часть выводка.

Волчат нес Гусь. Зверьки возились в мешке, царапались, тихо поскуливали.

— Ты хорошенько гляди, чтобы они мешок не разорвали,— предупредил Гусь Тольку. И Аксенов не спускал глаз с драгоценного мешка.

Не прошли ребята и двух километров от логова, как позади послышался жуткий и тоскливый волчий вой.

— Это волчица,— пояснил Гусь, отметив про себя, что утренняя волчья песня была грубее и ниже.

— А она не пойдет за нами? Ведь она знает, что мы унесли волчат. Вдруг нападет?

— Не ной! Топором отобьемся.

— Да, отобьешься! — и Толька опасливо оглянулся назад.— Лучше залезем на дерево!

— Лезь, если охота...

Гусь был убежден, что волки не рискнут напасть, и к разговору не был расположен: он мечтал. Мечтал, как вырастит волчонка, как будет ходить с ним в лес, как научит его охранять ферму, и тогда матери не понадобится торчать все ночи в сырой и грязной избушке коровника. Да мало ли может быть в жизни интересного, когда у тебя настоящий прирученный волк?!

А Тольке было до того страшно слышать волчью песню, что идти молча он не мог.

— Послушай, Гусь! А что ты хочешь купить на деньги, которые за волчат получишь? Ведь тебе целых шестьдесят рублей дадут! Велосипед можно купить...

— Я своего волчонка выращивать буду,— не сразу ответил Гусь.

— Выращивать? — Толька удивился, как ему самому не пришла в голову такая блестящая идея — вырастить волка! — Ты обоих будешь выращивать?

— Сказано — своего! Один же волчонок твой. Вместе из логова брали...

— Правда? А я думал, ты обоих себе возьмешь. Логово-то ты нашел... А если отдашь одного мне, так я тоже его дрессировать буду.

— Дрессировщик! Смотри, как бы отец твой волчонка на водку не выдрессировал.

— Ничего! Я его спрячу.

— Кого? Отца?

— Волчонка! Или скажу, что это — щенок овчарки. Он же никогда не видал волчат.

— Говори. А мне врать ни к чему. Волчонка я не украл, сам из логова выкопал.

— Тебе что? Ты сам хозяин! — вздохнул Толька.

Ребята спешили домой, а вслед им все неслась и неслась унылая волчья песнь.

...Предсказание Гуся сбылось. Второго мая бригадир Аксенов, пьяный настолько, что едва стоял на ногах, ни с того ни с сего схватил волчонка за заднюю ногу и с размаху ударил об угол дома.

— Тридцать рублей — деньги! — глубокомысленно изрек он и бросил волчонка на сарай.— И ты его не трожь — башку сверну! — пригрозил он Тольке, который все это видел и стоял бледный, готовый броситься на отца.

В тот же вечер Толька ушел в поселок. Третьего мая занятий в школе не было, но он предпочел одиноко прожить последние свободные сутки в интернате, чем видеть, как отец пропивает еще не полученную за волчонка премию.

В сеннике сумеречно и прохладно. Пахнет вениками и мышами, сенной трухой. В многочисленные щели в крыше пробивается свет, и в его голубоватых полосках, наискосок рассекающих сумрак, точно крохотные комарики-толкунчики, мельтешит, посверкивая, пыль.

— Ну вот, Кайзер, опять утро пришло! — говорит Гусь, почесывая палево-серую грудь волчонка.— Опять пропитание искать надо. Медвежата, говорят, все жрут, а ты ломаешься. Тебе мясо подавай! Я, брат, мяса-то сам подрал бы, да где его взять?

Кайзер, большеголовый и широколапый, величиною с добрую лайку, угрюмо смотрит в угол сарая, и трудно понять, слушает он хозяина или думает свою тайную волчью думу.

— Ты вот что,— продолжал Гусь,— плюнь-ка на мясо и лопай рыбу. В ней фосфора много, лучше видеть ночью будешь.

Кайзер медленно повернул голову, скользнул взглядом по лицу Гуся и опять уставился в угол, к чему-то прислушиваясь.

— Чего уши-то навострил? Поди, мамка с фермы идет?

Кайзер тихонько заскулил, поднялся, нетерпеливо переступил тяжелыми лапами.

Скоро и Гусь услышал торопливые шаги матери, возвращающейся с ночного дежурства. Кайзер заскулил громче.

— Не пищи. На место! Сейчас жратвы принесу...

Дарья, высокая сухощавая женщина с усталым, будто застывшим лицом, на котором живыми были только большие черные глаза, брякнула ведро на лавку и, не взглянув на сына, сдержанно сказала:

— Лешой взял бы твоего Кайзера и тебя вместе с им!

— Чего опять! — насторожился Гусь и заглянул в ведро. Молока в нем было совсем мало, литра два.— Больше-то не могла принести?

— Где я больше возьму? Лешой-то косопузой опять расшумелся: не дозволю волка колхозным молоком откармливать!..

— Что ему, жалко? Не бесплатно берем — за деньги.

Гусь отлил молока в широкую жестяную банку, накрошил хлеба, украдкой от матери сыпнул две чайных ложки сахарного песку и понес в сарай.

— Вот, ешь,— подал он миску волчонку.— Маловато, да что поделаешь. Этому пьянице-то и молока для тебя жалко...

Кайзер опустил большую узкую морду, втянул ноздрями воздух — чем пахнет? — и жадно принялся за еду.

В интернате кормить волчонка было проще: ребята носили ему кто что мог, и мяса перепадало, и колбасы, и яиц. А с тех пор, как начались летние каникулы, кроме молока да хлеба, Кайзер почти ничего не видел...

По заведенному в семье порядку Гусь мог быть свободен и идти куда хочет лишь после того, как принесет в избу дров и наполнит колодезной водой большую кадку, что стояла в кухне.

В это утро у колодца Гусь встретил Тольку.

— Слышь, Гусь! — шепнул Толька.— Тебе надо мяса для Кайзера?

— А где ты его возьмешь? — в свою очередь спросил Гусь.

— Батя ночью привез. Много. Пока они с мамкой соль да бочку готовили, я здоровенный кусок тяпнул! Он у меня на сарае спрятан.

— А отец где мясо взял?

— Не знаю. Вроде бы какую-то корову пришлось дорезать — то ли задавилась, то ли объелась чем...

— Отец в колхозе украл, ты — у отца?.. Не надо мне такого мяса.

— Дак я же не тебе! — обиделся Толька.— Я для Кайзера старался. И не у кого-нибудь стянул, а дома. Куда мне его теперь? Выкинуть?

— Ладно уж,— не сразу ответил Гусь.— Тащи. Кайзеру и вправду без мяса худо. Все-таки волк...

— А я о чем? Сейчас я снова приду за водой и принесу мяса в ведре, мы переложим его в твое ведро, ты нальешь воды, и никто ничего не заметит.

Они так и сделали. Все получилось ловко. Но когда Гусь доставал мясо из ведра, в сени вышла мать.

— Это что у тебя? — подозрительно спросила она.— Мясо? Где взял?

— Толька Аксенов дал. Кайзеру,— признался Гусь и добавил: — Оно какое-то худое...

— Худое? Тогда зачем ведро поганишь? — она взяла кусок, понюхала его, повертела так и сяк.— Это худое? Да оно же самое свежее! Ужо я узнаю, откуда у этого лешого мясо взялось!

— Ты же Тольку подведешь! — возмутился Гусь.— Он для Кайзера...

— Мне до Тольки и твоего Кайзера дела нету! Я этого пьяного черта на чистую воду хочу вывести! — Дарья швырнула мясо на пол, взяла в углу веник и вернулась в избу.

На лесистом узком мысу, там, где Сить делает крутой поворот, еще два года назад, летом, Гусь построил большой шалаш, где в случае нужды можно было жить хоть месяц.

Нескладная жизнь с нервной и горячей на руку матерью, которой Гусь немало досаждал своими проказами, состояла из периодов затишья, сменявшихся бурными взрывами. И тогда Гусь, чувствуя себя обиженным, уходил из дому и жил в шалаше.

В уединении он горько переживал размолвку с матерью, придумывал себе ужасную смерть — то его загрызал медведь, то убивало молнией или упавшим деревом, или он тонул в Сити и его труп приносило течением к Семенихе в тот момент, когда мать полоскала белье.

Гусь воображал, как будет убиваться и плакать мать, запоздало раскаиваясь в своей горячности и казня себя за то, что обижала единственного сына. И мало-помалу в его сердце затихала обида, и скоро Гусю самому становилось жалко свою одинокую мать. Обычно к концу второго или третьего дня от этой обиды не оставалось и следа. Ни рыбалка, ни охота с луком — ничего не могло отвлечь Гуся от тревожных мыслей о матери, которая уже раскаялась во всем и теперь мучается в тревоге за судьбу своего сорванца.

И тогда Гусь гасил костер, наводил в шалаше порядок и спешил домой, прихватив с собой наловленную рыбу. Его возвращение превращалось в маленький семейный праздник. В доме опять водворялся мир и лад до поры, пока Гусь вновь чем-нибудь не выводил из себя Дарью.

Долгое время о шалаше никто не знал. Да и теперь шалаш хранился в строжайшей тайне от взрослых. Здесь бывали из ребят лишь Сережка и Толька. Раза два или три Гусь приводил в свое убежище Таньку, когда они ходили за ягодами и грибами. Это он делал с единственной целью — дать ей понять, что у него нет от нее секретов и что он не ставит Таньку ни в какое сравнение с другими девчонками.

И Танька ценила это доверие: выдать тайну она не решилась бы даже теперь, когда светлая дружба сменилась холодностью и насмешками Гуся.

Ребята берегли шалаш и дорожили им. В начале лета они заново переплетали хвоей и березовыми ветками колья, из которых были сделаны стенки, перекрывали пластинами еловой коры односкатную крышу и меняли подстилку внутри.

Под крышей хранились удочки, соль, спички, огарок свечи, сухая береста для растопки и прочая мелочь. Все это время от времени пополнялось и обновлялось на случай, если бы пришлось прийти сюда внезапно, как говорится, с пустыми руками.

Это лето началось для Гуся спокойно. Дома царил мир. Может, потому, что Гусь еще ни разу очень-то и не провинился.

С Кайзером Гусь бывал в шалаше часто. Чтобы пройти туда незамеченным, он обходил стороной работающих в поле колхозников, а зайдя в лес, чутко ловил всякие звуки. Стучит ли топор в березняке, стрекочет ли косилка на лесной пожне, слышится ли говор идущих на работу людей — Гусь уходил подальше от этих звуков.

Он избегал любых встреч потому, что боялся раскрыть свое тайное пристанище и знал, насколько неодобрительно относятся односельчане к его праздной жизни и лесным скитаниям. Лишь отдалившись от деревни, в глухом лесу Гусь облегченно вздыхал и спускал с поводка Кайзера.

Волчонок легкой звериной рысью

шнырял по лесу и подолгу не показывался на глаза хозяину. Но стоило свистнуть, как волчонок мгновенно появлялся перед Гусем и ждал угощения за исполнительность и расторопность. Наградой служили обычно кусочки сахара или яйца.

Так они приходили к заветному шалашу. Пока Гусь разжигал костер, Кайзер обследовал шалаш, убеждался в полном порядке, потом ложился в отдалении и умно, совсем по-собачьи, следил за хозяином. Но огонь Кайзер не любил. И едва в руках Гуся вспыхивала спичка, отворачивал морду и задумчиво смотрел в лес.

Когда Гусь удил, Кайзер терпеливо лежал рядышком. Гусю казалось, что волчонку скучно вот так лежать, и он развлекал его разговорами. Он говорил с Кайзером обо всем, что думал, и высоко ценил его мудрое молчание.

От Кайзера не приходилось что-либо скрывать, ему можно было доверить любую тайну. А тайн у Гуся было немало. Чего стоила одна только тайна — тайна мальчишеской любви.

— Ты думаешь, Танька из-за меня не мучается? — спрашивал Гусь у Кайзера.— Еще как! Не нужен ей этот моряк. Да и она ему — на что? Ему и постарше девок хватит... А ты бы знал, какие у нее глаза!.. Помнишь?

Гусь подсекал рыбу, клал ее в банку-ведерко, насаживал червя и вновь закидывал удочку.

— Глаза у нее зеленые и большие, очень большие. Когда она сердится, я боюсь ее глаз. Только глаз и боюсь, и, может, потому одни глаза и вижу. А когда она смеется, я вижу все ее лицо. Помнишь, волосы у нее светлые, а брови — черные. У других девчонок, которые светловолосые, бровей совсем незаметно, а у Таньки — как у артистки... Ты вот все понимаешь и молчишь. А я ведь знаю, когда тебе хорошо и когда плохо, что тебе нравится и что не нравится. Так и у Таньки. По ее лицу я все вижу и все знаю... Сказать тебе, о чем она думает? Она думает: «Дура я, дура, что пошла в клуб с Лешкой-моряком! Мне Васька никогда не простит измену. И в город с собой он меня не возьмет. Буду учиться на врача, встречу его случайно на улице, а он пройдет мимо и не поглядит. А потом он будет моряком, но только не простым — подводником. Он совершит в океане подвиг, и его отпустят домой. На целый месяц! И опять он станет не замечать меня. Так я останусь на всю жизнь одна...» Вот что она думает! И ты, конечно, не скажешь ей, что я ее одну никогда-никогда не оставлю. Если она не будет мне больше изменять, я ее никогда не обижу и ни разу не вспомню, что она гуляла с моряком...

Какой подвиг он совершит в океане, Гусь еще не знал, но что подвиг будет — не сомневался.

Кайзер тоже верил в геройство своего хозяина и никогда не возражал ему...

Иногда Гусь брал с собой на Сить и своих друзей. В обществе ребят он совсем не походил на того задумчивого и тихого подростка, каким знал его Кайзер.

Гусь смело нырял в омут, доставал с пятиметровой глубины песок и камешки — свидетельство того, что достиг дна; он залезал на тонкие и гибкие березы до самой вершины, так что береза начинала гнуться — это называлось спускаться «с парашютом», а то бросал в костер железную трубу, заполненную водой и заклепанную по краям. Ребята разбегались и прятались, а над лесом гремел взрыв: труба лопалась от пара, разлетались во все стороны угли, горящие головни...

Ночью Гусь непременно рассказывал страшные истории, которые обычно придумывал сам: то его во время нырянья кто-то схватил за ногу, то за ним плавала огромная, с крокодила, щука, то в лесу ходил следом мохнатый зверь — все время потрескивали сучки, а раз Гусь даже видел обвислую шерсть этого страшилища — точь-в-точь как бороды-лишайники на старых соснах и елках.

Бывали истории и правдивые — по крайней мере в главном, так как Гусь в самом деле немало насмотрелся и наслышался во время лесных скитаний. Но и эти истории окрашивались неуемной фантазией рассказчика.

С наступлением лета Сережка перебирался спать на сеновал: прохладнее и, главное, в любое время можно улизнуть на улицу. Вот и теперь, едва начало светать, Сережка потихоньку поднялся, быстренько натянул штаны да куртку, достал из-под сена еще с вечера приготовленный рюкзачок и осторожно, чтобы не скрипнула ни одна половица, вышел в сени. Сапоги, чтобы не нашуметь по лестнице, он нес в руках — обуться можно и на улице.

Но только он притворил за собой дверь, только перевел дыхание — слава богу, выбрался из дому! — как кухонное окно распахнулось и в нем показалась лохматая голова отца.

— Серега! Ты куда это?

— Да я... мы...— растерялся Сережка.— В общем, мы договорились...

— Ну-ко зайди в избу! — и отец захлопнул окно.

В кухне пахло махорочным дымом. Отец в нижнем белье сидел на лавке, закинув ногу на ногу и, опираясь локтем на колено, курил.

— Сядь-ко, потолкуем,— он дунул на цигарку, и красные искры веером брызнули на пол.

Сережка — что станешь делать? — сел.

— Опять с Васькой Гусевым да с Толькой на пакостное дело срядился?

— Почему на пакостное? Мы на рыбалку, на Сить...

— На рыбалку!.. Ежели на рыбалку, так чего воровски уходишь? Ишь, даже сапоги не обул!

Сережка молчал. Он не видел отцовского лица, но по голосу уловил, что тот вроде бы настроен благодушно. А раз так, то пока лучше молчать.

— Беспутный ты растешь какой-то,— продолжал отец.— Мы, помню, этакими-то пацанами за плугом ходили, рабстали наравне со взрослыми, а у вас одна шаль на уме...

— Так то ж в войну! Сам говорил, что работать некому было. Да и голод...

— Война — войной... У нас душа к земле больше лежала,— отец помолчал, потом, будто вспомнив что-то, переспросил: — Так, говоришь, на рыбалку собираетесь?

— Ага...

— Ладно. В другой раз с вечера упреждай. И тайком не бегай. Валяй, иди... Но вот что: в сенокос к делу притяну. Пора привыкать, не маленький...

Сережка мигом обулся и опрометью выбежал из дому.

Гусь и Толька ждали его у ворот.

— Слышь, Сережка. А я у бати новенькую сеть с чердака стянул! — похвастал Толька.— Капроновую! Во рыбы наловим!..

— А плот-то будем делать?

— Как же! — ответил Гусь.— Видишь, я и пилу взял. Такой плот закатим — по всей Сити плавать будем!..

Прибыв к шалашу, ребята первым делом решили поставить сеть. К одному концу сетки привязали длинную бечевку, и Гусь переплыл с нею через Сить. Возле берегов, насколько хватала сеть, вбили крепкие колья.

— Пока плот строим, на уху-то всяко рыбы попадет,— уверенно заявил Гусь,

Топор был один, и постройка плота отняла немало времени. Сначала долго искали подходящий сухостой, потом вырубали толстые бревна и таскали их на берег иногда чуть не за полкилометра.

Сколачивали плот на плаву, так как боялись, что, если его сбить на суше, спустить на воду это сооружение не хватит силы.

Как всегда за действиями ребят сосредоточенно и неотрывно наблюдал Кайзер.

Когда в плот был вбит последний гвоздь, Гусь — капитан корабля — объявил приказ: он назначил своим помощником и рулевым Сережку, а главным механиком — Тольку.

С победными криками «ура!» корабль отвалил от берега.

Плот поднимал троих свободно, и Гусь скомандовал плыть к сетке. Толька и Сережка заработали шестами, выполняя команду «полный вперед!»: первый старался разогнать плот, придать ему скорость, а второй, упираясь шестом то справа, то слева, следил за направлением.

Кайзер — береговое охранение, вообще не любивший воды, затрусил вдоль берега.

В сетку попало пять крупных плотиц и два окуня.

— Видали! А если бы ее на ночь поставить — мешок рыбы! — сказал Гусь.

— Так в чем дело? Останемся на ночь! — живо предложил Сережка.

— Я бы остался, да дома влетит,— вздохнул Толька.— Даже записки не оставил...

— Не влетит! — убежденно сказал Сережка. Сам он на этот раз был спокоен: ушел не тайком — с позволения отца.— Полмешка рыбы принесу, так дома еще и рады будут. Правда, Гусь?

— Не знаю. За рыбу кто же ругать станет?

— Все. Остаюсь! — Сдался Толька.— Будь что будет.

Пока варили уху, обедали, купались, бродили по лесу в надежде, что Кайзер что-нибудь найдет интересное, промелькнул день.

На закате пили пахучий чай из брусничных листьев, а перед тем как ложиться спать, закидали костер гнилушками да сырыми ветками, чтобы больше было дыму и не так досаждали комары.

Гусь растянулся на хвое, заложил руки за голову, спросил:

— Пайтово озеро знаете?

— А как же. Конечно,— разом ответили Сережка и Толька.

— И бывали там?

— Нет. Не бывали.

— Ну вот. А говорите — знаете. Прошлый год в конце лета я искал за Журавлиным болотом глухариные выводки.

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

В декабре 1969 года в Казани отмечалось 80-летие со дня рождения выдающегося революционера Виктора Александровича Тихомирнова, имя которого носит одна из улиц города. Много материалов о своем земляке собрали следопыты школ № 34 и № 27 и члены краеведческого кружка детской туристско-экскурсионной станции.

Ребята установили связь с сестрами В. А. Тихомирнова — Ольгой Александровной и Зинаидой Александровной. Прислала следопытам письмо и дочь его — известная балерина, солистка Большого театра Ирина Тихомирнова.

Виктор Александрович лично знал В. И. Ленина. Сестры революционера вспоминают, что когда у В. А. Тихомирнова кончился срок ссылки, Владимир Ильич пригласил его приехать в Поронино. Там Виктор Александрович составлял необходимые для работ В. И. Ленина таблицы и сводки по экономике.

Год за годом проследили следопыты школы № 34 жизнь В. А. Тихомирнова. Они узнали, что в 15 лет он стал членом РСДРП, что он сам изготовил гектограф, на котором печатал боевые листовки и брошюры, за что был арестован. В школе есть специальный альбом, в который заносятся все новые данные о замечательном революционере.

Следопыты школы № 27 нашли часть нелегальной библиотеки В. А. Тихомирнова — произведения К. Маркса, Г. В. Плеханова, В. Фигнер. Среди книг был и русско-немецкий словарь со штампом: «Проверено Казанской губ. тюрьмой». В материалах Виктора Александровича обнаружили ребята и высказывание его о своем любимом городе — Казани.

«Наш город,— писал он,— это гордо и сильно звучит. Мало формально, на словах, стать хозяином города, мало называться им, надо на деле им стать. А это — прежде всего уметь вести хозяйство, и прежде всего рабочим, труженикам и бедноте почувствовать, что все, что в городе есть, это их общая собственность, надо ее хранить и бережно с ней обращаться».

И вот забрел в такое место, что самому страшно стало. Сосны да елки — до неба, нигде ни дорожки, ни тропинки, ни одного следка. А под ногами — мох, зеленый, мягкий, как подушка. Так и хочется полежать. Ну, думаю, это леший меня сюда заманил. Если лягу — тут и пропаду... Шел я, шел, гляжу — за деревьями вода заблестела. Я бегом туда. А лесовик под ноги мне коряги пихает. Пока до воды добежал, раз десять кувырком летел. Смотрю — озеро. Небольшое. Вода в нем светлая, светлая. Каждую травинку и камешек на дне видно. Догадался, что это и есть Пайтово озеро. Я о нем и раньше слыхал, а где оно — точно не знал. Ладно, думаю, обойду озерко кругом и найду какую-нибудь тропинку. Прошел маленько, посмотрел снова на озеро, а там, на середине,— лодка-осиновка и человек в ней сидит. Как же так? Озеро круглое, только что нигде никого не было, а тут — лодка! Я крикнул. Смотрю, человек закрутил головой туда-сюда: не понял, откуда кричат. Я ему опять: дяденька, я заблудился! И руками замахал. Заметил он меня, за весло взялся. Не спешит. До берега не доплыл — остановился, спрашивает: чего надо? Он уж совсем старый, с белой бородой, сидит в лодке сгорбившись, как колдун. Заблудился, говорю я, не знаю, как домой выбраться. Тогда он к берегу причалил и спрашивает:

— Откудова будешь?

— Из Семенихи.

— Чего же тебя лешие, прости господи, сюда занесли?

— Да вот,— говорю,— глухарей искал и убрел сюда.

— Ладно. Садись в лодку.

А в лодке у него полно рыбы. Щуки — метровые, а то и больше, лещи, окуни... Кое-как пробрался я до скамеечки, чтобы на рыбу-то не наступить. Сел и говорю:

— Видать, озерко-то рыбное.

— Рыбное. Да не про всякого рыбка здесь водится.

— Как так?

— А вот так! Слова особые знать надо, тогда с рыбкой будешь, а не знаешь слов — сам утопнешь.

— В этакой-то луже? Да я ее вдоль и поперек и еще два раза вокруг без передыху проплыть могу!

— Эхе-хе!..— покачал головой старик.— Здесь еще ни один человек не плавал. Бездонное оно, озеро-то. А ты говоришь — лужа...

— Бездонных озер не бывает. Даже в океанах везде дно есть,— сказал я.

Тогда он остановил лодку, взял в руки дорожку, которой щук-то ловят, прицепил на крючок камень, перевязанный веревочкой крест-накрест, и стал спускать его в воду.

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

Интересную поисковую работу ведут следопыты Тюменской области. Так, ребята из Равнецкой школы Ишимского района увлеклись геологией. Под руководством геолога А. П. Каменских они научились составлять карты участков, которые исследовали, брать и описывать пробы, бурить породу.

Летом по заданию Тюменской комплексной геологоразведочной экспедиции следопыты прошли по маршруту: поселок Равнец — Коси-Карагай — Сажино — Голдобино — Масянка. Они искали новые районы залегания строительных материалов — гравия и песка. Поход оказался успешным. По подсчетам геологов, ребята обнаружили 100 тысяч кубических метров песка и 40 тысяч кубических метров гравия.

А ученики средней школы села Исетского Исетского района создали один из лучших в Тюменской области школьный музей. Здесь собраны материалы о первых пионерах и комсомольцах села, об участниках установления Советской власти в Исетском. Ребята провели встречи со знатными людьми района, с членами бригад коммунистического труда, с почетными гражданами села. Следопыты побывали в колхозах «Победа», «Памяти Кирова», познакомились с экономикой хозяйств. Собранные сведения они используют на уроках географии, литературы и истории.

•

Несколько лет следопыты Новопесковской восьмилетней школы Курганской области ведут переписку с партизанами бригады «дяди Коли», сформированной в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Партизаны рассказывают ребятам о боевых действиях бригады, о своих друзьях, павших смертью храбрых в борьбе с фашистами.

Каждое первое воскресенье июля в деревне Будкиничи Минской области собираются оставшиеся в живых партизаны и чтят память погибших. Приезжает к своим товарищам по оружию и бывший партизан — учитель Новопесковской школы Архип Андреевич Притчин.

— Гляди сам!

Я гляжу. Дорожка длинная, метров пятьдесят, не меньше. Всю леску спустил и подает мне:

— Потрогай! Видишь, натянулась? Значит, камушек до дна не достал.

Я и сам чувствую, что камень висит, вглубь тянет.

— Но это,— говорит он,— еще ничего. Вода здесь полосами: одна полоса теплая, другая — холодная. От этого руки и ноги судорогой сводит. Крикнуть не успеешь, как потонешь.

Я спорить не стал: может, и правду говорит дед.

— А вы, дедушка, те слова знаете? — спросил я.

— Какие слова? — удивился он.

— Да как же! Вы сами сказали, что здесь особые слова надо знать, а то рыбы не достанешь.

— Слова те заветные,— ответил он.— Кому они откроются, тот их и знает. А кто знает — не скажет. А кто скажет, того хозяйка утопит.

— Какая еще хозяйка?

— А как же! Главная щука — самая большая на озере щука — хозяйка... За какой-то грех она мне раз за дорожку уцепилась. Полдня по озеру лодку волочила, все кругами, кругами. Водит, водит, потом и сама покажется. Страшная! Длиной с мою лодку, а то и больше, пасть — как бочка без дна — красная, зубы — с мой палец, и на голове — мох...

— Неправда,— говорю я,— таких щук не бывает.

Он только головой покачал.

— Мал ты еще. Ничего не знаешь, а я вот девятый десяток доживаю, всякого насмотрелся. Хочешь — верь, хочешь — не верь.

Тут он высадил меня на берег, показал рукой в лес и говорит:

— Иди. Все прямо иди, чтобы солнышко тебе в левое ухо светило. Ручеек будет — перебредешь, неглубоко.

Я спросил, нет ли какой тропинки с озера.

— Отсюда,— ответил старик,— нету ни дорог, ни тропинок. И лучше ты забудь, что попал сюда. Худое это место. А домой придешь — никому не говори, где был и что видел. Скажешь — беду накличешь... Вот оно какое, Пайтово озеро!..

— И ты до сих пор терпел, никому этого не рассказывал? — спросил Сережка.

— Никому.

— И не боишься?

— Чего?

— Старик не велел рассказывать, а ты рассказал...

— А я, может, потому и рассказал, что проверить охота, правду дед говорил или нет.

— Конечно, неправду! — отрезал Толька.— Я вот ни во что такое не верю — в приметы разные, в предсказания... Все это чепуха!

— Ясно, чепуха! — поддержал Сережка.

Гусь молчал.

В полночь за стенкой шалаша забеспокоился Кайзер. Он всегда оставался на вольном воздухе и ложился непременно у той стенки, у которой лежал Гусь.

— А вдруг сюда придет та волчица? — шепотом сказал Толька.

— Не придет. Раз у нее логово разорили, она далеко ушла и сюда не вернется.

Кайзер опять пошевелился. Было слышно, как он встал и, сопя, потянул носом воздух. Потом прошуршала трава и, будто переломили спичку, хрустнул сучок.

— Слышал? — спросил Сережка.

— Тихо! — предупредил Гусь и сел, чтобы лучше слышать, куда пошел Кайзер.

Через несколько минут на реке раздался сильный всплеск, потом еще и еще раз.

— Это Кайзер? — спросил Толька.

— Нет. Он в воду не полезет,— ответил Гусь.

— А кто же тогда?

— Почем я знаю. Пошли на реку.

Ребята выскользнули из шалаша.

— Да это же у сетки,— догадался Гусь.— Бежим!

Кол, к которому была привязана сеть, раскачивался и вздрагивал, а на средине реки плескалась крупная, видимо, рыба. Ощетинившийся Кайзер стоял у самой воды и неотрывно смотрел туда, где расходились широкие круги.

Гусь отвязал плот, все трое вскочили на него и отчалили от берега.

Поплавки сетки были утоплены, а в том месте, где попала рыба, вода бурлила от мощных ударов хвоста.

Гусь погрузил руку в воду почти до плеча, нащупал верхнюю тетиву сети, не без труда приподнял ее и начал перебираться руками от поплавка к поплавку. Он хорошо ощущал упругие рывки сильной рыбы, которая вот-вот должна была показаться на поверхности.

— Теперь-то не уйдешь. Теперь-то наша будешь,— цедил сквозь зубы Гусь.

Тут раздался истошный визг, и Толька в чем был сиганул в воду. Плот качнуло, сеть рвануло куда-то вниз, и Гусь, потерявший равновесие, тоже оказался в воде. Фыркая и ругаясь, он бросился было к берегу, но услышал плаксивый крик Сережки, опомнился и завертелся на месте, отыскивая глазами Тольку.

В нескольких метрах от себя Гусь увидел взметнувшуюся над водой Толькину руку, которая тотчас снова ушла под воду. Ему сделалось жутко.

— Плот! Гони сюда плот!..— крикнул Гусь Сережке, а сам поспешил на помощь Тольке: он понял, что тот запутался в сетке.

Улучив момент, Гусь схватил Толькину руку и что было сил рванулся к берегу. Но в тот же миг кто-то сильно потащил Тольку в глубину. Балдея от ужаса, Гусь отчаянно заработал ногами. Под водой что-то оборвалось, и скоро на поверхности показалась Толькина голова.

А плот все относило и относило течением.

— Ты, падло, шевелись там! — крикнул Гусь Сережке, который все еще маячил на средине реки.

Когда-то в школе рассказывали, что утопающим надо немедленно делать искусственное дыхание. Но как делать, Гусь не знал. Он дотащил Тольку до берега, перевернул вниз головой и стал трясти.

— Ты только попробуй помереть, только попробуй!..— хрипел Гусь, по-своему возвращая к жизни утопленника.

Он тряс Тольку до тех пор, пока тот не застонал.

— Ну вот! — облегченно вздохнул Гусь.— Так-то лучше...

Ребята стояли вокруг костра и суши-

ли одежду. Комары тучами вились вокруг их голых тел, и Гусь, чтобы больше было дыму, то и дело подбрасывал в огонь зеленые ветки.

Тольку все еще била лихорадка, он не мог связать и трех слов.

— Щука... Мох на голове! — вот единственное, что он пока сказал.

А Сережка рассказывал:

— Ты как сетку-то стал поднимать, щука-то и полезла кверху. Огромадная! И правда, на голове у нее мох, тина такая. Толька увидел да как заорет! И в воду... Потом, гляжу, и ты нырнул. Шест куда-то подевался, и меня понесло...

— С вами лягушек ловить, а не рыбу,— ворчал Гусь.— Ладно, пуговица у пиджака оторвалась, а то бы сидели в сетке с этой щукой.

— Слу-ушай! — прошептал Сережка, округлив глаза.— А ведь старик-то, который на Пайтове... Выходит, он прав? Только ты рассказал нам — и сразу такое приключилось.

— Что приключилось? Сами виноваты... А вот мох на голове у щуки был, это правда. Сам видел. Думал, показалось. Но всем-то троим не могло показаться...

Сетку снимали на восходе солнца. Точнее, снимал ее Гусь, а Толька и Сережка стояли на берегу и смотрели.

Рыбы попало на удивление мало — ухи на две. Никакой щуки, конечно, не было, но зато средина сети — сажени на две — изорвана в клочья, даже верхняя тетива в нескольких местах будто расстрижена ножницами.

Не успел Гусь переступить порог, как Дарья торжествующе объявила:

— Ты знаешь, какое мясо Толька тебе приносил?

— Какое? — спросил Гусь, предчувствуя недоброе.

— На третьей ферме телка клевером объелась, а ветеринар с этим лешим косопузым акт составили, будто она удобрениями отравилась. В акте записали, что мясо этой телки закопано, а на самом деле его ветеринар с бригадиром пополам разделили. Вот!

— Ты-то откуда все узнала?

— Узнала! Зоотехник-то в городе была, только вчерась утром приехала. Вот я ей и пожалилась...

— Ты сказала, что Толька приносил мясо?

— А как же! Как же я такое не скажу? Телку-то и раскопали. А там одна голова да копыта. Да еще шкура с требухой. Мяса-то нету! Милицию вызвали, обыск у косопузого сделали и мясо нашли. Под полом, в бочке засолено.

— Бригадира забрали?

— А чего забирать? Куда он теперь денется? Судить будут. С утра сегодня водку глушит. Дома всю посуду переколотил, меня со свету сжить грозился, а Тольку, говорит, убью! С Толькой, говорю, как хошь — твой, а меня пальцем не тронешь...

С улицы послышалась страшная ругань, визг, крики. Гусь бросился к окну. От бригадирова дома, огородами, бежал Толька, а пьяный отец швырял вслед ему поленья и ругался последними словами. Гусь схватил кепку.

— Куда? Сиди дома! — цикнула Дарья.— Не встревай!

Но Гусь оттолкнул мать и выскочил из избы.

— Шпана! Мать отпихивать?! Да я тебя, гаденыша!..— кричала Дарья и стучала кулаком в раму.

На сарае бесновался Кайзер, по-собачьи поскуливая и коротко взвывая.

— Заткнись! — крикнул ему Гусь и бросился догонять Тольку.

Он нагнал его у самого леса, схватил сзади за плечо.

— А-аа!..— дико заорал Толька, но, обернувшись, осекся и повалился на траву.

Гусь отшатнулся: вместо лица у Тольки была бесформенная кровавая масса.

— Чем он тебя так? — спросил Гусь и опустился на корточки возле товарища.

— У... ут... ут... утюгом,— едва выговорил Толька.

— Вот гад! Фашист!..— Гусь скинул майку, разорвал ее пополам.— Давай завяжу!

Толька отрицательно помотал головой.

— Луч... лучше бы... лучше бы я утонул! — выдавил он.

— Я те утону! Сказано, завязать надо! У тебя же весь нос расквашен.

Гусь кое-как перевязал Толькино лицо, оставив открытыми лишь глаза да нижнюю губу.

— Чего делать-то будем? — спросил он.

— Не знаю... Домой я больше не пойду! Совсем не пойду. Никогда!

— Правильно. Живи у нас. Точно!

Я с Кайзером на сарае сплю, и ты там же будешь.

— Не пойду. Он меня и там найдет. Убить грозился! Пьяный, на ногах еле стоит...

Гусь вздохнул.

— Тогда вернемся в шалаш... Уж там-то он тебя не найдет.

— Там щука...

— Ну и что? Рыбу я буду ловить, а ты дрова станешь собирать, уху варить... За морошкой на Журавлиное болото сходим...

— Пойдем,— согласился Толька.

Когда-то Семениха была большой деревней, число дворов в ней доходило до восьмидесяти. Но в послевоенные годы деревня стала таять и поредела настолько, что трудно было найти по соседству два жилых дома. Во многих избах жили лишь старики. Зато летом в Семениху наезжало столько отпускников, что деревенька превращалась в дачный поселок.

Отпускники приезжали целыми семьями и жили в своих домах, откуда ушли на поиски счастья в далекие манящие города. Они ходили на рыбалку, загорали, собирали грибы и ягоды. Грибы сушили, маринновали, солили, из ягод готовили варенье. А в конце лета пестрая шумная армия отпускников, нагрузившись ведрами, кадками, банками, мешками, уходила на железнодорожный полустанок и разъезжалась по всей стране.

Колхозная работа отпускников не интересовала, и лишь те, которые специально приезжали помочь своим старикам накосить сено «на проценты», сенокосничали наравне с колхозниками. Но таких было немного, потому что и коров-то в деревне было мало.

Из стариков держала корову только Марфа Пахомова, горбатая семидесятилетняя старуха, которая жила в центре Семенихи. Конечно, Марфе корова была не нужна, но в городе у нее жил единственный сын Николай — отец большого семейства. Марфа копила молоко, сбивала масло, делала домашний сыр и все это отправляла сыну в город.

Николай приезжал на сенокос каждый год. Он привозил с собой старших сыновей, работящих, серьезных парней, и за три недели Пахомовы заготовляли столько сена, что положенных двадцати процентов с избытком хватало Марфе для своей коровы.

Поговаривали, что Николай вовсе собирается переехать на жительство в деревню и потому следит за домом и так крепко держится за корову.

Молва оказалась верной. В конце июня Николай вдруг приехал в Семениху со всем своим семейством и имуществом. Это случилось в тот день, когда Гусь и Толька, жестоко избитый отцом, ушли на Корьюгу.

Возвращение Пахомовых всколыхнуло тихую деревеньку.

Бабы судили разное.

— Люди по городам разъезжаются, а он — из городу в деревню! — недоумевали одни.

— А чего в городе-то с этакой семьей жить? — возражали другие.— Сам восьмой. Там деньги с неба тоже не сыплются.

— И здесь не малина. Хватит горюшка!..

— Ничего не хватит! Мужик работящий, вон как на покосе-то пластает! Не пьет, руки к хозяйству лежат, сыновья большие... Получит участок, корова у Марфы хорошая. Чего еще надо? Хуже других жить не будет...

«По секрету» сообщалось и такое, будто Пахомовых направила в деревню партия и что Николай будет бригадиром вместо Аксенова, которого теперь-то уж непременно снимут с работы.

Но что бы там ни говорилось, а общее мнение однодеревенцев оказалось единым и весьма одобрительным: в деревню приехал — не из колхоза сбежал. Больше бы людей к земле возвратилось, дела в хозяйстве пошли бы веселее.

Пока выгружали из машины небогатые пожитки Пахомовых, ребятишки и старухи толпились возле Марфиной избы, с откровенным любопытством разглядывая горожан и их имущество.

Витька, средний сын Пахомова, смуглый сухощавый подросток с черными глазами, хмуро сказал Сережке, который, заложив руки в карманы, крутился возле машины:

— Чем вот так глазеть, лучше помог бы носить.

Сережка, ошарашенный столь бесцеремонным замечанием, покраснел.

— Давай, мне не тяжело...

Витька подал ему из машины стопку связанных книг.

— Дай и мне! — подскочила Танька.

Скоро в работу включились все ребя-

та, что постарше, и машина была вмиг разгружена.

— Папа, я схожу на речку поплавать? — спросил Витька у отца.

— Ну, сходи! — не совсем охотно отозвался тот.— Ненадолго.

— На часок, ладно?

— Иди.

Витька побежал в избу, а Сережка в недоумении глянул на сестру: о таких пустяках здесь не принято спрашивать разрешения родителей.

Через минуту Витька показался на крыльце с голубыми ластами, маской, трубкой и еще какой-то диковинной блестящей штукой в руках.

— Ой, что это? — воскликнула Танька.

— Подводное ружье,— с достоинством ответил Витька.

— Ружье? Подводное?! — изумился Сережка.— И из него можно стрелять?

— Конечно. Видишь, какой гарпун! Любую рыбу насквозь пробивает,— Витька извлек из ружья сверкающую никелем стрелу.— Под водой на семь метров бьет!

По тому, как блестели глаза Витьки, когда он это говорил, нетрудно было догадаться, что ружье — самая драгоценная его вещь, которой вполне можно гордиться и не грешно похвастать.

— И ты уже стрелял рыб? — с затаенной завистью спросил Сережка.

— Стрелял. Только у нас, в городе, вода очень мутная да и рыба мелкая.

— А в Сити во какие щучины есть! — Сережка раскинул руки.— У некоторых даже мох на голове от старости вырос. И язи есть — здоровущие! И лещи...

За Витькой и Сережкой, пока они шли к реке, увязалась целая ватага мальчишек и девчонок, которые знали о подводном снаряжении только по кино да из книжек. Всем хотелось потрогать ласты и маску, посмотреть удивительное ружье, которое пробивает насквозь любую рыбину, и, главное, своими глазами увидеть, как Витька будет плавать и охотиться в Сити.

— Вот жалко, Гуся нет,— вздохнул Сережка.

— А где он? — спросила Танька.— Там?

— Наверно, там. Он с Толькой...

Ребята привели Витьку на то место, где обычно купались, но Витька поморщился.

— Тут не поохотишься. Водорослей нету, какая здесь рыба?

— Здесь нету рыбы?! — оскорбился Сережка.— Да если хочешь знать...

— Я не спорю,— перебил его Витька,— но мне трава нужна, чтобы водорослей побольше. А здесь голое место, песок да камни и ни одной травинки.

— Так ведь в траве запутаешься. Даже Васька Гусев в траве-то не плавает.

Но ссылка на непререкаемый авторитет Гуся не произвела на Витьку никакого впечатления. Это задело самолюбие Сережки, и у него родилась дерзкая идея: свести Витьку на Вязкую старицу, где еще никто и никогда не плавал, потому что берега там вязкие, а сама старица чуть ли не сплошь затянута водорослями.

— Значит, тебе травы нужны? — переспросил Сережка.— Тогда пошли!

— Ты куда хочешь его вести? — подозрительно спросила Танька.

— На старицу.

— И не выдумывай!

— А что? — насторожился Витька.

— Да там, понимаешь, коряга на коряге, и все вот так травами переплетено,— для убедительности Танька покрутила руками.

— Ну, а рыба-то есть там?

— Там рыбы навалом! — загалдели ребята.— Только ее ничем не выловишь.

— Веди на старицу! — обернулся Витька к Сережке.

Вязкая старица выглядела впечатляюще. По берегам черные от воды и почти лишенные листьев заросли ивы, то тут, то там зеленеют островки камыша и рогоза, местами торчат из воды причудливо изогнутые коряги, увешанные тиной и мхом. И всюду трава, трава, трава — элодея, кувшинки, кубышки, стрелолист.

— Ну что, поплывешь? — скрывая усмешку, спросил Сережка.

— Конечно!

— Валяй! Лодки, смотри, нету, запутаешься — некому вытаскивать.

Но Витька не обратил на предупреждение никакого внимания. Он разделся, забрел в воду до пояса, натянул на ноги ласты, сполоснул маску, зачем-то поплевал в нее, потер пальцами, снова сполоснул и только после этого надел на лицо, а трубку взял в рот.

Тем временем со дна поднялась вонючая рыжая грязь, в которой плавали какие-то жуки и пиявки. Однако и это ничуть не смутило Витьку. Он зарядил

ружье, еще раз поправил маску, потом наклонился и почти без всплеска нырнул прямо в гущу водорослей. Через несколько секунд на поверхности воды показался конец трубки и затылок пловца.

— Вот обождите, он запутается в траве, обязательно запутается! — тревожилась Танька.

Сережка молчал. Он сам был неплохим пловцом, уступал лишь Гусю, и видел, что Витька плывет необычайно легко, быстро и бесшумно, а водоросли будто раздвигаются перед ним.

Вода в Вязкой старице была непроточная и потому прогревалась хорошо. Отстоявшаяся, она к тому же была прозрачна, как в хорошем аквариуме, и у Витьки захватило дух от той прелести, которая открылась взору. Розовые, желтые, коричневые, зеленые — всех оттенков листья водных растений и тонкие извивающиеся стебли создавали впечатление сказочного неземного мира. А по дну расстилались зеленоватые мхи. Вдали они выглядели почти голубыми и будто растворялись в синеватой толще воды.

Чуть-чуть шевеля ластами, держа ружье в правой руке, Витька осторожно раздвигал рукой водоросли и во все глаза смотрел на это подводное царство непривычных красок. Никакого сравнения с тем, что наблюдал он в мутных водах пригородной реки, где весь подводный мир предстает лишь в одном желто-сером цвете и где дальше полутора метров ничего увидеть невозможно. А здесь прозрачность воды была по крайней мере метров пять или шесть.

Перед маской сновали мелкие рыбешки, тоненькие, прозрачные, с мизинец и меньше. Их тут были тысячи. Но вот впереди показалась стайка окуньков. Красноперые рыбки, топорща колючие спинные плавники, таращили на Витьку — это огромное чудовище — желтые глаза, смешно поднимались на изогнутые хвостики, потом вдруг бросались врассыпную, уступая пловцу дорогу.

Витька выбрал окуня покрупнее и повернул предохранитель, собираясь стрелять. И в этот миг вдали возникли туманные силуэты огромных рыб. Витька замер. Он знал, что под водой, сквозь маску, рыба кажется на добрую треть крупнее. Но даже если бы эти рыбы оказались вдвое, втрое меньше, и то они выглядели бы гигантами по сравнению с окуньками.

Витька повис на месте. Он не дышал, он не смел моргнуть, шевельнуть пальцем! Он со страхом ждал, был уверен, что рыбы — это были язи — вот-вот исчезнут.

Однако язи и не собирались уплывать. Они явно желали рассмотреть подводного пловца поближе и повернули навстречу. Вот уже видны их желтоватые глаза, красные грудные плавники, серебристая чешуя — каждая чешуинка! Витьке сделалось жарко. От наконечника гарпуна до ближайшей рыбины не больше метра. Надо стрелять! Но разве попадешь, если рыба плывет навстречу?

«Промахнусь, ой, промахнусь!» — с отчаянием думал Витька, сгибая палец на спусковом крючке.

Этого малейшего движения пальцем было достаточно, чтобы вся стая встревожилась. Язи стали разворачиваться — одни вправо, другие влево. Теперь ни секунды промедления!

Витька слышал тупой удар гарпуна и видел, как брызнули сорванные острым наконечником чешуйки. Подстреленный язь метнулся было в сторону, но, теряя силы, медленно пошел ко дну. В прозрачной воде заалело облачко крови.

И тут вся рыбья стая пришла в смятение. Язи беспокойно сновали взад-вперед вокруг Витьки, задевали скользкими боками его плечи, руки, ноги.

Пока Витька нырял за подстреленным язем, пока нацеплял его на кукан и заряжал ружье, рыбы держались поблизости, а затем, словно по команде, исчезли.

А на берегу в это время творилась невообразимая паника.

— Так и есть, запутался — кричала Танька.— Ведь утонет. Чего вы смотрите? Спасать надо! Веревку надо!..

— Да не ори ты! — огрызнулся Сережка.— Пока за веревкой бегаешь, сто раз утонуть можно. Да и не докинешь туда веревку...

Кто-то из малышей громко заплакал. Трудно сказать, чем бы это все кончилось, если бы все вдруг не увидели, что Витька перестал крутиться на месте и поплыл дальше срединой старицы.

— Ну куда он опять плывет? Рехнулся, что ли?! — возмущалась Танька.

Потом Витька опять нырял, опять крутился на месте, будто что-то удерживало его под водой, и голова его то появлялась, то исчезала.

Ребята постарше начали злиться.

— Чего бахвалится? — не выдержал и Сережка.— Раз выпутался, второй раз выпутался, а потом так замотается, что и не выберется.

Но Витька, поглощенный необыкновенно удачной охотой, плавал до тех пор, пока не почувствовал, что сильно озяб. И тогда он повернул обратно и поспешил к берегу.

— Вы смотрите, что он делает, что делает! — раздалось несколько голосов.— Во дает! Ух ты!..

Напрямик, не огибая водоросли, Витька быстро плыл к берегу, клином рассекая воду. Но каково было изумление ребят, когда он вылез из воды с тяжелой связкой рыбы на поясе! Самые отчаянные, самые смелые подвиги Гуся на воде померкли перед тем, что совершил Витька.

Вовка Рябов восхищенно сказал:

— Вот это — да! Где уж Гусю тягаться!..

Даже Сережка не нашелся, что сказать в защиту своего лучшего друга, и только Танька заметила:

— У него же нету ластов. И ружья нету...

В этот год Танька еще не бывала в шалаше — Гусь ни разу не приглашал ее с собой. Но не выгонит же он ее, если она туда придет? И, кто знает, может быть, он оценит ее поступок, что она не побоялась идти по лесу целых восемь километров, и они, наконец, помирятся. Но если Гусь и не пойдет на примирение, если он не оценит ее мужество, она не обидится — сама виновата.

Виновата... Как давно, кажется, это было! Танька вспоминает тот январский день, когда она, не устояв перед соблазном пойти в кино с моряком, впервые почувствовала себя взрослой. Слов нет, тогда она совсем-совсем забыла о Гусе. Вернее, не то что забыла — просто он отодвинулся куда-то далеко-далеко, потому что было бы смешно сравнивать красивого рослого моряка с худеньким подростком, который еще ходит в седьмой класс...

Но после того, как Танька поняла свою ошибку, она сразу вспомнила о Гусе и дала себе слово никогда больше не изменять ему. Она не пошла в кино даже с десятиклассником Юркой Субботиным, самым красивым парнем в школе, в ко-

торого влюблены все девчонки, все, кроме нее, Таньки.

Она простила Гусю обидные шутки и насмешки, и еще многое готова ему простить...

И сейчас Танька думала о том, что, может быть, Гусь заболел или с ним случилось несчастье, небольшое несчастье, совсем небольшое. И тогда бы Гусь узнал, какая она заботливая и внимательная. Она бы положила его голову себе на колени и гладила его волосы нежно-нежно. И ему бы стало легче, он бы закрыл глаза, а потом уснул. И спящего — только спящего! — она бы его поцеловала. А на самом деле он бы не спал, а только притворялся спящим. И он бы сразу понял, что она любит его...

Танька не заметила, как прошла половину пути. Вот и просека. Теперь надо идти влево до квартального столба, потом снова повернуть на юг и идти до тех пор, пока просека не упрется в Сить. А там берегом до шалаша совсем близко.

И вдруг Танька вспомнила: Гусь-то в шалаше не один, он с Аксеновым, которого, говорят, избил отец!.. И она стала придумывать, куда бы мог исчезнуть Толька хотя бы на час, на полчаса. Она представила: Гусь болен, он лежит в шалаше, он не может подняться, и Толька сначала уходит за дровами, а потом идет ловить рыбу. Но рыба ловится плохо, и Толька простоит на берегу с удочкой до самого обеда...

Танька успокоилась и прибавила шаг. В желтом, белыми горошинами платье в талию, стройная и гибкая, она шла легко, не испытывая никакого страха в этом дремучем глухом лесу. Пустая тарка тихо позвякивала о ветки.

Тряпка, который был перевязан Толькин нос, так присохла, что ее пришлось отмачивать. Гусь подогрел на костре воду, поставил котелок на пень возле шалаша и строго сказал:

— Вставай на четвереньки и опусти нос в котелок!

Толька послушно наклонился. Но от теплой воды и от того, что голова была ниже туловища, разбитый нос заныл. Толька захныкал.

— Не скули! Терпеть надо! — цыкнул Гусь.

— Я терплю,— прогундосил Толька,— да ведь больно...

Кайзер, лежавший возле шалаша, насторожился, тихо встал и осторожно направился в лес.

— Отмачивай, а я посмотрю, чего там,— сказал Гусь и пошел за волчонком.

Впереди меж деревьев мелькнуло желтое платье.

«Кого еще леший несет!» — удивился Гусь и встал за дерево. Ждать пришлось недолго. Скоро из-за сосен показалась Танька. Увидев волчонка, она вздрогнула, остановилась, потом тихо позвала:

— Кайзер, Кайзерушко! Иди ко мне...

Кайзер поднял голову и резко затрусил на знакомый голос. Однако вплотную к Таньке не подошел, а остановился в нескольких шагах, выжидающе глядя на Танькины руки.

— Глупенький! Нету у меня ничего! — так нежно сказала Танька, что Гусю сделалось зябко.

Он вышел из-за сосны и приблизился к девушке.

— Чего пришла? — спросил хмуро.

Она склонила голову и молчала.

— А в тарке что? — снова спросил Гусь.

— Ничего. Пустая...

— Пустая. Сама ты пустая!.. Хоть бы хлеба принесла. Или молока. А то притащилась, сама не знаешь зачем.

Гусь свистнул Кайзеру, повернулся и побрел к шалашу. Через минуту не стерпел, оглянулся. Танька стояла все так же, опустив голову, и будто разглядывала свои туфли.

— Ну, чего стоишь? Пришла, так иди уж. Хоть перевязку Тольке сделаешь.

Бессловесная и робкая, совсем не похожая на обычную Таньку, задиристую и бойкую, девушка стояла одиноко, будто весь мир покинул ее.

— Так иди же! — мягче сказал Гусь и обождал, пока Танька подошла.

Толька все так же стоял на четвереньках.

— Ой, что это он делает? — вскрикнула Танька.

— Нос отмачивает.

— Нос? Зачем?

— Надо, значит,— и Тольке: — Хватит теленком-то стоять, поди отмокло!..

— Кажется, еще нет,— отозвался Толька.

Пока Гусь ходил следом за Кайзером, Толька, конечно, не отмачивал повязку, а стоял на коленях, прислушиваясь к разговору.

Гусь молча взял его за ворот рубашки.

— Вставай. Вон врачиха пришла, перевяжет.

— Не... лучше ты...

Повязка действительно плохо отмокла, и Гусь долго снимал ее. Танька стояла рядом и испуганно смотрела на коричневую от крови тряпку, которую слой за слоем отдирал Гусь с Толькиного лица. Когда повязка была снята, Гусь так и ахнул: распухший нос был сворочен налево.

— Гад, он же уродом тебя сделал!

Толька осторожно потрогал кончиками пальцев нос и заплакал. Плакал он навзрыд, по-ребячьи, размазывая по щекам слезы, которые, смешиваясь с кровью, так обезобразили его лицо, что смотреть на него стало страшно.

— Ты замолчишь или нет! — рявкнул Гусь.— На медпункт надо идти, а не реветь.

Он швырнул Таньке остатки своей майки.

— Перевязывай, а я переметы пойду смотреть.

У Таньки дрожали руки, она боялась прикоснуться к Толькиному лицу.

— Такие, как ты, на фронте бойцов из-под пуль вытаскивали, а ты нос перевязать не толкуешь! А еще врачом собираешься быть...— в сердцах сказал Гусь и сам принялся за перевязку.

Не обращая внимания на вскрикивания Тольки, он обмотал тряпкой его лицо и взялся за удочки.

— Можно, и я с тобой? — тихо спросила Танька.

— Иди. Не жалко.

Они встали на плот, оттолкнулись от берега.

— А ты знаешь, ведь Пахомовы из города приехали,— сказала Танька.— Насовсем.

— Ну и дураки. Все в город, а они — из города.

Танька хоть и не была согласна с таким мнением, но спорить не стала.

— Ты Витьку ихнего знаешь? — спросила она.

— Нет. А что?

— Он тоже седьмой класс кончил. У него подводное ружье есть. И ласты, и маска.

— У Витьки-то? Врешь!

— Чего мне врать? Сама видела. Он на Вязкую старицу плавать ходил. Кучу рыбы настрелял! Большущих язей и одну щуку. Он так здорово плавает, ты бы посмотрел!..

Гусь ревниво искоса взглянул на Таньку и усмехнулся:

— Уже влюбилась?

Танька вспыхнула.

— Если хочешь знать, он лучше тебя! — выпалила она.

— Где уж мне! — деланно вздохнул Гусь.— И Лешки-моряка лучше?

— Если ты не перестанешь, я брошусь в реку! — с отчаянной решимостью сказала Танька.

— Бросайся, не держу. Тут, между прочим, крокодил живет — щука такая... Прошлый раз чуть всех нас не утопила. На голове у нее мох. Не веришь — спроси у Тольки.

Танька молчала. Нет, не о таком разговоре мечтала она, когда шла сюда лесной тропой! Почему все получается наоборот, совсем не так, как думаешь?

— Больше я тебе ничего не скажу,— вздохнула Танька.— И, пожалуйста, не думай, что я из-за тебя сюда пришла. Я из-за Тольки пришла, понял?

— Понял. Но чего же ты с ним не осталась? Беги к нему! Я могу подольше поудить, чтобы вам не мешать.

— Высади меня на берег!

— С радостью! — Гусь резко повернул плот и, упирая шест в твердое дно, быстро погнал его к берегу.

— Беги!

Танька спрыгнула с плота и бросилась в лес, в противоположную от шалаша сторону.

— Ты куда? Стой! — крикнул Гусь.

Но Танька убегала все дальше.

— Вот дура! — Гусь сплюнул в воду, сошел на берег и побежал следом.

За деревьями желтым манящим огоньком мелькало Танькино платье. Какой-то шальной азарт, ухарство — догнать! — овладели Гусем. Он ринулся в лес и что есть духу понесся напрямик, перепрыгивая через валежник, пни и низкие кусты можжевельника.

Танька, услышав погоню, обернулась, отскочила к сосне, прижалась к ней спиной.

— Не подходи. Не смей меня трогать!

Гусь остановился в трех шагах, тяжело дыша.

Сейчас он лучше, чем когда бы то ни было, почувствовал, что нет для него на

свете никого дороже вот этой тоненькой девчонки в желтом платьице, девчонки с самым красивым лицом, самыми чистыми глазами.

— Послушай, Таня...

— Уйди! Ненавижу...— она всхлипнула.

— Давай помиримся. Не будем больше так... Слышишь? Ну? Дай руку!..

Он сжал ее маленькую ладошку и, не отдавая себе отчета, потянул девушку к себе. Она не сопротивлялась. И вдруг он обнял ее за плечи и неумело, сам пугаясь своей решимости, ткнулся губами куда-то в щеку, возле уха.

Танька вскрикнула и, вырвавшись, кинулась прочь.

Гусь остался на месте. Смотрел, как мелькают ее загорелые ноги, прислушивался к торопливым ударам сердца и не знал, хорошо поступил или плохо...

Дом Дарьи Гусевой, маленький, покосившийся, с низеньким сараем и крохотным хлевом, стоял на окраине Семенихи. И крыша, и углы избенки наполовину прогнили. В рамах ни одного целого стекла — все собрано из осколков и кое-как скреплено, лишь бы не было больших дыр да щелей.

Издали этот домик с жестяным ведром без дна вместо трубы на крыше и замшелым коньком, казался нежилым, заброшенным. Вблизи же можно было рассмотреть за тусклыми осколками стекол полулитровую банку с солью на подоконнике, кастрюлю с отбитой эмалью, бутылку с постным маслом и еще кое-какие вещи, которые неоспоримо доказывали, что изба жилая.

За домом, в сторону леса, небольшой огород, в котором из года в год росло одно и то же — картошка да лук.

Изгородь вокруг усадьбы, под стать домику, держалась еле-еле и густо заросла крапивой. Скотина, видимо, понимала, что за ветхой изгородью поживиться нечем, и потому туда не лезла, и только аксеновские куры, беспрепятственно проникая в огород, деловито разгребали кусты картошки.

Особенно много набезобразили куры в те дни, когда Гусь с Толькой скрывался на Сити. Раньше хоть Дарья бывала днем дома, но с началом сенокоса она с утра до вечера находилась на лугах, и куры преспокойно разгуливали по картофельнику. Возвратившийся домой Гусь

застал в огороде все аксеновское куриное стадо.

Даже петух не заметил, как Кайзер перемахнул через изгородь. Когда первая курица истошно закричала в зубах волчонка и петух подал сигнал тревоги, было уже поздно.

Кайзеру давно не удавалось погоняться за курицами, к тому же он заметно окреп на полувольной жизни, и на этот раз перьями да хвостами дело не ограничилось. Три курицы оказались намертво закушенными волчонком.

А от аксеновской избы бежал сам хозяин. Небритый, с опухшим от запоя лицом, дико матерясь, бригадир выломал из изгороди кол и кинулся на Кайзера, который все еще трепал одну из курц; перья белыми хлопьями кружились над картофельником.

«Хорошо, что Толька домой не пошел, в кустах остался!» — подумал Гусь и крикнул:

— Кайзер, бежим!..

Волчонок хищно взглянул на приближающегося бригадира, глухо прорычал и с курицей в зубах поспешил за хозяином.

Запыхавшийся бригадир швырнул вслед ему кол и, потрясая кулаком, пригрозил:

— Попадетесь под руку — обоих убью!..

— Вор! Тебя самого в каталажку упрячут! — крикнул Гусь издали.

Толька, который все это видел, похвалил Кайзера:

— Молодец! Хорошо поработал. Половину надо было передавить!..

Если бы Гусь знал, как дорого обойдется ему и Кайзеру эта «работа»! И как он не подумал о том, насколько жестокой может быть рука Аксенова, рука, поднявшаяся на родного сына?..

На второй день после расправы с аксеновскими курами Гусь как ни в чем не бывало собрался с Кайзером в лес. Они спустились с крыльца, и волчонок, как всегда, стал ласково тереться мордой о колено хозяина: он хотел воли, он просился с поводка.

— Обожди, обожди! — Гусь похлопал Кайзера по спине.— Вот зайдем в лес, и я тебя отпущу.

Только они прошли за огород, как Кайзер нервно закрутил головой, стал внюхиваться в неподвижный воздух. Он был явно взволнован, он что-то чуял: влажные ноздри его трепетали, глаза посверкивали настороженно и тревожно, шерсть на загривке поднималась дыбом.

— Ты что это! — прикрикнул Гусь, осаживая волчонка.— Рядом!..

Кайзер повиновался, пошел у ноги хозяина, но скоро снова натянул поводок. Смутное предчувствие охватило Гуся. Он огляделся. Вокруг никого не было.

— Спокойно, Кайзер, спокойно! — ласково сказал Гусь.— Никого же нет, что ты?

Они уже миновали баню, до кустов — рукой подать, и тут сзади, как гром средь ясного неба, грянул выстрел. От неожиданности Гусь чуть не упал — ему показалось, что выстрелили в спину. Но в то же мгновение он увидел, как волчонок, будто споткнувшись, сунулся мордой в землю и медленно повалился на бок. На зелень травы откуда-то из-за уха, дымясь, хлынула алая кровь.

— Кайзер!..— дико вскрикнул Гусь и кинулся к волчонку.

Из-за бани вышел бригадир, как всегда небритый, с красным опухшим лицом. Из ствола ружья, которое он держал в руках, точно готовясь ко второму выстрелу, еще струился дым.

— Ну что? Получил? Вот так!..— сказал он с видом торжествующего победителя и побрел к своему дому, опираясь на ружье, как на палку.

Гусь не помнил, что он закричал этому пьянице в приступе горя и отчаяния. У Гуся перехватило горло и слезы застлали глаза. Он поднял на руки мертвого Кайзера и, спотыкаясь, пошел в лес. Уронил волчонка на землю, свалился на траву, зарылся лицом в густую теплую шерсть Кайзера и заплакал.

Казалось, время остановилось. Не было мыслей, не было никаких чувств, кроме ощущения неизбывного горя, которое сковало все нутро и все тело. Гусь и сам не мог бы сказать, жил ли он в эти тяжелые минуты.

Он не слышал, как сзади тихо подошла Танька. Она была бледна, губы ее дрожали, в широко раскрытых глазах стояли слезы. Танька смотрела на худую вздрагивающую спину Гуся и сама вот-вот готова была разреветься.

— Вася, не надо так!..— чуть слышно произнесла она.

Гусь замер на миг, потом привстал и резко обернулся.

— Чего шпионишь? Чего притащилась? Я тебя звал? Звал, да?

Лицо у Гуся было мокрое, к нему пристали серые шерстинки, глаза сверкали.

Танька ступила шаг назад.

— Уходи! — вскочил Гусь.— Нечего тебе тут делать!..

Ничего не сказала Танька, лишь брови сдвинулись на ее бледном лице. Она повернулась и так же тихо, как и пришла, направилась в сторону деревни. А Гусь снова лег на траву и незряче уставился в небо...

Кайзера похоронили вечером здесь же, под елкой. Собрались все ребята Семенихи. Не было лишь Витьки Пахомова — в колхозе начался сенокос. Не пришла на похороны и Танька...

Со смертью Кайзера в душе Гуся что-то надломилось. Он стал молчаливей, темные глаза его смотрели на мир угрюмо и по-взрослому мрачно, ходил он теперь ссутулясь и нигде не находил себе места.

Кайзер снился ему каждую ночь, как живой, мерещился в сумраке сарая, а иногда Гусь явственно слышал тихое поскуливание или просыпался от ощущения, что волчонок лижет ему руку горячим шершавым языком. И тогда сами собой закипали на глазах слезы и Гусь чувствовал себя настолько одиноким, несчастным и никому не нужным, что ему не хотелось жить. Он вытаскивал из-под подушки ошейник Кайзера, до боли в пальцах сжимал его и терся мокрой щекой о жесткую кожу, которая еще хранила — или это ему казалось? — запах волчонка...

— Эх, Кайзер, Кайзер,— шептал Гусь.

А тут еще получилось так, что дружная компания Гуся распалась. Толька надолго угодил в городскую больницу, Вовка Рябов переметнулся к Витьке Пахомову и ходил за ним, как привязанный; между Витькой и Гусем растерянно метался Сережка. Остальные ребята, бывшие поклонники Гуся, которых он по малолетству еще не принимал в свою компанию, завороженные Витькиной охотой, тоже потянулись к Пахомову.

После гибели Кайзера они окончательно отшатнулись от Гуся, который уже ничем не мог их удивить, и все свои симпатии отдали Витьке. Поощряемые взрослыми — Витька не то что Гусь, не шалопай, работящий парень! — они охотней, чем прежде, ходили на сенокос, всячески набивались Витьке в друзья и бывали не-

обыкновенно довольны, когда он брал с собой, давал носить ласты, маску и трубку, а на обратном пути — подстреленную рыбу.

А Гусь томился в одиночестве. Особенно угнетала его размолвка с Танькой. И как это получилось, что он накричал на нее, когда самому было тошно? Разве Танька была хоть в чем-нибудь виновата? Ведь и он, случись у Таньки горе, тоже пришел бы к ней — не смог бы не прийти!

Гусь понимал, что он должен попросить прощения за свою горячность, но как это сделать, если Танька не заходит и даже не показывается на улице? Сережка сказал, что она ни с того ни с сего засела за книги и не ходит даже в кино. Конечно, если бы не было у Шумилиных бабки, Гусь сам рискнул бы прийти к Таньке. Но бабка... Она всегда сидит на сундуке возле окна, будто примерзла. Не будешь же при ней просить прощения у девчонки!.. Невольно думалось и о том, что если бы Танька желала его видеть, она бы нашла время забежать хоть на минутку. И Гусь не знал, что делать, куда себя деть.

Сережка, сочувствующий другу, не раз предлагал Гусю пойти вместе со всеми ребятами на Сить.

— Чего ты все время один да один? — говорил он.— А на Сити знаешь как хорошо! Немножко поработаем, потом — купаться... С маской поплаваешь...

Но Гусь взрывался:

— Неужели ты думаешь, что я буду ворошить сено по нарядам этой пьяной сволочи? Да я за Кайзера, будь у меня сила, всю его опухшую рожу разбил бы!.. Вот кончу восьмой, заберу мамку и уеду в город. Ничего мне больше не надо...

— Это когда еще будет!..— вздыхал Сережка.— Но разве тебе самому не охота с маской поплавать? Тебе бы Витька и ружье дал, запросто!

Гусь кипятился:

— Чего привязался со своим лягушечником? Подумаешь — подводное ружье! У меня, может, не такое будет!..

Витьку Пахомова Гусь невзлюбил сразу и называл не иначе как лягушечником. Невзлюбил потому, что Витька отбил у него всех дружков, подорвал его, Гуся, авторитет.

Если бы Витька сам пришел к Гусю — другое дело. Но Пахомов и не думал приходить первым, и это злило.

Целыми днями Гусь валялся на сарае или бесцельно бродил по деревне. Он ни с кем не разговаривал, все его раздражало. В эти дни он острее, чем когда бы то ни было, ощущал внутреннюю потребность покинуть деревню, где все опостылело, где не осталось верных друзей. С тоской он думал о том, что предстоит вот так терпеть и жить еще целый год, долгий год!..

Как-то раз, когда Гусь бродил возле старой кузни, его окликнул комбайнер Иван Прокатов.

— Чего надо? — неприветливо отозвался Гусь.

— Давай, Гусенок, лети сюда! — помахал рукой Прокатов.— Да шевели костылями-то!..

Но Гусь не ускорил шаг. Лениво, враз-

«Полосатый» берег

На правом берегу Волги, выше Ульяновска, у деревни Городищи, видны пласты юрского геологического периода. Их возраст 125 миллионов лет. Это обнажение считается классическим на Волге и представляет большой научный интерес.

Здесь прекрасно просматриваются полосы юрских пород: светло-серая глина с песком, темно-серая глина с пиритом, кристаллами гипса, конкрециями фосфоритов, зеленовато-серый рыхлый песчаник, пласты сланцев, песок. Видны меловые породы — темно-серая, почти черная сыпучая глина. А в оползневых цирках выделяется полоса светлых песчаников, она считается границей двух геологических периодов — юрского и мелового.

«Полосатый» берег рассказывает о жизни далеких геологических эпох, тут можно легко набрать замечательную коллекцию окаменевших животных. Чаще других встречаются белемниты, или, как их называют в народе, «чертовы пальцы». Это хорошо сохранившаяся часть моллюска — светло-коричневая раковина продолговатой, округлой формы с заостренным концом.

Находят здесь панцири морских ежей, на которых вместо

валочку он приблизился к Прокатову, скользнул равнодушным взглядом по шестеренкам и цепям, что лежали на разостланном брезенте, и снова хмуро спросил:

— Ну, чего надо?

Прокатов, коренастый и низкорослый, с лицом широким и добродушным, глянул на Гуся из-под выгоревших бровей и не то осуждающе, не то шутя сказал:

— Экой дубина вымахал, а ходишь — руки в брюки!

Гусь и в самом деле был на полголовы выше комбайнера.

— Ну и что? — с вызовом сказал Васька.

— Да ничего. Пособи-ко мне маленько! — и подал гаечный ключ.— Я уж хотел к тетке Дарье на выучку идти — поглядеть, как она с одной-то рукой по хозяйству управляется. У меня вот две руки, а не хватает! Другой раз хоть ногами ключи держи...

— Давай, пособлю,— пожал плечами Гусь.

— Вот эту гайку держи! — указал Прокатов.— А то она провертывается,— и полез в чрево полуразобранного комбайна.

За первой гайкой последовала вторая, за второй — третья.

— Вишь как ловко вдвоем-то! — удовлетворенно бормотал Прокатов.— Теперь вот здесь нажми... Стой, стой! Полегче! Ишь, силы-то накопил...

Гусь засопел.

— Волчонка-то, поди, жалко?

— А ты что думаешь? Конечно, жалко.

— Верно, жалко,— согласился Прокатов.— Безобидный был зверенок. Вдвойне жалко, что от паскудного человека пропал.

Участие Прокатова тронуло Гуся, но он сказал:

— Вот ты знаешь, что Аксенов — паскудный человек, и Пахомов знает, а сделать вы ничего не можете,— Гусь вздохнул.— А еще коммунистами называетесь...

Прокатов высунул голову из комбайна и сдержанно сказал:

— Ты, парень, такими словечками не козыряй. Мал еще.

— А что, я не правду сказал? Аксенов — пьяница, Аксенов — вор. Все вы это знаете, а он как был бригадиром, так и остался, как пил, так и пьет. На ваших глазах!

Прокатов соскочил на землю, вытер руки тряпкой, закурил.

— Скоро Аксенова будут судить,— сказал он.

— Будут! — усмехнулся Гусь.— Потому что моя мамка про телку все узнала.

Прокатов нахмурился.

— Мать у тебя — молодец. Это правда... Но Аксенова мы сами не раз предупреждали. И хватит о нем! Поговорим-ка лучше о тебе.

— Чего обо мне говорить?

— Разве нечего? Видишь ли, иногда неловко бывает на тебя смотреть: большой парень, и силенка есть, а к делу — боком.

— Я на каникулах. Что хочу, то и делаю.

— Витька Пахомов тоже на каникулах, а каждый день на покосе.

иголок остались лишь точечки углублений; части скелета ихтиозавров. Можно обнаружить и окаменелую древесину. Так, в сланцевой толще у деревни Городищи был найден ствол окаменелого древовидного папоротника.

На городищенском обнажении в разное время побывали русские ученые П. С. Паллас и И. И. Лепехин, академик А. П. Павлов, профессор Е. В. Милановский.

В 1967 году здесь работали ученые-геологи европейских стран, съехавшиеся на международный симпозиум.

Л. МАКАРОВА

Если бы Прокатов не упомянул о Витьке, Гусь, может быть, и поддержал разговор. Но Витька, поставленный в пример,— это задело самолюбие Гуся.

— Плевать я на него хотел! Приехал в деревню, вот и пусть работает. А я здесь жить не собираюсь.

— Вон как! Куда же ты денешься?

— Это мое дело.

— Зря горячку порешь.

— Не думай, не пропаду!

— Эх, молодо-зелено! От себя, парень, никуда не уйдешь.

Но Гусь не дослушал. Засунув руки в карманы, он независимой походкой направился к деревне.

— Скучно будет — заглядывай! — крикнул вслед ему Прокатов.— Поговорим, да и пособишь маленько...

Гусь не отозвался.

Как ни тяжко было горе Гуся, но время брало свое: боль утраты постепенно утихала, только на душе по-прежнему было пусто и холодно. Не зная, чем заполнить эту пустоту и как скоротать долгие летние дни, Гусь задумал сделать настоящий, большой лук по чертежам, которые случайно попались на глаза в одном из старых журналов «Пионер», взятых у Сережки еще в прошлом году. И стрелы Гусь решил сделать настоящие, с наконечниками из медной трубки. Какое ни есть, а все же дело!..

Гусь подыскал в лесу полдесятка подходящих можжевельников, вырубил их, очистил от коры и положил на печку сушиться. А пока заготовки сохнут, начал мастерить стрелы. За этим занятием и застал его Сережка в воскресный вечер.

— Витька Пахомов сейчас на Вязкую старицу пойдет! — крикнул он с порога.— Пошли?

— Ну и что? Пускай идет.

— Так он же охотиться будет!

— Пускай охотится.

— Да ты хоть поглядел бы, какое у него ружье, ласты! — и, понизив голос, добавил: — Может, мы сами такое сделаем. И ласты можно бы склеить.

И Гусь клюнул на эту удочку.

— Ладно уж, так и быть, сходим,— нехотя согласился он.— Вот только эту стрелу доделаю.

— Так Витька же уйдет!

— Ты что, без него дорогу на старицу не знаешь?

— Дак ведь...— замялся Сережка.— Он, наверно, что-нибудь рассказывать будет, пока туда идем.

— Тогда беги!

Сережка вздохнул и сел на порог.

Гусь кончил строгать, потом долго шлифовал стрелу кусочком наждачной бумаги. Он не спешил. Больше того, Сережке показалось, что Гусь нарочно тянет время.

Гусь и Сережка подошли к Вязкой старице последними. Витька уже разделся и стоял по колени во взмученной грязной воде, натягивая ласты.

— И охота тебе в такой бурде плавать? — сказал Гусь, остановившись несколько в сторонке, чтобы лучше видеть подводное снаряжение.

— Это здесь — грязь, а там, дальше, вода светлая,— отозвался Витька.

Когда Пахомов поплевал в маску и стал протирать стекло, Гусь спросил:

— А плюешь-то для чего?

— Чтобы стекло не запотевало.

— А ты соплями попробуй. Может, лучше? — и засмеялся.

Витька промолчал. Ружье Гусь разглядеть не успел, заметил лишь две в палец толщиной резиновые тяги, которые Витька натянул с большим трудом.

Плыл Пахомов в самом деле легко и бесшумно, но не так уж быстро, как об этом не раз говорил Сережка.

— И это называется — плавает как рыба? — насмешливо спросил Гусь.

— А ты попробуй, угонись! — ответил Вовка Рябов.

— И угонюсь! — вспыхнул Гусь и, к удивлению всех, стал раздеваться.

В Вязкой старице Гусь никогда не плавал. Он вообще боялся водорослей — боялся запутаться в них, но сейчас было не до осторожности. Если он хочет удержать за собой славу лучшего пловца, он должен догнать Витьку! Догнать — в этом, казалось, сейчас был весь смысл его жизни.

Так быстро, так ловко он еще никогда не плавал. Расстояние между ним и Витькой быстро сокращалось. Вот уже осталось метров пятнадцать, десять!..

Витька услышал позади себя всплески, приподнял голову, оглянулся и — нырнул.

«Ныром далеко не уйдешь!» — торжествуя победу, подумал Гусь.

Не обращая внимания на водоросли, которые неприятно щекотали живот и сви-

вались вокруг ног, он проплыл еще метров двадцать и обернулся в надежде увидеть Витьку позади себя. Но Пахомова не было ни сзади, ни с боков. Гусь закружился на месте, пытаясь угадать, где же вынырнет Витька. Так прошло еще несколько долгих секунд. И вдруг на берегу закричали, засмеялись, заулюлюкали.

«Неужели обставил?» — похолодел Гусь и глянул вдаль старицы. Витькин затылок и конец блестящей алюминиевой трубки маячили далеко впереди, так далеко, что казалось невероятным, как мог Витька оторваться на такое расстояние. И Гусь понял, что потерпел жестокое поражение. Сознавать это было невыразимо горько.

Чтобы немного успокоиться, он еще поплавал по старице и с напускным равнодушием на лице вернулся на берег.

— Ну что, догнал? — галдели ребята.— И тягаться нечего!..

Возбуждение ребят было неприятно Гусю. Он с тоской подумал, что еще месяц, полмесяца назад никто бы из этих мальчишек ни в жизнь не посмел бы радоваться его поражению. Теперь лишь Сережка хранил сдержанное молчание.

Гусь сел на кочку и стал ждать возвращения Витьки. Вообще ему хотелось уйти в деревню, побыть одному, но он знал — уйди вот сейчас, и это еще больше подчеркнет победу Витьки.

Пахомов на этот раз поохотился неважно, всего два язя висели у него на кукане.

Гусь сделал вид, что его совершенно не интересуют крупные серебристые рыбы, которые так редко берут на удочку, и подошел к Витьке.

— Дай ластов поплавать,— попросил он.

— Бери,— Витька кивнул головой на траву, где лежало снаряжение.

Ребята притихли: вот что значит Гусь! Только спросил и — пожалуйста!

Увязая в топкой грязи, Гусь проковылял в ластах до чистой воды и, подражая Витьке, скользнул в воду. Но он не рассчитал глубину, и вода сразу заполнила трубку. Вдох — вода хлынула в горло. Гусь захлебнулся и, будто ошпаренный, метнулся вверх. В следующее мгновение он сорвал с себя маску, закашлялся и не заметил, как трубка скользнула из резинового хомутика в воду. А вязкая тина уже засасывала ноги. Гусь хотел рывком высвободиться из пут коварного дна и почувствовал, что левый ласт сорвался с ноги.

На помощь поспешил Витька.

— Чего же ты не предупредил, что раньше не плавал в маске? — сказал он с укором.— Другой-то трубки у меня нету!

— Найдем. Здесь неглубоко.

— Неглубоко... Очень-то охота в этой грязи нырять. Всю воду смутил. Давай ласты и маску! И в сторону отойди, мешаешь.

Вода от поднятого со дна ила и торфа в самом деле стала совсем рыжей, и от нее шел отвратительный запах.

Гусь протянул Витьке маску и ласт.

— А другой ласт где?

— Дак он там остался. Здесь же вязко!

Самое страшное, что все это произошло на глазах у ребят, бывших поклонников Гуся. Правда, сейчас над ним никто не смеялся — боялись смеяться, но Гусь-то знал, что случившееся надолго станет предметом мальчишеских разговоров. Он вылез на берег, оделся и бросил Сережке:

— Чего сидишь? Пошли домой!

— Как? А трубка?

— Ласт нашелся и трубка найдется.

— Вот и обождем!

— Жди. Можешь еще и понырять! — сверкнул глазами Гусь.

Засунув руки в карманы штанов и ни на кого не взглянув, он пошел к деревне. Один.

Гусь лежал на сарае и мучительно переживал свое падение. Ведь совсем еще недавно, каких-то две недели назад, все было так хорошо! Толька Аксенов, Сережка, Вовка Рябов — друзья, водой не разольешь! А мелкота — та целыми днями так и крутилась возле Гусевского дома. Конечно, многое значил Кайзер — у кого хоть когда-нибудь в Семенихе был настоящий прирученный волк! Но и до Кайзера каждый из ребят стремился попасть в Гусевскую компанию. Слово Гуся — закон, просьба Гуся или поручение — гордость для каждого.

О подвигах Гуся знала вся школа, потому что ребята из уст в уста передавали все, что совершил Гусь. А теперь даже Сережка предал его. Именно предал, потому что при всех ребятах отказался идти с Гусем в деревню, остался на берегу Вязкой старицы ждать, пока этот лягу-

шечник найдет трубку. В другое время Гусь дал бы ему разок, и все. Но разве мог он так поступить теперь, когда почувствовал, что в душе никто уже не поддерживает его, что он — один?

Сейчас Гусь сожалел, что поступил опрометчиво, пустившись вплавь догонять Витьку. Но он же хотел вернуть себе славу лучшего пловца! Разве он мог предполагать, что этот лягушечник ныром плавает быстрей, чем верхом? И уж совсем напрасно он попросил подводное снаряжение, которое и видел-то впервые.

Или Витька специально все это подстроил? Мог же он объяснить, как плавать с этой несчастной трубкой! А то сразу: бери, плавай! А потом еще и покрикивать стал: уйди, мешаешь!

«Ладно, ты еще пожалеешь об этом!» — мстительно подумал Гусь.

Он стал размышлять, что бы такое подстроить Витьке. Можно перетянуть через старицу перемет, чтобы лягушечник попался на крючок. Но он под водой все видит! Нет, это не годится. А что, если свести его на Пайтово озеро? Дед тогда говорил, что там еще никто не плавал, что вода в озере полосами — то теплая, то холодная, и сразу начнутся судороги. Но если так, Витька может утонуть!

И вдруг идея: «А я-то на что! Он станет тонуть, а я его вытащу в лодку. Есть же там лодка, на которой старик плавал!..»

Идея понравилась, и Гусь стал ее развивать. Он представил, как Витька начнет звать на помощь, как он, Гусь, приплывет к нему на лодке и бесчувственного вытащит из воды, как на Сити вытащил Тольку. Хорошо бы, конечно, чтобы это видели ребята. Но кто туда пойдет в этакую даль? Сережка разве. Он — предатель, но ради такого дела можно его взять. А потом Сережка всем будет рассказывать, как это случилось, и тогда опять все станет на свои места.

Единственное, в чем сомневался Гусь, отпустят ли Витьку дома: он и на Вязкую-то старицу, как говорил Сережка, не ходит без разрешения отца.

А можно сделать так: уйти вроде бы за грибами или на Сить, а самим податься на Пайтово. Только нет, на это Витька не согласится...

В сенях прошлепали босыми ногами, и на сарай заглянул Сережка.

— Ты тут? — обрадовался он.— Трубку-то нашли!

— А куда она могла провалиться! — отозвался Гусь.— Лягушечник, поди, дуется на меня, просмеивает?

— Не. Он нам рассказывал, что сам, когда первый раз плавал, чуть совсем не утонул! — Сережка сел возле Гуся на солому, обхватил руками колени.— С непривычки, он говорит, в маске еще хуже, чем так...

— Здесь плавать — что? Лужа! Вот в Пайтове бы он поныряла!

— Я говорил ему про Пайтово...

— Ну?

— Надо, говорит, туда сходить.

— Дома-то его отпустят?

— Наверно, отпустят, раз так сказал.

— Вот лук доделаю и пойдем.

— Правда?!

— Конечно! Удочки возьмем. Лодка там есть...

— Но ты же говорил, что там какие-то особые слова знать надо.

— Неужто поверил? Чепуха это, мало ли чего старики выдумают.

— А когда пойдем?

— Дня через три. В воскресенье.

— Вот здорово!.. А меня, знаешь, Витька опять на покосы зовет. Перед обедом он там каждый день в Сити охотится. В заводях, говорит, язя много. Уху варят... Обещал и меня научить с ластами плавать. Может, сходим вместе, а?

— Я никуда не пойду. А ты — иди, чего же...

— Вместе-то лучше бы!

— Сказано — не пойду! А ты сходи и насчет Пайтова-то поговори. Да ружьишко лучше рассмотри, как оно сделано.

— Ладно, если так,— нерешительно сказал Сережка, которого удивило и озадачило столь благодушное настроение Гуся после всего, что произошло на Вязкой старице.

— Смотри, о Пайтове всем не болтайте,— строго предупредил Гусь.

На дверях бригадного клуба появилось объявление о том, что в воскресенье состоится открытое заседание выездного районного суда по делу бригадира Аксенова.

Наконец-то! Этого дня Гусь ждал давно. Ему очень хотелось послушать, как будут судить бригадира, но теперь, когда был намечен поход на Пайтово озеро, он знал, что на суд не останется: более благоприятного дня осуществить задуманное, пожалуй, не будет.

И вот уже тройка ребят в пути.

Впереди крупно шагал Гусь, длинный, костлявый, как всякий быстро поднявшийся мальчишка. Но он не по годам широк в плечах и потому со спины похож на сухопарого мужика. В своей повседневной, когда-то черной, но выгоревшей до мышиного цвета рубахе навыпуск, в драных штанах, босой, да еще с холщовым мешком за плечами, он напоминал бродягу-нищего, невесть откуда взявшегося в нашу пору. И только большой лук, который Гусь бережно нес в руках, свидетельствовал о том, что он не более как подросток, отбившийся от родительских рук.

Витька же производил впечатление обыкновенного туриста, скрашивающего однообразные будни жизни лесными скитаниями. Одежда у Витьки ладно подогнана из недорогого, но прочного репса, и рюкзак настоящий — зеленый, с ремешками, пряжками, подводное ружье из него торчит; и сапоги у Витьки хоть поношенные, но крепкие, и беретик-блин есть на нем, чтобы голову солнцем не напекло...

Самим собой, обыкновенным деревенским парнишкой выглядел рыжеголовый Сережка. Он шел сзади, налегке, глазел на деревья, подглядывал за птичками и казался не участником похода, а скорей примкнувшим из любопытства. Впрочем, в тайных планах Гуся Сережке отводилась роль именно стороннего наблюдателя, роль свидетеля событий, которые должны будут свершиться на Пайтовом озере.

Сережку занимают дрозды, которые с отрывистыми криками «чек-чек!» сопровождают ребят. Их явно волнует и тревожит вторжение людей в этот тихий летний лес.

— Поищем гнездо! — предлагает Сережка.— Оно где-то тут, вот они как кричат!

— Какое сейчас гнездо? Птенцы уж вылетели, по деревьям да в траве прячутся,— говорит Гусь и идет дальше. Он то и дело посматривает на маленький компас, который дал ему Витька, и озабочен тем, сумеет ли выйти на Пайтово озеро, где бывал всего один раз.

На краю мохового болота, в черничнике, ребята наткнулись на глухариный выводок. Молодые рыже-пестрые глухарята величиною с рябчика поднялись с земли и, разлетевшись, попрятались в соснах. А глухарка-мать с тревожным квохтаньем села на виду, вытянула шею и смотрела на ребят настороженным черным глазом. Тут уж Гусь не выдержал: глухарка — не дрозд, это настоящая дичь. Он вложил стрелу в лук и стал натягивать тетиву.

— Слышь? Не надо! Зачем?..— запротестовал Витька.— Без нее глухарята погибнут!

Хлопнула тетива. Стрела, сверкнув на солнце, скользнула в вышину мимо цели. А глухарка продолжала сидеть.

— Бак, бак-бак! — проквохтала она недовольно.

Гусь выстрелил еще и еще раз. И все мимо. Тогда он стал подходить ближе, но глухарка перелетела на другую сосну. Гусь снова начал к ней подкрадываться.

— Да оставь ты ее, только стрелы растеряешь! — сказал Витька.

Но Гусь все же выстрелил еще два раза и опять не попал. Глухарка, видимо, решила, что глухарята успели укрыться надежно, сорвалась с дерева и тоже исчезла.

Стрелы искали долго, но из пяти нашли только две.

— Я же говорил! — сердился Витька.— И вообще, зачем губить птицу, когда у нее птенцы?

— А кто губит? — огрызнулся Гусь.— Ты думаешь, так легко попасть из лука?

На своем пути ребята встретили еще два глухариных выводка, но Гусь больше не стрелял.

Немало побродили ребята по дикому лесу, пока вышли к Пайтову озеру. Солнце стояло еще невысоко, но воздух гудел от оводов и было знойно. Пот так и струился по лицам, рубашки липли к мокрым спинам. А с озера тянуло прохладой.

Витька первым делом бросился смотреть воду, действительно ли она так прозрачна, как говорил Гусь. Он забрел, насколько позволяли резиновые сапоги, и убедился — вода исключительно светлая. Опустил в нее руку — довольно теплая. Удовлетворенный, он вернулся на берег и не то спросил, не то предложил:

— Поплаваем?

— Нет,— отрезал Гусь.— Сперва лодку надо найти.

— А где лодка?

— Почем я знаю! Где-то на берегу. Будем обходить озеро и найдем.

— Сначала выкупаемся!

Сережа молчал, хотя и ему нетерпелось скорей окунуться в воду.

— Я сказал — купаться не будем, пока не найдем лодку! — стоял на своем Гусь.

— Ну, хорошо. Вы идите, я вас догоню. Нырну разок и все!

— Ты что, думаешь, нам неохота купаться? Неужели потерпеть не можешь?

— Почему же? Терпеть я могу,— пожал плечами Витька и повиновался.

Лодку — долбленую осиновку — нашли на противоположном берегу. Она была вытащена из воды и примкнута на цепи к огромной елке. Гусь повертел в руках замок, раздумывая, как же быть.

— Тащи камень! — приказал он Сережке.

— Ты что, замок хочешь ломать? — удивился Витька.

— Этот замок не сломаешь. Цепь перерубим.

— Не выдумывай! Обойдемся и без лодки.

— А чего ей сделается-то? Ты камень-то волоки! — прикрикнул на Сережку Гусь.

Сережка бросился искать камень, а Гусь вытащил из мешка топор.

— Может, все-таки не надо трогать лодку? Половим с берега!

— Смешно! Лодка есть, а удить — с берега! Мы же ее на место и поставим.

— Ну, как хочешь! Только я цепь рубить не буду.

— И не руби. Тебя никто не просит.

Пока Гусь перерубал на топоре цепь, Витька разделся, натянул ласты и маску и с ружьем в руках полез в воду. Сережка поискал весла, но не нашел их.

— Шестом обойдемся,— сказал Гусь и взял прислоненный к елке длинный легкий шест.

Раздевшись до трусов, они столкнули лодку и уселись в нее — Сережка в нос, а Гусь с шестом — на корму.

— Ух и вода! — крикнул им Витька.— Метров на десять видно. Наверху теплая, а в глубине — лед!

— Рыба-то есть? — спросил у него Сережка.

— Одни малявки!

Витька опять погрузился в воду и поплыл дальше. Гусь, работая шестом, погнал лодку следом.

— Мы-то купаться будем? — тихо спросил у него Сережка.

— Купайся! Кто тебе не велит...

— А ты?

— Неохота.

— Тогда и я не буду.

Витька проплавал не меньше получаса и, озябший, весь в пупырышках, вылез на берег. Он никого не подстрелил, но и никаких судорог с ним не случилось.

«Наверно, соврал, старый черт, что здесь нельзя плавать!» — подумал Гусь. Он сожалел, что коварный замысел срывается, и очень завидовал Витьке, заглянувшему в подводный мир Пайтова озера, в тот мир, который еще не открывался ни одному человеку.

Ребята вернулись на берег, разожгли костер и стали готовиться к рыбалке. Прежде всего срубили березовые удилища — каждый по своему вкусу. И хотя Витька не видел ни одной приличной рыбины, надежда, что будет клевать, не покидала рыболовов.

— Рыбу надо искать,— говорил Витька, счищая кору со своего тонкого и гибкого удилища.— В таком озере она должна быть. Надо плыть вдоль берега. Где трава, там и рыба. А тут что — песок да редкие травки...

Гусь тоже так подумал, но чтобы Сережке не показалось, что он начинает подчиняться Витьке, сказал:

— Надо не вдоль берега, а на середину плыть. Здесь луды есть. Там и собирается рыба.

— На лудах рыба утром да вечером, а днем она в травах.

Это Гусь тоже знал, но отступать не хотел.

— Вот поудим и узнаем. Не будет на луде клевать, станем искать травы...

На том и порешили.

Найти луды не составило труда: какой-то заботливый рыбак, видимо, хозяин лодки, отметил луды — каменные гряды и отмели на средине озера — шестами, крепко вбитыми в дно. Глубина здесь не превышала полутора метров, и Витька опять решил поплавать и разузнать, есть ли здесь рыба.

Не без волнения смотрел Гусь, как Витька, нырнув с лодки, поплыл вдоль гряды.

Непривычный, причудливый мир открылся взору подводного пловца. Луда напоминала хребет гигантского чудовища. На гребне саженные валуны и каменные глыбы с острыми гранями, а на склонах, круто уходящих в синеватую глубь,— по-

сок и галька. Казалось, какой-то чудо-великан взял да и просыпал на дно озера пригоршни этих валунов и глыб. Нигде ни травинки, и всюду, куда ни глянь,— мальки. Их много, сотни тысяч, миллионы. Вода от них кажется живой сеткой, которая находится в непрестанном движении.

Прозрачные, тускло окрашенные крохотные рыбешки тыкались мордочками о стекло маски и пытались что-то склевывать с рук, плеч и с живота Витьки. Но их прикосновения были столь слабы, что не ощущались.

«Раз есть мальки, должна быть и крупная рыба»,— думал Витька. Он заглядывал за камни, внимательно рассматривал каждую нишу, каждую расщелину, где бы могли укрыться щуки или окуни, нырял и просовывал руку под камни. Но тщетно, крупной рыбы не было.

— Ну что? — скорей разочарованно, чем с любопытством спросил Гусь, когда Витька влез в лодку.

— Одни мальки. И удить здесь незачем — пустое дело.

Сережка вытащил из воды удочку и вопросительно посмотрел на Гуся, но тот невозмутимо продолжал следить за своим поплавком. Витька обтерся майкой и развалился в лодке загорать. Лицо его было безмятежно спокойно, к удилищу он не прикоснулся.

Скоро и Гусю надоело смотреть на неподвижный, точно вмерзший в воду поплавок.

— Что ж, поплывем к берегу, в травы, может, и вправду там лучше.

Вдоль северного берега Пайтова озера густо росли камыши, желтели распустившимися цветами кубышки. Их большие округлые листья глянцево поблескивали на воде. То тут, то там чуть приметными островками виднелись заросли элодеи.

Шест, которым греб Гусь, использовали для причаливания в облюбованном месте.

— А вот здесь рыба уж наверняка есть! — сказал Витька и первым взялся за удочку.

— Плавать-то больше не будешь? — спросил Гусь, у которого пропала всякая надежда на осуществление тайного плана.

— Погреюсь маленько. Если хочешь, плавай!

Гусь насторожился: уж не смеется ли над ним Витька, не намекает ли на то, что

случилось на Вязкой старице? Но лицо Витьки было добродушно, и, кажется, сказал он это безо всякой задней мысли.

— Сначала поудить надо,— равнодушно отозвался Гусь.— Потом если...

Освоить подводное снаряжение Гусю очень хотелось. Тогда бы Витька ни в чем не имел преимущества. Они бы могли плавать по очереди в той же Вязкой старице или на Сити. И хорошо бы поучиться плаванию именно теперь, когда нет никаких свидетелей, кроме Сережки да Витьки. Но в этом месте, где из глубины, извиваясь змеями, тянется элодея и до дна метра три, Гусь не решился рисковать.

На удочку бойко брала некрупная плотва и подъязки — это все-таки лучше, чем мертвое бесклевье. А солнце между тем калило и калило воздух. Стало душно. Хорошо, что хоть оводы на воде меньше досаждали.

Поймав с десяток плотичек, Витька опять отложил удочку и взялся за ласты.

— Я, наверно, тоже выкупаюсь. Больно жарко! — сказал Сережка.

А Гусь молчал. Теперь он был уверен, что старик, случайно встреченный прошлым летом на Пайтове, просто посмеялся над ним. Это озеро самое обыкновенное, такое, как все озера.

Сережка, в памяти которого прочно запечатлелся рассказ Гуся, проплыл возле лодки полукругом с десяток метров и поспешил забраться в челнок: кто знает, вдруг хозяйка озера тяпнет за ногу! А Витька уплывал вдоль берега все дальше и дальше. Сначала Гусь наблюдал за ним, надеясь на какое-то чудо, а потом, увлекшись ужением, забыл о Витьке.

Но чудо все-таки произошло. Первым заметил, что с Витькой творится неладное, Сережка.

— Гляди-ко, гляди!..— воскликнул он.

Гусь обернулся. Витька быстро плыл от берега, то вырываясь из воды по пояс, то неестественно погружаясь в нее с головой. Можно было подумать, что он просто балуется, но слишком порывисты были его движения. Гуся кинуло в жар. Не мешкая, он отложил удочку и стал выдергивать шест. В это время Витька что-то крикнул в трубку, но вместо крика получилось глухое мычание.

Гусь гнал вперед лодку что было духу. Он не спускал с Витьки глаз и видел, что тот уже выбивается из сил: не иначе, его сводит судорога! Витька теперь то барахтался на одном месте, то вдруг скользил по воде, погружаясь в нее все глубже. Можно было подумать, что он потерял всякую ориентацию и сам не знает, что делает. Несколько раз трубка скрывалась под водой, и тогда Гусю становилось не по себе. Но спустя полминуты трубка вновь выныривала, из нее вырывался фонтанчик и слышалось хриплое утробное мычание. Некоторое время Витька опять барахтался на поверхности и снова, точно обессилев, тонул.

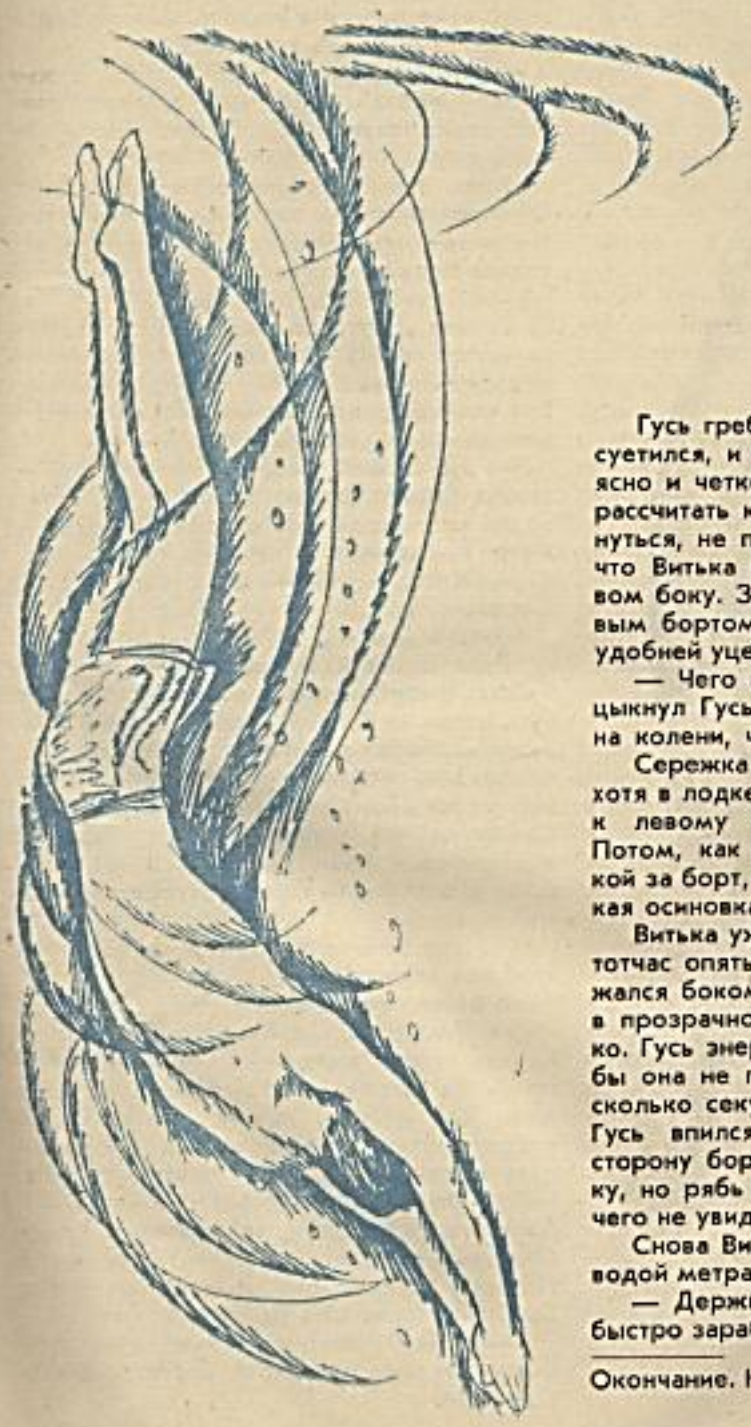
ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

Сить-таинственная река

Повесть

Анатолий ПЕТУХОВ

Рисунки С. Киприна



Гусь греб шестом изо всех сил, но не суетился, и мысль работала как никогда ясно и четко — главное, не ошибиться, рассчитать каждое движение, не промахнуться, не проскочить мимо. Гусь видел, что Витька плывет и выныривает на левом боку. Значит, лодку надо подать левым бортом, в обгон, тогда ему будет удобней уцепиться за борт.

— Чего выпялился? На дно садись! — цыкнул Гусь на Сережку, который встал на колени, чтобы лучше видеть Витьку.

Сережка покорно опустился на дно, хотя в лодке было сыро. Гусь подвинулся к левому борту. Лодка накренилась. Потом, как только Витька схватится рукой за борт, он отодвинется вправо: верткая осиновка может перевернуться.

Витька уже протянул руку к лодке, но тотчас опять пошел под воду. Он погружался боком, скрючившись, и видеть это в прозрачной воде было особенно жутко. Гусь энергично развернул лодку, чтобы она не проскочила дальше, и на несколько секунд Витьку накрыло днищем. Гусь впился глазами в воду по правую сторону борта, пытаясь разглядеть Витьку, но рябь от лодки сверкала, и он ничего не увидел.

Снова Витькина голова показалась над водой метрах в пяти.

— Держись! — крикнул Гусь и быстро-быстро заработал шестом.

Окончание. Начало см. в № 2.

На этот раз Витька успел схватиться за борт. Лодка наклонилась, черпнула воды, но Гусь выровнял ее. Кошкой скользнул он к Витьке, схватил за руку и снова стал перебираться на корму: в осиновку через борт человека не втащишь.

И как в ту памятную ночь на Сити, когда Гусь вытаскивал из сети Тольку Аксенова, рука ощутила упругие рывки, будто кто увлекал Витьку под воду.

— Я-то держусь. Ты ружье, ружье бери! — прохрипел Витька, стараясь приподнять правую руку. Тускло блеснул в воде алюминий.

Лишь тут Гусь понял, в чем дело. Он перегнулся через борт, цепко ухватился за ружье и явственно почувствовал толчки большой рыбы.

— Держу! Лезь в лодку.

Витька упруго подскочил и перевалился через корму. Лодка начала медленно разворачиваться. Гусь потянул сильнее. Вот ружье полностью вышло из воды и показался нейлоновый гарпун-линь.

— Не бойся, тащи! Линь крепкий! — сказал Витька, дрожа то ли от волнения, то ли от холода.— И стрелял близко, на метр, не дальше, а чуть не утопила.

— Кто? Щука? — шепотом спросил Сережка.

Витька кивнул.

Гусь подтягивал рыбу все ближе и ближе. В глубине медью блеснула чешуя. Гусь встал на колени, чтобы удобней было тащить. Рыба рванулась под лодку, но, обессилев, пошла легко. Скоро на поверхности показался ее пестрый бок. Сверкнул на солнце гарпун, надежно впившийся в спину рыбы. Гусь подтащил щуку к борту и за гарпун осторожно поднял в лодку.

— Нда... Ничего щучка! — сказал он, скрывая зависть.

А Витьку точно прорвало:

— Плыву я, все вперед смотрю. Потом глянул вниз, а там, в тени, бревно — не бревно, а что-то темное, большое. Дай, думаю, нырну, чтобы лучше рассмотреть. Как нырнул, она и подвинулась маленько. Гляжу — плавники по бокам, и глаза поблескивают. Я и шарахнул! Хотел-то в голову, а попал в спину. Ох, она и пошла! Как рванет, как даст в глубину. Хорошо еще, линь длинный, а то бы ружье пришлось бросить...

— Здесь, говорят, такие щуки есть, что у них мох на голове растет,— сказал Сережка.

— Это враки,— усмехнулся Витька, все еще любуясь редким трофеем.

— Враки?! А ты спроси у Гуся. Мы на Сити такую щуку видели. Мох на голове, будто тина...

— Что, правда? — Витька недоверчиво взглянул на Гуся.

— Если водяников нету, значит, правда. Я сам видел. Она в сеть попала. Чуть всех не утопила.

Костер развели на высоком берегу, в сосняке. Трещали сухие дрова, палило солнце, кипела уха в котелке. Ребята в одних трусах сидели вокруг огня. Озеро блестело, будто разлитое в тарелке масло.

— Хорошо здесь! — удовлетворенно и радостно сказал Витька.— Вы часто сюда ходите?

— Я бывал. А Сережка первый раз,— признался Гусь.

— Ну!..— удивился Витька.— Зря... Сделать бы здесь хороший шалаш, чтобы лишнее из дому каждый раз не носить, и рыбачить тут можно!..

— На этом озере, смотри, рыба редко хорошо ловится,— сказал Гусь.— Время надо знать.

— Что — время? Вот на зорьке увидишь, как на луде окуни будут брать. И главное — охотиться здесь хорошо. Вода, правда, не очень теплая. Но ничего, плавать можно!.. Знаешь что? Пока уха доваривается, пойдем покажу, как с трубкой плавать!

— Пойдем! — согласился Гусь.

Прихватив снаряжение, кроме ружья, они спустились к воде. Сережка тоже пошел было за ними, но Гусь строго крикнул:

— За ухой смотри, а то убежит.

И Сережка вернулся.

— Значит, так,— приступил к инструктажу Витька.— Сначала надень ласты. Ремешки подтяни, чтобы они плотно на ногах держались. Вот. Теперь надень маску. Пока без трубки.

Гусь натянул маску.

— Не туго?

— Вроде, ничего...

— Втяни носом воздух!

Гусь сделал вдох. Маска плотно вдавилась в лицо.

— Хорошо! — Витька вставил трубку в хомутик и повернул загубник ко рту Гуся.— Возьми вот эти сосочки зубами. Так! Закрой рот и дыши через трубку.— Ровно дыши и глубоко... Ну вот. А теперь сними маску, поплюй на стекло — не снаружи! — хорошенько протри пальцами и сполосни!

— Сполоснул.

— Смочи лицо и надень маску. Возьми трубку в рот. Вот и все. Сначала попробуй лежать на воде. Лежи и дыши. А плыть просто — шевели ногами: вверх-вниз, вверх-вниз... Руками грести не надо, руки должны быть свободны...

Лежать на воде вниз лицом оказалось удивительно легко. И дышалось тоже хорошо. А видимость-то какая! На дне каждый камушек, каждая песчинка видна. Вправо и влево тоже далеко видать. Вон проплыла стайка мальков.

Сам того не замечая, Гусь шевельнул ластами, и дно стало уплывать назад, а мальки все ближе и ближе. Не поймешь, то ли окуньки, то ли плотички или язёнки, какие-то серенькие рыбешки с желтыми глазками и прозрачными кисейными плавничками. С мизинец рыбки, не больше. Гусь глянул на свою руку и поразился — рука большая, пальцы толстые. Он снова перевел взгляд на мальков. Где там с мизинец — меньше, вдвое меньше!..

«Плавать-то, оказывается, и в самом деле очень просто,— удивился Гусь.— Знай, шевели ластами. А если попробовать нырнуть? Вода зальет трубку? Нет, нырять — потом...»

Он тихо плыл вдоль берега, изумленно разглядывая неузнаваемый, такой необычный мир. Вот густо разрослись водоросли. Какие? Гусь не знает. Листья продолговатые, курчавые и блестящие, желто-зеленого цвета. А там что светится? Глаз?! Гусь замер. В траве стояла щука. Не очень большая, даже совсем не большая, но в первое мгновение она показалась Гусю чуть ли не такой, какую подстрелил Витька.

«Ух ты!.. Вот бы ружье!..» — мелькнула мысль.

Чем ближе подплывал он к щуке, тем она становилась меньше. Кажется, до нее уже можно дотянуться рукой... Большая желтая рука с растопыренными пальцами будто сама по себе медленно потянулась к рыбе. Щука шевельнула плавниками и вдруг молнией сверкнула в гущу водорослей.

«Ого, как сиганула!» — удивился Гусь.

Причудливо, необычно и по-своему красиво выглядели под водой коряги. Вот лежит дерево. Оно затонуло целиком, с корнями и сучьями. Извитые чер-

ные корни торчат в разные стороны, как щупальца гигантского спрута, а ствол, почти сплошь облепленный посверкивающими ракушками, напоминает туловище огромного крокодила. Крона дерева — кажется, это сосна — густо оплетена водорослями, шелковисто-тонкими и изумрудно-зелеными. Гусь двинулся вдоль ствола к корням, и тут из-за дерева неожиданно выплыл табунок полосатых окуней, и каких окуней! Нет, они были не крупные, но сколько красок, блеска! Оранжевые брюшные плавники, золотисто-зеленоватые бока, переходящие к спине в коричнево-зеленые. А полосы — они сизые, с просинью. Никогда не думал Гусь, что обыкновенный окунь так красив!

В этом мире удивительной красоты он забывал все: и обиду на ребят, которые потянулись к Витьке, и выдуманное прозвище «Лягушечник», и себялюбивое стремление устроить ничего не подозревающему Витьке пакость, и пугающий рассказ случайного старика о таинствах Пайтова озера. Все ушло, растворилось, остался лишь этот диковинный мир тишины и игры красок, который до сих пор был неведом и недоступен и вдруг, будто по волшебству, открылся его глазам.

Гусь утратил всякое ощущение времени. Он чувствовал, как волнами проходит по телу озноб, и, пожалуй, зубы у него начали бы стучать, не сжимай он ими резину. Гусь повернул к берегу. Он плыл до тех пор, пока грудью не коснулся песка...

После обеда Витька давал урок плавания Сережке, а потом плавал сам. На этот раз он подстрелил пару некрупных щук да язя.

Когда солнце повисло над лесом, ребята поплыли на луду. Еще издали они заметили, что неподалеку от кола, которым была отмечена каменная гряда, вода временами рябит, хотя стоял полный штиль.

— Отчего бы это? — спросил Сережка.

— Окунь малька гоняет! — ответил Витька, которому раньше не раз приходилось рыбачить с отцом на Сорежском озере, где было несколько хороших луд.

К колу подплыли тихо-тихо, зачалились и молча, осторожно, стараясь ничем не брякнуть, взялись за удочки. И вдруг точно дождь пошел — из воды вокруг лодки веером стали выскакивать крохотные рыбешки. В следующую минуту вода разом закипела — окуни с чмоканьем и бульканьем кидались за мальками; иногда над водой показывались их горбатые спины и растопорщенные колючие плавники. И вот уж Сережа вытащил одного окуня, за ним почти одновременно подсекли рыб Витька и Гусь.

Старый бор, окутанный мраком, казался таинственным и немного жутковатым. Бронзово поблескивали отсветами огня желтые стволы сосен, над соснами сверкали звезды, а по низу была разлита сплошная темь. И в ней, этой теми, что-то непрестанно шуршало, потрескивало; изредка пронзительно и коротко, будто спросонок, вскрикивала ночная птица — козодой.

Было в этих таинственных звуках что-то такое, отчего не хотелось громко разговаривать и двигаться тоже не хотелось, и ребята сидели неподвижно, устроившись поудобнее.

Гусь все еще держал в руках подводное ружье, которое до этого рассматривал долго и тщательно. Но теперь он смотрел в огонь: он понял, что самому такого ружья не сделать, потому что нет ни дюралевых трубок, ни прочных упругих резин. Да и не о ружье он думал в эти минуты. Он пытался представить себе, как будет жить в городе, вдали от родной и таинственной Сити, вдали от этого озера, поразившего красотой и обилием рыбы, вдали от тихой Семенихи и от леса, в котором знакома каждая тропка, каждый укромный уголок,— пытался и не мог. Теперь, после пережитого одиночества, он впервые почувствовал, что тысячами незримых нитей связан с этим краем, где прошло не то что бы очень радостное, но вольное детство.

— Слушай, а когда ты школу кончишь, здесь останешься? — спросил Гусь у Витьки.

— Конечно.

— Ну! Интересно... И что будешь делать?

— Как — что? Работать. Охотиться буду. Вот денег заработаю за лето, и отец мне ружье купит. Двустволку. Сам сказал.

— Жди, купит!..

— Честно! Он, если пообещал, сделает.

— Все равно, век охотиться не станешь... Да и сбежишь ты из колхоза. Кон-

чишь восьмой класс или десятилетку и сбежишь. Куда-нибудь учиться...

— Сюда мы сколько шли? — серьезно, по-взрослому спросил Витька.— Часа четыре? В общем, километров пятнадцать, не больше. А я, чтобы в какой-то безрыбной речонке поплавать, каждую неделю за двадцать километров пешком из города топал!.. Или на Сорежское озеро с отцом ездили. Шестьдесят пять на попутных машинах и одиннадцать пешим... Да я из-за одной Вязкой старицы или вот из-за этого озера и то в деревне остался бы! А лес еще... Лайку заведу — отец разрешит, я уж говорил с ним...

Гусь чувствовал, что Витька говорит искренне. И он верил, что у Витьки будет осенью ружье. И лайка будет.

— Конечно, тебе легко рассуждать. В городе нажился. Подводное снаряжение есть. А у меня ничего нету... Был Кайзер, и того этот ворюга-пьяница убил...

— А ты знаешь, откуда у меня подводное ружье, ласты, маска? Думаешь, отец купил?.. Да я прошлый год после шестого класса два месяца летом в «Плодопитомническом» совхозе работал. Сорок девять рублей получил. А снаряжение двадцать три рубля стоит.

Сережка, внимательно слушавший этот разговор, сказал:

— Я и то надеюсь заработать.

— И заработаешь,— поддержал его Витька.

— Ладно, хватит бахвалиться,— неожиданно оборвал этот разговор Гусь.— Уже светать начинает...

Сережка и Витька огляделись. Ночная темнота в самом деле поредела, звезды померкли, в бору начали проступать отдельные деревья. Гусь встал, взял котелок.

— Вскипятим чайку и двинем на луду... А потом по холодку и домой доберемся,— сказал он и отправился за водой.

Сережка проводил Гуся долгим взглядом и стал поправлять костер. Он думал о том, что после гибели Кайзера Васька сильно переменился. Ни былой удали, ни страшных рассказов, ни командования. Вот и за водой пошел сам...

«Или это из-за Витьки?» — думал Сережка, которому такая перемена в Гусе была чем-то приятна и в то же время немножко тревожила.

Никогда еще Гусь не приносил домой столько рыбы. Дарья развязала мешок и ахнула. Она оторопело смотрела на окуней, потом будто испугалась чего-то, закрыла мешок и к сыну:

— А ну, сказывай, где взял?

— Что? Рыбу-то? В воде. Рыба не грибы, в лесу не растет.

— Не юли! Я тебя спрашиваю — где взял?

Гусь расхохотался.

— Наудил. Вот где!

— Врешь. Врешь, пакостник! По глазам твоим бесстыжим вижу — врешь!

Гусь оскорбился.

— Чего мне врать-то? — повысил он голос.— Иди, спроси у Пахомовых. С Витькой вместе ходили. Или у Сережки узнай.

— И спрошу! И узнаю!.. Кто поверит, что на удочку столько изловил?

Дарья и в самом деле выбежала на улицу, а Гусь зачерпнул ковш воды, выпил залпом и свалился на лавку. Он даже не поинтересовался, к кому именно побежала мать наводить справку.

«Из Витьки сегодня не работник!» — вяло подумал Гусь, чувствуя, как ноют нарезанные лямками плечи и болит спина. Он закрыл глаза и вдруг явственно увидел перед собой лицо Таньки Шумилиной. Лицо было грустное-грустное, а глаза печальные и будто в слезах. И Гусь вспомнил, что такой видел Таньку последний раз, когда лежал под елкой, оплакивая Кайзера.

Ему вдруг так захотелось увидеть Таньку, что он стал придумывать предлог, лишь бы сходить к Шумилиным. Но тут возвратилась мать. Она остановилась у порога.

— Господи! Чего же ты на лавку-то лег? Будто постели нету!

Гусь не пошевелился и не открыл глаз.

— Али уснул?

Молчание.

— Вот ведь как приморился. Эстолько рыбы пёр! — Дарья подошла к мешку.— Ой-ё-ёй! Окунища-то ровно лапти... Чего же теперь? Надо печку растоплять.

Все это Гусь слышал. И ему было приятно и раскаяние матери, и то, что она понимает, насколько сильно он устал. Но потом, когда Дарья растопила печку, Гусь по-настоящему уснул.

Ему снилось, что он работает на тяжелом комбайне, работает без всякого отдыха. Танька Шумилина в желтеньком платьице пришла на поле, принесла обед — целое блюдо вареных окуней! А председатель колхоза стоит на меже с ружьем в руках и кричит: «Хватит работать, отдохни! Ты уже не на одно ружье денег заработал. Возьми вот да иди в лес, глухарей постреляй. Из ружья-то надежнее, чем из лука...»

Гусь хочет остановить комбайн, но не знает, как это сделать. У Гуся уже болят руки и ноги, и плечи, и спина, и голова тяжелая, как чугун. Потом вдруг комбайн прямо на ходу с грохотом развалился на части, и все пропало.

— Экая я какая!..— услышал Гусь голос матери— Рука-то, прости господи, ни лешака не держит. Разбудила парня-то!..

— Что там у тебя случилось? — спросил Гусь.

— Да заслонка выпала. Ручка-то горячая, вот и не удержала... Грому-то от ее, как в кузне... Погоди-ко, я тебе молочка принесу. Попьешь, да и ложись по-хорошему. На сарай ложись, а то я здесь колгочу, мешаю...

Дарья проворно внесла поллитровую банку молока, подала краюшку хлеба.

Гусь сел.

— Чего на суде-то было? — спросил он.

— Ой, да чего и было! Вся деревня собралася. И в клуб-то не влезли все, другие так под окнами и стояли. Я-то, конечно, в клубе, в самом переду была...

— Это ладно,— перебил ее Гусь.— Присудили чего?

— Три года. Враз и увезли. Поперву-то народу мало показалося — три-то года. А как увозить-то стали да ребятишки-то как заревят, да баба-то свонная заголосит — дак всем вроде как и жалко... А чего сделаешь? Суд постановил. Увезли, и всё. Не своя воля. Много у его, конечно, темных делов открылося. Другого дак никто и слыхом не слыхал, а дознались. И Кайзера твоего помянули. Сам прокурор помянул. Вроде как стрелять-то он

Четкость линий, в которых чувствуется уверенная рука мастера! Композиционная завершенность! Все это присуще и многим другим графикам. В чем же дело!

Помог случай. Будучи в гостях у моих земляков-вологжан, я рассматривал их новые гравюры на дереве, интересную коллекцию старинных книг и икон, всевозможных народных поделок, собранную в результате многочисленных поездок художников по городам и весям русского севера. О чем-то посоветоваться с хозяевами за-

БЕРЕГОВУШИ

не имел такого права, хоть Кайзер и волк... Имущества описали сколько-то, мотоцикл, да телевизор, да еще чего-то...

— Кто же теперь бригадиром будет?

— Есть уж бригадир, есть!.. Погоди, еще молочка-то принесу.

Дарья выбежала в сени, принесла еще банку молока и продолжала:

— Николку Пахомова, как все и думали, бригадиром поставили. Сегодня уж он наряды давал. Ко мне зашел, посправшивал, как живу. Сколько, говорит, молока с фермы берешь? Я говорю — литру. Поди, говорит, мало? Бери, сколько надо, не стесняйся, а старшая доярка запишет. Я ему говорю: много-то брать, дак зарплаты не хватит. А он и сказывает: теперь, говорит, молоко дешевле будем отпускать. Ревизия какую-то ошибку нашла. Дороже с нас за молоко-то брали. Сколько переплачено было, вернут...

Дарья могла бы проговорить о бригадных делах и новостях, но Гусь перебил ее.

— Ты к кому ходила-то? Не к Шумилиным? Не знаешь, Сережка ушел на работу или нет?

— Не, я к Пахомовым бегала... Витька дак сряжался на покос, видела. А Сережка — не знаю. Танька-то у их вчерась в город уехала...

У Гуся похолодело в груди.

— В город? Зачем?

— В училище поступать. На медичку. Али не знал?

Гусь неопределенно пожал плечами.

— Забежала она к нам-то,— продолжала Дарья.— Вроде как со мной проститься... Ну, я ей сказала, что ты в лес ушел. Она эдак схудоумилась и ничего больше не говорила... Уехала Танюшка, уехала,— вздохнула Дарья.— Нарядилась хорошенько и пошла с чемоданчиком на станцию.

Плохо скрытое участие матери задело Гуся: что она может знать об их взаимоотношениях с Танькой? Он хотел сказать, что ему безразлично — уехала Танька или нет. Но промолчал.

Гусь знал, что Танька колебалась: пойти в девятый класс и кончать десятилетку, а потом поступать в медицинский институт, или сразу идти в училище. И не иначе она выбрала последнее потому, что он, Гусь, обидел ее тогда, в тот горький день, когда Аксенов убил Кайзера. Ведь

шел их коллега. Гравюры, которые он принес с собой, говорили о несомненной одаренности их автора и еще о том, что он стремится подражать Бурмагиным. И было в его гравюрах как будто бы все так же — и те же искусно выведенные резцом сказочные деревья, и те же северные кружевные ор-

НЕЛАЗСКАЯ ЦЕРКОВЬ

после того дня они так и не встречались, ни словом не обмолвились друг с другом.

Чтобы не подать вида, что отъезд Таньки расстроил его, Гусь спросил:

— Толька-то Аксенов все еще в больнице?

— Дак ведь в субботу разговор был, что неделю-то он пролежит, не меньше. Неужто забыл?

Гусь ничего не ответил. На душе у него было пусто, уныло. Хоть он и не виделся с Танькой последнее время, но пока она жила здесь, он не чувствовал себя таким одиноким. Он знал: что бы ни случилось — есть рядом человек, который всегда думает о нем, о Гусе, и который готов прийти на помощь в любую минуту, только скажи, только позови... А теперь?..

— Тебе-то ничего помочь не надо? — спросил Гусь у матери.

— Не надо. Сама управлюсь. Поди, поди, отдыхай!

Гусь тяжело поднялся, прошел к порогу, заглянул в кадку — воды мало.

— Да принесу я воды-то! — крикнула Дарья, когда Гусь, взяв ведра, отправился на колодец.

На сарае сумрачно, тихо и не так жарко. Заложив руки под голову, Гусь лежал на постельнике и смотрел в потолок.

«Значит, Танька уехала,— думал он.— Может, не поступит, тогда в девятый пойдет. Это бы лучше... Только нет, она — поступит, училась хорошо... Вот узнаю у Сережки адрес — письмо напишу. Неужто не ответит? Должна ответить!..»

Мысль перекинулась на Витьку. Тоже устал не меньше, а на работу ушел. Настырный! Он на ружье заработает. Запросто!

Спать не хотелось. Сейчас он вновь ощущал непривычную, тревожащую зыбкость своего положения. Будто в воздухе повис у всех на виду. И он понимал, что надо сделать какой-то решительный шаг, надо как-то определиться. Болтаться вот так, когда все на работе, просто невыносимо. Сережка и тот ходит на покос!

«А я разве не могу? — размышлял Гусь.— По аксеновским нарядам и дня бы не отработал, а теперь — пожалуйста! Сено-то загребать да в копны сносить — не велика премудрость... Вот если бы к комбайну поставили, помощником бы комбайнера — это да! Надо поговорить с Пахомовым, может, устроит? К Ваньке бы Прокатову...

наменты, и все это было сделано столь же уверенно и четко. Но затейливые узоры почему-то оборачивались красивой выдумкой, а в то же время в существовании бумажных самых, казалось бы, неправдоподобных русалок-берегуш, глядя на гравюру, я ничуть не сомневался. Так вот в чем соль!

НОВОГОДНЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Гусь вспомнил последний разговор с Прокатовым, и ему сделалось неловко за себя, за необдуманные дерзкие вопросы, за то, что ушел тогда, не дослушав Ивана и даже не попрощавшись.

«А он-то и Кайзера вспомнил. Как он его назвал? «Безобидный зверенок»...— Гусь улыбнулся.— И правда, безобидный... Нет, все-таки надо сходить к Ивану. Сам же он тогда говорил, что вдвоем работать сподручнее. Может, возьмет?..»

Не откладывая дело, Гусь отправился к зернотоку. Иван был там.

В майке, серой от мазута, грязный настолько, что на круглом лице блестели только глаза да зубы, Прокатов встретил Гуся радостно.

— Вот ведь как угадал вовремя прийти! Держи ключи!

Но на этот раз Гусь не взял ключей.

— Слушай,— сказал он серьезно,— возьми меня в помощники!

— А я — что, шутки шучу?

— Нет. Понимаешь, я хочу по-настоящему поработать, всю уборочную, пока каникулы. Так, чтобы и заработок у меня был...

Прокатов недоверчиво уставился на Гуся.

— Хм!.. А кто по лесу шастать будет? Стога ворошить? Я видел на Длинных пожнях стог — весь в норах. Это ведь твоя работа!

— Знаешь что? — сверкнул глазами Гусь.— Я пришел к тебе по-человечески в помощники проситься, а ты насмехаешься!..

Ему стало так обидно, так горько! Впервые поборол себя, впервые обратился к взрослому человеку вот так, прямо, с открытой душой, к человеку, которого уважал. И на тебе! Он тоже не понял. Хотелось крикнуть: да подите вы к черту с вашими стогами и гайками!.. Но Гусь не крикнул, не сказал ни слова. Он сник, плечи его опустились, губы плотно сжались. Он молча повернулся и пошел прочь.

В три прыжка нагнал его Прокатов.

— Обожди! Чего обиделся? Если ты всерьез — давай поговорим! Я думал...— и осекся: на него с укором и почти с отчаянием — совсем не по-детски! — смотрели влажные и чистые глаза подростка. И на какое-то мгновение будто открылась Прокатову издерганная, исстрадавшаяся в одиночестве душа Васьки Гуся — душа вовсе не такая, какой виделась со стороны.

Оказывается, Генриетта и Николай Бурмагины ничего не выдумывают даже тогда, когда они режут на самшите гравюры на темы сказок. Просто они смотрят на все окружающее как бы сквозь волшебное стеклышко. Преломляясь в нем, самые что ни на есть будничные вещи и картины становятся поэтичнее и одухотвореннее. Реальные здания, позабыв о непоправимых метах времени, словно бы говорят: «Посмотрите, какими мы были в молодости

СЕВЕРНАЯ ДЕРЕВНЯ

— Сядем,— глухо сказал Прокатов и положил большую руку на костлявое плечо Васьки.

Они сели на траву рядом — сухой и жилистый Гусь и плотный, с могучими бицепсами Прокатов. Иван закурил, несколько раз глубоко затянулся, задумался. Ему вспомнилось последнее партийное собрание, на котором говорили и о привлечении подростков к уборочным работам.

— Вот что, парень! — сказал Прокатов.— На помощника комбайнера надо учиться. Дело это не шутейное. Нам помощниками на уборку посылают ребят из училища. Вот какая штука. Но я так думаю. До уборки еще недели три, не меньше. А если и меньше, то я все равно раньше как через три недели не управлюсь. Ну вот. Если ты каждый день с утра до вечера будешь работать со мной здесь, да не шаляй-валяй, а с умом, помощник из тебя получится. Тогда я со стороны и просить никого не буду. Вот и решай.

— А на ремонте работать — это бесплатно?

— Почему бесплатно? Деньги пойдут. Заработок, конечно, не велик. Зато потом, на уборке, можно так давануть — по пятерке в день выходить будет! Какая, конечно, погода. А хлеба нынче хорошие.

— Я согласен.

Прокатов посмотрел в глаза Гуся и сказал:

— Но смотри — впопятную ни-ни!..

— Знаю. Только как бригадир? Может, он не согласится?

— Бригадиру это на руку, рад будет. Вдвоем-то мы эту гробину скорее на колеса поставим... Я сам с Пахомовым поговорю.

— Это бы лучше,— обрадовался Гусь.— А то сено загребать да копны носить что-то неохота...

— Верно решил,— поддержал Прокатов.— Ты — парень, и не о граблях думать надо, а о машине. Надежней! — он смял окурок, отбросил в сторону.— Так когда выйдешь на работу? Завтра?

— А чего тянуть? Я хоть сейчас могу. Делать-то мне нечего.

красивыми!». Весело тарахтит прямиком в сказку обычная крестьянская телега, и, как в зеркало, глядится в небо из-под кружевного карниза деревенская изба. А Нерлазская деревянная церковь и впрямь похожа на сказочный теремок! И уже не надо ничего приукрашивать, во что бы то ни стало выискивать в жизни лишь исключительное и парадное.

Мир, если на него смотреть глазами поэта, сам по себе — сказочен!

И. ТАРАБУКИН

ДОРОГА

— Тогда скидывай рубаху и — поехали! Время, оно не идет — бежит!..

Едва поезд замедлил ход, Толька спустился на подножку и соскочил на землю. Он окинул беглым взглядом пассажиров, которые толпились на полустанке, и, не заметив среди них знакомых, напрямик, полем, побежал в деревню. В руках у него была сетка с одеждой, а в одежду завернута самая драгоценная вещь — транзисторный приемник «Альпинист».

Обладателем транзистора Толька оказался случайно. Мать, слезно умолявшая Тольку никому не говорить, что лицо ему разбил отец, видно, решила задобрить сына и в первый же приезд оставила ему двадцать пять рублей на «питание и гостинцы». Но кормили в больнице неплохо, а в город не отпускали, и истратить деньги было решительно не на что.

И вот как-то раз в палату заглянул щеголеватый парень. Он показал изящный бело-голубой ящичек, из которого тихо лилась приятная музыка, и спросил:

— Транзика никому не надо? По дешевке отдам. А то меня выписали, а валюты нету...

Никому в палате приемник не был нужен. Толька спросил:

— За сколько продашь?

— Пара червонцев. Он совсем новый!

Толька подал деньги и бережно принял в свои руки покупку.

Сейчас Тольке очень хотелось достать «Альпиниста» из сетки, но домой он шел прямой тропкой и боялся, как бы в кустах да в лесу не повредить такую хрупкую вещь. Да и батарейки сесть могут, а потом где их достанешь?

До Сити Толька пробежал одним духом, а у реки задержался — захотелось пить.

Жаркая погода стояла давно, и Сить обмелела. Здесь, где обычно переходили ее вброд, теперь можно было пройти по камням, не замочив ног. Толька встал на четвереньки, потянулся губами к воде, но увидел свое отражение и снова, уже в который раз, стал рассматривать нос.

Да, нос теперь совсем не такой, как прежде. Раньше он был с седловинкой, чуть вогнутый, а сейчас — совершенно прямой. От этого лицо стало чуть ли не красивей. Правда, следы от швов еще видны, но хирург сказал, что со временем они исчезнут.

Насмотревшись на нос, Толька припал к прохладной речной воде. Пил он долго, удивляясь, насколько вода Сити вкусней городской, водопроводной, которая так сильно отдает хлоркой; потом перешел реку и побежал дальше.

Из письма матери Толька знал решение суда, и в переньке боролись два чувства — ощущение собственной свободы и жалость к отцу: все-таки тюрьма есть тюрьма. Но разве отец не знал, чем все кончится? Конечно, жить семье будет труднее. Зато никто Тольке не скажет ни за углом, ни в глаза, что отец у него вор и пьяница.

Но эти мысли недолго занимали Тольку. Куда важней то, что теперь у него будет такая же вольная жизнь, как у Гуся. И ему не терпелось скорей встретиться со своим другом, у которого за это время наверняка накопилось всяких приключений.

Дверь дома оказалась на замке. Толька нашарил в щели под порогом ключ, открыл избу.

Он удивился, что в доме, как перед праздником, чисто и аккуратно прибрано, положил сетку на стол и заглянул в кладовку. Как всегда, на полках стояли кринки с молоком. Не заходя в комнату, Толька опорожнил через край одну из них, поискал еще чего-нибудь вкусного, но ничего не нашел.

Гуся тоже не оказалось дома.

«Наверно, в лес ушел!» — с сожалением подумал Толька и побежал к Шумилиным.

Сережкина бабка, подслеповатая и дряхлая — ей перевалило за восемьдесят,— сидела на сундуке у окна, и на ощупь вязала костяной иглой шерстяной носок.

— А Сережки нету? — спросил Толька.

Бабка долго смотрела на него, потом сказала:

— Не Толька ли аксеновской пришел? Али вернулся из больницы-то?

— Раз тут, значит, вернулся.

— А батьку-то твоего увезли. Поди, знаешь?

— Знаю. Сережка где?

— Сережка-то? Дак он на покосе. Сено на Макарихиных пожнях кладут.

Толька присвистнул: до этих пожен не меньше десяти километров!

— А Васька-Гусь не знаете где?

— Васька-то? Дак он комбайну делает.

— Какой еще комбайн! — рассердился Толька.— Неужто Васьки Гусева не знаете?

— Дарьиного-то?

— Ну!

— Дак я про его и сказываю. Комбайну делает с Ванькой Прокатовым.

Толька выскочил на улицу. Видать, бабка вовсе из ума выжила! Он отправился к Вовке Рябову. Но и Вовки дома не было. Соседские девочки сказали, что он ушел загребать сено.

Смутная тревога охватила Тольку. Что случилось? Почему Сережка и Вовка ударились в работу? И куда в самом деле девался Гусь? Он все-таки решил сходить за деревню, где у зернотока стоял прокатовский комбайн. Гусь оказался тем.

— Хо! Толька? Привет! — обрадовался Васька.— Когда прикатил?

— Да вот сейчас...

— Ну-ко, ну-ко, как тебя починили-то, дай посмотреть! — Гусь долго разглядывал Толькин нос и заключил: — Здорово сделали! Новый, что ли, поставили? У тебя не такой был...

— У них запчастей не то что у нас, побольше,— сказал Прокатов.— Принесут целый ящик носов — вот и выбирай.

— А транзистор откуда? В придачу к носу дали? — спросил Гусь.

— Купил.— Толька включил «Альпиниста». Приемник тихо запотрескивал, потом зашипел, и из него раздался отчетливый и чистый голос диктора.

— И сколько отдал?

— Двадцать.

— Ну и дурак! — ахнул Гусь.— За такую побрякушку?! На черта он тебе? Дома приемник есть, динамик...

— А в лес пойдем, разве плохо? С музыкой!.. Он ведь не тяжелый,— слабо защищался Толька, не ожидавший, что Гусь не одобрит покупку. Чтобы переменить разговор, он спросил: — Ты что, работаешь, или так?

— Работаю.

— И долго будешь?

— Чего? Работать-то?

— Ну!

— До школы.

— Что это всех вас свихнуло? Сережка и Вовка тоже на работе... Чудаки! В такую-то погоду...

— Ты тут антирабочую пропаганду не толкай! — полушутя, полусерьезно сказал Прокатов.— Поболтались, и хватит. За ум пора браться.

— А я завтра на Сить хочу махнуть,— сказал Толька, будто не расслышав замечание Прокатова.— Рванем, а?

— Что ты!? Я же на работе. До воскресенья никуда.

— До воскресенья погода может испортиться.

— А раньше нельзя.

— Ну и ну,— Толька покачал головой.— Будто на принудиловке... Валяй, ломи!

— Вечером-то заходи! — крикнул вслед ему Гусь.

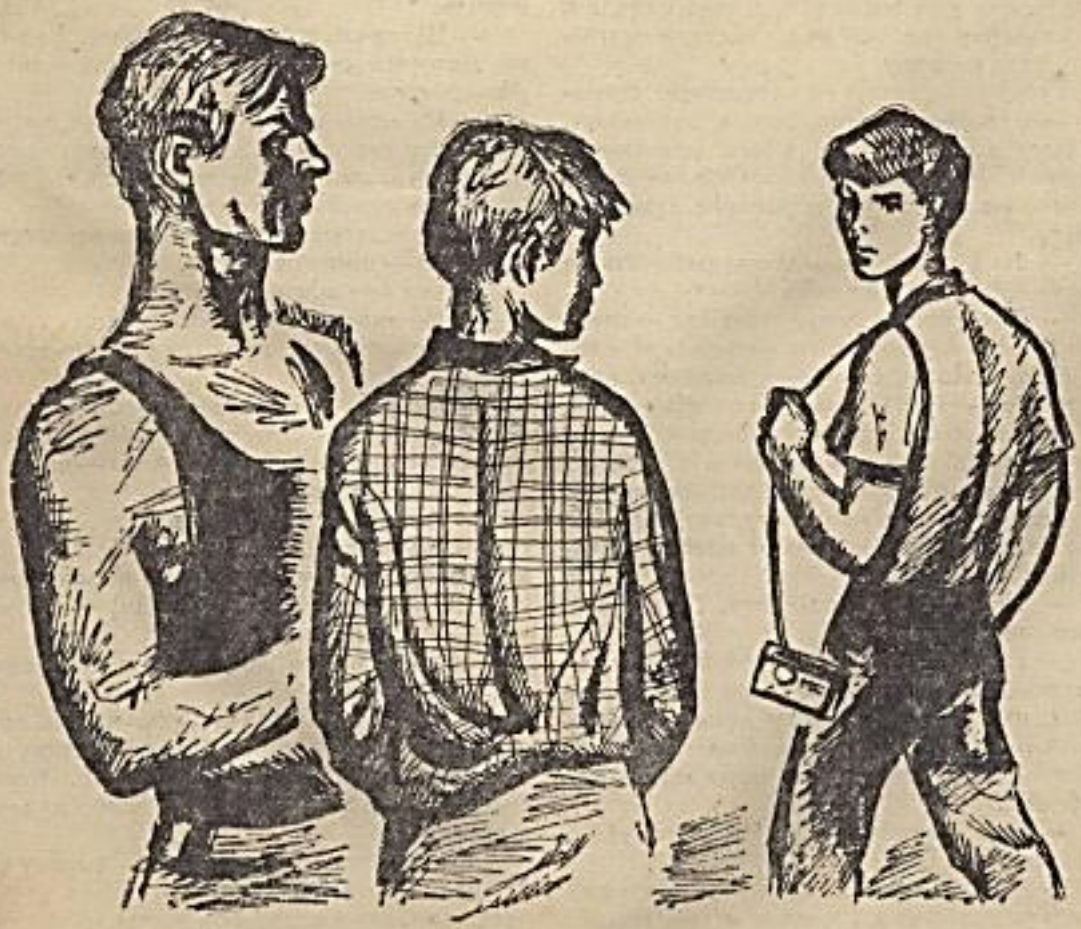
— Может, зайду,— нетвердо пообещал Толька.

Когда он ушел, Прокатов сказал:

— Ишь каким хлюстиком похаживает! Ты, смотри, на его уговоры не поддавайся.

— Мне на его уговоры наплевать. Решил работать, значит — все!..

Гусь не скрывал от Прокатова, что работа, которую они выполняют, ему не по душе. За что ни возьмись, все старое, того нет, другого нет, всякую пустяковину приходится приспосабливать по-кустарному, работая лишь ножовкой по металлу, зубилом да напильником. Кое-что, правда, вытачивали ребята в центральных ремонтных мастерских, куда чуть не каждый день ездил на своем мотоцикле Прокатов. Но все это не то. Были бы новые заводские детали, поставили бы их — и конец



мытарствам. Еще бы лучше ремонтировать комбайн в мастерской. Там все-таки токари, слесари, сварка... Но мастерская заполнена техникой до отказа. К тому же Прокатов считался в колхозе не только хорошим комбайнером, но и мастером на все руки и свой комбайн готовил к работе каждый год самостоятельно. Однако его СК-4 порядком износился, и ремонтировать его становилось все труднее.

Но Прокатов утешал:

— На старой машине и учиться надо! Когда каждую шестеренку да каждый болт в своих руках подержишь, тогда и комбайн знать будешь. Это надежней любых курсов!..

И Гусь старательно делал все, что поручал ему комбайнер. Так же усердно работал он и один, когда Прокатов уезжал в мастерские. Вот почему после ухода Тольки Аксенова не было нужды в лишних словах: Прокатов знал, что Гусь не из тех, кто легко поддается влиянию со стороны.

Вечером, когда Гусь пришел с работы, Толька уже ждал его. Дарья налила в умывальник горячей воды и стала накрывать стол к ужину.

Гусь умывался, не торопясь, старательно смывал с лица, шеи и рук мазут. И было во всем этом, в его движениях что-то по-настоящему взрослое, отчего в Тольке на мгновение вспыхнула зависть к другу.

— Ты с какой это малины работать-то надумал? — спросил он.

— Захотелось, вот и надумал,— ответил Гусь,— А вообще-то знаешь как охота в лес смотаться! — неожиданно признался он.— На Пайтово бы озеро опять...

— Кто тебя держит? Пойдем, и все. Ты же не обязан каждый день с утра до вечера ломить. Дело это добровольное: захотел — вышел на работу, захотел — в лес подался. Тебя не имеют права заставлять...

— Никто и не заставляет. Сам,— жестко ответил Гусь.

— Поробил бы и ты, Толенька,— вмешалась Дарья, которая была несказанно рада, что сын наконец у дела.— Теперь батьки нету, дак тяжельше жить-то. Парень ты не маленькой, пора матке пособлять...

— Еще наработаюсь. Не к спеху!..— поморщился Толька.

Ему было неприятно, что уже второй человек говорил об одном и том же.

Толька так и не стал ходить на работу. Он оставался дома с младшими братом и сестрой, которых до этого мать брала с собой на покос.

В субботу, в банный день, работу кончили раньше.

Гусь забежал было к Тольке, но того не оказалось дома. Его братишка и сестренка, грязные до ушей, копались в песке у завалинки.

«Ну и черт с ним! — в сердцах выругался Гусь.— Придет сам, если надо...»

Толька и в самом деле пришел очень скоро вместе с Сережкой и Витькой. Он принес сеть. Ребята расстелили снасть во дворе на лужайке, потом осторожно, чтобы не запутать, подняли ее на изгородь.

Витька оглядел огромную дыру посреди сети, зачем-то соединил обрывки верхней тетивы и сказал:

— И вы говорите, что это щука так ее распластала?

— Конечно,— ответил Толька.— Сами видели.

— Щуку-то, может, и видели... Кто-то на моторке сеть зацепил. Винтом ее и размочалило.

— На мото-орке? — удивился Сережка, и ему стало неловко за Витьку, который на этот раз так глупо ошибся.

А Гусь сдержанно сказал:

— На моторках по Сити в жизни никто не ездил — порогов много.

Витька смутился.

— Не знаю. Но это — не щука.

— Наверно, крокодил,— съязвил Толька.

— Может, и крокодил...— он поднял на Гуся глаза.— Это же капрон! Такой шнур и лошади не порвать. А вы — щука... Померещилось вам.

— Хы! — усмехнулся Гусь.— Всем троим померещилось? Не думаю. И шнур, между прочим, не оборван, а перекушен. Или ты не знаешь, какие у щуки зубы?

— Знаю, потому и говорю.

Ребята спорили долго, но к согласию так и не пришли.

— Вот что,— сказал Гусь, чтобы положить конец спору.— Починим сетку и поставим ее на то же самое место. И посмотрим, что будет. А на Пайтово сходим в другой раз.

Сеть разрезали поперек, выкинули из средины метра три рвани, потом аккуратно связали вместе оба конца.

— Во, как новенькая стала! — удовлетворенно сказал Сережка. Втайне он был несказанно рад, что Гусь наконец решил сводить Витьку на Сить, к шалашу, и больше не нужно будет скрывать от нового друга заветное место. А Толька был недоволен решением Гуся: если Витька будет принят в компанию, тогда он, Толька, отодвинется на второе после Витьки место...

Ребята не были у шалаша целый месяц, но за это время здесь ничто не изменилось, разве только речка немного обмелела. Шалаш был в полном порядке, плот, причаленный к берегу, стоял на месте. На старом кострище чернели головни, а возле пня, неподалеку от шалаша, выбеленная солнцем, лежала тряпка, которую когда-то отмачивал от разбитого носа Толька.

Все это так живо напомнило Гусю последний день на Сити, где он почувствовал, как учащенно забилось сердце. Он вспомнил, как робко и растерянно стояла Танька, встреченная им и Кайзером, как у нее дрожали руки, когда она пыталась перевязать разбитый Толькин нос. А потом... Потом свершилось неожиданное и самое главное: желтым огоньком мелькает меж деревьев Танькино платьице — и буйный азарт, какая-то бешеная вспышка удали. И вот уже она рядом, тоненькая и стройная, лучшая из лучших, единственная!.. А какая маленькая и слабая была ее рука!..

— Ты чего? — спросил Сережка, остановившись возле Гуся.— К чему тебе тряпка?

— Тряпка-то? — Гусь будто после сладкого сна медленно приходил в себя.— Этой тряпкой я нос Тольке перевязывал.— Он помолчал, прислушиваясь к разговору Витьки и Тольки, которые возились около плота.— От Таньки давно было письмо?

Спросил тихо, но неожиданно, так что Сережка вздрогнул.

— Позавчера, кажется,— и соврал: — Привет тебе просила передать...

Гусь недоверчиво и угрюмо глянул в рыжеватые круглые глаза Сережки и хмуро проронил:

— Раньше ты не врал мне.

Сережка вспыхнул, уши его покраснели. Он долго рылся в карманах штанов, потом достал маленькую бумажку и подал Гусю:

— На. Это ее адрес.

Гусь молча взял бумажный клочок и, не развертывая, сунул под оторвавшуюся подкладку кепки. Ему захотелось сказать Сережке что-то хорошее, приятное, и угрюмость сошла с его узкого загорелого лица. Но он сказал:

— Ладно. Пошли сетку ставить.

Сить, с тайным мальчишеским пристанищем и плотом, с высоким бором на левом берегу и с глубокими омутами, произвела на Витьку не меньшее впечатление, чем Пайтово озеро. Послушавшись Гуся, Витька взял вместо подводного снаряжения спиннинг и с завидным упорством работал своей снастью...

После ухи сидели у костра, перекидываясь ничего не значащими фразами, и Сережка опять подумал, что Гусь стал какой-то не такой. И говорит мало, больше молчит, будто непрестанно думает о чем-то. А о чем? Хоть бы сказал...

С настороженным вниманием следил за каждым движением Гуся и ловил каждое его слово Толька. Непривычная молчаливость и серьезность Гуся озадачили его. Лишь Витька казался как всегда беззаботным.

— Ты чего своего «Альпиниста» в мешке держишь? — спросил он у Тольки.— Доставай, хоть музыку послушаем.

Толька извлек из рюкзака транзистор и стал его настраивать. Делал он это медленно, будто нехотя, не более как ради товарища.

А Гусь неотрывно смотрел в костер и шевелил березовой палкой угли. Он сам удивлялся тому, что ему не хочется ни проказничать, ни нырять в омут, ни лазить по деревьям. Лучше бы всего, пожалуй, он остался один, наедине с этим бором, с речкой, со своими мыслями и сладкими воспоминаниями. И когда по лесу вдруг разнеслась резвая, какая-то бравурная современная мелодия, вырвавшаяся из бело-голубого транзистора, Гусь поднялся и побрел в глубь бора.

— Ты куда? — спросил Сережка, вставая и намереваясь идти следом.

— Никуда. Сиди. Я скоро вернусь.

Высокий и угловатый, Гусь тихо шагал по бору, засунув руки в карманы штанов. Ему мерещилось за деревьями желтое — горошками — платье, и он все ускорял и ускорял шаги. Растаяла позади музыка, и Сити не видно... Кажется, здесь... Да, да, здесь! Она стояла у этой сосны... Гусь подошел к старому — в два обхвата —

дереву и бережно провел ладонью по серой потрескавшейся коре. Потом привалился к сосне спиной, закрыл глаза и прошептал:

— Эх, Таня, Таня! Гуся-то больше нету... Кончился Гусь!..

Всю ночь Гусь не сомкнул глаз. В шалаше было уютно, тепло. Пахло свежей еловой хвоей и увядшими березовыми листьями. Вход в шалаш светлел прямоугольным окном, в которое были видны и освещенные луной стволы сосен, и голубые тени от них, и сизо-дымчатые можжевельники, и пень, на котором Толька отмачивал когда-то присохшую повязку.

Все, как прежде, не хватало лишь Кайзера за стенкой, и Гусь чувствовал, как у него тоскливо ныло в груди.

И снова Васька думал о том, что слишком велика была бы утрата — навсегда расстаться с Ситью, не дышать вот этой смольной прохладой, не слышать лесных птиц. Мысленно он прошелся тропками своего детства, вспомнил, как ради ухарства не раз глупо рисковал жизнью — переплывал Сить во время ледохода, прыгал на большой высоте с дерева на дерево, а как-то раз забрался на прогнившую тридцатиметровую вышку, которая, едва успел слезть, на глазах рухнула от ветра. А сколько было разворочено стогов сена, спалено копен соломы на полях, помято ржи, побито стекол в деревне! И за все приходилось расплачиваться своей задубевшей от воды, солнца, ветра и побоев мальчишеской шкурой. Но и о побоях думалось сейчас без всякой обиды на мать, а скорей с нежной грустью...

Гусь не мог бы сказать, когда это пришло к нему — прошлым летом или нынче, или было в крови, но до времени дремало? — но только он почувствовал вдруг, что не сможет вот так запросто, как прежде, завалиться в рожь спать — ее ведь, эту рожь, кто-то вырастил. И хоть Иван Прокатов упрекнул его за какой-то стог на Длинных пожнях, но в это лето Гусь нигде не тронул ни одного стога. Не потому, что осознал ценность труда людского — об этом как-то и не думалось,— а просто рука не поднялась бы, как не поднимается она теперь на птичье гнездо, на морковку в чужом огороде, на дерево, если нет нужды его рубить.

«А Танька уехала,— думал Гусь.— Уехала — и все».

Ему казалось, что он помнит каждую прядку ее льняных волос, каждую складочку на платье. И было грустно, что не удалось поговорить с Танькой перед ее отъездом...

Так прошла ночь.

...Сеть снимали Гусь и Витька. Почему-то в нее много набилось сучьев, щепы, коряжника. Но каково было изумление ребят, когда они увидели, что средина сети, как и прошлый раз, опять изорвана на добрую треть! И верхняя тетива тоже расстрижена в нескольких местах.

— Прошляпили! — сокрушался Сережка. —Дежурить надо было!

— Между прочим, я нисколько не спал,— мрачно отозвался Гусь.— Но я ничего не слышал.

Тольку забила лихорадка.

— Хорошо, что не слышал,— выдавил он.— Она бы всех нас перетопила... Вы как хотите, а я сюда больше не приду!

— Ну нет! Такую щуку надо изловить! — возразил Сережка.— Может, крюк на нее здоровый поставить? Насадить язя или плотицу покрупнее, поводок из толстой проволоки...

— Думайте, что хотите, но это — не щука,— сказал Витька, разглядывая сеть и очищая ее от мусора.

— А кто же тогда, кто? — разводил руками Гусь.

Витька будто про себя тихо сказал:

— Когда подводный охотник попадает в сеть, он режет ее ножом... Помните, в кино «Человек-амфибия»?

Ребята переглянулись: уж не думает ли Витька, что в Сити живет такой человек?

— Ты к чему это? — спросил Гусь.

— Да так... Очень уж интересно и странно все получается... А вдруг здесь живет еще никому не известное таинственное существо? Не рыба, не зверь. Может, оно сейчас лежит под водой у самого берега и наблюдает за нами...

Толька побледнел, Сережка слушал, раскрыв рот, а Гусь смотрел на Витьку и не понимал, шутит ли он, фантазирует ли или всерьез думает, что такое возможно.

Два вечера просидел Гусь над раскрытой тетрадкой, сочиняя письмо Таньке Шумилиной, первое в своей жизни письмо. Что и как написать, он обдумывал еще на работе, но когда после ужина брался за перо, приготовленные фразы либо вылетали из головы, либо казались вовсе не подходящими. Ему хотелось написать, как он расстроился, когда узнал,

что Танька вдруг уехала в город, как сожалел, что грубо обошелся с нею в тот день, когда бригадир застрелил Кайзера; потом нужно было как-то передать на бумаге чувства, которые он пережил, снова оказавшись на Корьюге, возле шалаша.

Думалось хорошо и просто, а на бумаге выходило совсем не то. Наконец, на второй вечер письмо было написано:

«Здравствуй, Таня!

Я очень жалею, что ты уехала в город. Я теперь тоже работаю, ремонтирую комбайн с Ванькой Прокатовым. Скоро начнем жать рожь. Ты меня извини, что тогда я накричал на тебя. Как это получилось, я и сам не знаю. В это воскресенье мы ходили на Сить, я, Сережка, Витька и Толька. Рыбы достали мало и кто-то опять изорвал Толькину сетку. Витька говорит, что это не щука, а кто — не знаем. Я тебя там вспоминал и ходил к той сосне. Ты не думай, что я все забыл. Я помню все. И еще извини, что я напоминал тебе про Лешку. Больше этого никогда не будет, потому что я тебя л...

Буду ждать ответа, как соловей лета.

Васька Гусев».

Он запечатал письмо, написал адрес, аккуратно, как в школе никогда не писал, и тайком от матери отнес и опустил письмо в почтовый ящик. Завтра письмо будет в городе, и послезавтра, то есть в четверг, Танька получит его. Значит, ответ надо ждать в субботу...

С признанием в любви, пусть в письме и не полным словом, а лишь одной буквой, Гусь считал, что навсегда и прочно связал свою судьбу с Танькой. Что бы там ни было, Гусь постоянно будет думать о ней.

В субботу с утра дело никак не клеилось. Гусь путал шестерни и гаечные ключи, терял шплинты и гайки, опрокинул ведро с бензином, в котором промывались мелкие детали, и вдобавок ко всему то и дело спрашивал у Ивана время.

— Ты что сегодня? Торопишься куда или кого ждешь? — не выдержал Прокатов.

— Да нет, ничего... Я так,— смутился Гусь.

— Если надо куда сходить — иди. Я-то ведь ухожу по своим делам.

— Нет, нет, мне никуда не надо!

Гусь испугался, что Иван может обо всем догадаться.

На обед ушли в час дня, а почту разносили обычно около одиннадцати. Гусь прибежал домой. На двери замок. Это хорошо, а то бы Танькино письмо могло попасть в руки матери. Сейчас оно, конечно, лежит за дверью: почтальонка опустила его в щель под верхним косяком.

Гусь открыл замок, осмотрел сени. Но письма нигде не было.

«Может, мама приходила домой?» — подумал он и поспешил в избу. На столе письма нет, на окнах — тоже. Заглянул на всякий случай в шкаф, потом за тусклое потрескавшееся зеркало, где хранились всевозможные нужные и ненужные бумаги.

«А вдруг мама унесла письмо, чтобы прочитать его бабам? — при этой мысли Гуся кинуло в жар.— Нет, этого не может быть!» Он вспомнил, с каким сочувствием говорила мать о том, что Танька перед отъездом забегала попрощаться, и окончательно утвердился в мысли, что мать не позволит себе так нехорошо поступить. Скорее всего, почтальонка забыла принести письмо. Но тут его осенило: сам сочинял письмо два вечера, значит, и Танька не меньше пропишет. Тогда и ответ придет завтра.

Но и в воскресенье письма не было. Не пришло оно и на следующей неделе. И только тут Гусь понял: ответа не будет. Любовь его безответна. Танька обиделась навсегда, на всю жизнь. Она потому и уехала в город без предупреждения, чтобы забыть его, Ваську, чтобы никогда его не видеть. И пусть! Он все равно помнит ее, думает о ней. И этого она не может запретить...

А в бригаде уже началась уборка ржи.

Погода как на заказ — сушь. Утром, едва подсохнет роса, прокатовский СК-4 уже утюжит ржаное поле.

Грохот работающей машины, пыль, зной и постоянное напряжение — вовремя сбросить солому из копнителя, быстро расчистить транспортеры, когда их забьет соломой, позаботиться о смазке и заправке комбайна — все это было так непривычно и ново, что в течение дня Гусю некогда и подумать о чем-либо, кроме работы. О Таньке и не полученном от нее письме он вспоминал лишь вечером, во время ужина. Но едва его голова касалась подушки, он тут же засыпал мертвецким сном, чтобы на рассвете снова спешить к комбайну. И так каждый день. Даже обедали в поле. И первый в жизни заработок Гусь получил тоже возле комбайна.

Целых тридцать семь рублей! Сумма

эта казалась настолько большой, что Гусь не мог придумать, куда ее истратить. Он бы немедленно купил сапоги-бродни и подводное снаряжение, но ни того, ни другого в магазине сельпо не было.

— Ты бы лучше костюм купил,— посоветовал Гусю Прокатов.— Парень большой, с девками скоро гулять будешь, на танцы ходить... Без костюма никак нельзя!

Гусь ничего не ответил: на что костюм, если Танька и письмо-то не хочет написать? А для нее, ради нее — купил бы...

Дни в жатве проходили быстро. Прокатов выжимал каждый день полторы нормы. В районной сводке соревнования комбайнеров фамилия его, как и в прошлом году, поднялась на первое место. А это — не шутка. Одно дело — почет, но ведь и премии будут. И Прокатов спешит. Он-то знает, что сушь и зной рано или поздно сменятся дождями, а убирать сырой хлеб, если и пойдет комбайн,— мука.

А Гусь устал. Устал от шума, от пыли, от всей этой бешеной спешки. Каждый раз ему все труднее вставать утром, и ноющая боль в плечах и спине уже не проходит во время работы, как было в первые дни, она держится постоянно с утра до вечера.

У Прокатова средний дневной заработок поднялся до двенадцати рублей, у Гуся — до шести. Денег хватит и на подводное снаряжение, и на ружье, и на сапоги-бродни; если же дадут премию, то и костюм можно купить. И как бы хорошо оставить эту тяжелую работу, отдохнуть перед школой, тем более, что сенокос в бригаде кончился и Сережка с Витькой почти все дни свободны. Они собрались на Сить на целых четыре дня! Вот бы сходить с ними, похлебать свежей ухи на

бережку, выспаться бы по-настоящему, досыта!.. Но Васька дал слово работать до последнего дня августа, и он помнил строгое предупреждение Ивана: впопятную — ни-ни!

Прокатов все чаще и чаще ставил Гуся на свое место.

— Ну-ко, пошуруй за капитана! — говорил он.— Век в помощниках не проживешь!..

И неважно, что Гусь совсем помалу стоял на месте комбайнера, но какие это были минуты! Его охватывало особенное, до сих пор не испытываемое волнение, он весь внутренне напрягался. Тяжелая машина слушалась его. Гусь мог ускорить или замедлить работу двигателя, поднять или опустить жатку, повернуть комбайн в любую сторону, остановить его.

А Прокатов коротко подсказывает:

— Газу добавь, тут чисто и ровно, быстрей можно! А здесь левее — густо, на полный захват не возьмет... Жатку вверх!

Каких-то четверть часа — и по смуглому лицу Гуся струится пот. Прокатов же только зубами сверкает:

— Шуруй, Гусенок, шуруй! Хлебушек, если без поту,— пресный!.. В школу пойдешь — за всю уборку отоспишься...

Гусь четко исполняет все, что ему говорит опытный комбайнер, и сам замечает, что каждый раз комбайн становится послушней и податливей... Нет, ради одних этих минут стоило работать до ломоты в костях, недосыпать, наспех обедать!..

Однажды в тот самый момент, когда Гусь замещал Ивана, на пшеничное поле прикатил председательский газик. Меняться местами было уже поздно, и Прокатов лишь коротко приказал:

— Останови!

Машина поравнялась с комбайном, и из нее вышел секретарь партбюро колхоза Семенов. Большеголовый и грузный, в рубахе с расстегнутым воротом и закатанными рукавами, он подал руку сначала Ивану, потом Ваське и кивнул на комбайн:

— Заглуши. Пусть и он отдохнет.

Гусь метнулся к машине, а Семенов вполголоса строго сказал:

— Рискуешь. Рановато,— и повел глазами в сторону Гуся.

— Ничего. Так интересу больше.

— Смотри!..

— Понимаю. Все будет в порядке! — улыбнулся Прокатов.

Семенов открыл дверцу газика, взял с сиденья небольшой продолговатый сверток и стал медленно его разворачивать. Ало сверкнул на солнце кумач.

— Это вам! — сказал он торжественно.— Переходящий вымпел района,— и подал Гусю.— Держи, Василий!

Васька растерялся. Точно боясь обжечься, он осторожно принял вымпел с шелковым желтым шнурком и тут же протянул его Ивану. Прокатов рассмеялся.

— Ты чего? Держи, держи! Или, думаешь, не заслужил?

Гусь покраснел.

— Вообще-то увезите его в контору,— сказал Прокатов секретарю.— Пусть там висит. А то на комбайне запылится да выгорит...

— Во время боя знамя в чехлах не держат,— ответил Семенов, на широком лбу резче обозначились глубокие складки.— Вы-то вот пшеничку убираете, а в четвертой бригаде рожь осыпается. Хорошая рожь! Гектаров девяносто...

Прокатов помрачнел.

— Там Согрин на комбайне? — спросил он.

— Согрин. Что-то никак не ладится у него с машиной. Механик оттуда и не вылазит, а толку нет. Наверно, придется тебя туда перекинуть. Пшеница-то еще постоит... Как ты думаешь?

Иван пожал плечами.

— Может и постоять...

— Ладно. Подумаем... Не буду вас задерживать. К Согрину еще заеду. Пока!

Едва газик тронулся с места, Прокатов хлопнул Ваську по плечу и, скаля зубы, воскликнул:

— Во, Гусенок, до чего мы достукались! Районный вымпел к рукам прибрали!..

— А чего с ним делать? — спросил Васька.

— На комбайн повесим. Повыше! Чтобы видно было...

...Вторая половина дня прошла для Гуся незаметно. Время от времени он поглядывал на вымпел, алеющий над головой, и думал о том, что где-то в районе совсем не знакомые люди, занятые важной работой, присуждая вымпел Прокатову, может быть, говорили и о нем, о Гусе. Ведь и в районной сводке — сам видел! — рядом с фамилией Ивана напечатано: «Помощник В. И. Гусев».

И сразу в памяти всплыло, что он давно не слыхал, чтобы кто-нибудь в дерев-

не, как прежде, костил его, а старухи, которые раньше не терпели Гуся,— та же Сережкина бабка или Агашка, в чьем доме он когда-то выхлестнул стрелой стекло,— даже эти старухи теперь, если встречаются на улице, не шипят.

Он невольно подумал, что с того времени, как начал работать, добрей и спокойней сделалась мать. За эти полтора месяца она ни разу не ругалась, ни разу не обозвала его балбесом и вообще стала разговаривать иначе. Как именно, Гусь не мог бы объяснить. И он не раз ловил себя на том, что и сам не может отвечать матери грубо — язык не поворачивается...

Под вечер к комбайну подрулил верткий «газик». Женщина — корреспондент из районной газеты — загорелая, смеющаяся, поговорила с Прокатовым, видимо, давним ее знакомым, задала несколько вопросов Гусю, записала что-то в книжечку. Потом попросила «занять рабочие места» и раз десять щелкнула нарядным, сверкающим фотоаппаратом. Села за руль, помахала рукой и укатила.

В этот день Гусь возвращался с работы широким неторопливым шагом, чуть-чуть вразвалку, как ходил Иван Прокатов. И если бы кто видел его, идущим так, сразу бы догадался, что на земле появился новый рабочий человек.

По сияющему лицу Сережки Гусь сразу понял, что из путешествия друзья возвратились с интересными новостями.

— Давно меня ждешь? — спросил Васька.

— Не! Мы только что вернулись. Я забежал домой и сразу к тебе... Если бы ты знал, что мы видели!..

— Давай рассказывай,— и Гусь спокойно стал раздеваться, хотя слова Сережки заинтриговали его.

Дарья, как всегда по возвращении сына с работы, тотчас налила в умывальник горячей воды.

— Понимаешь, пришли мы к шалашу, смотрим, а в Сити вода мутная, мутная! Палки плывут, какие-то сучья...

— Ну?

— Витька и говорит: пойдем сразу вверх, посмотрим, что там такое делается... Километров шесть прошли, глядим, а там Сить с берега до берега деревьями да всяким мусором завалена. Вода так и бурлит! Мы стоим, ничего не понимаем!

— Ты не тяни, рассказывай! — уже из-под умывальника поторопил Васька друга.

— Вот я и рассказываю по порядку... И на берегу — везде сучья, деревья лежат. Толстущие осины чуть не до половины будто ножиком кто стругал. Тут Витька и догадался. Это, говорит, бобры плотину строят...

— Бобры-ы? Откуда они взялись?

— Во! Я то же Витьке сказал. А он и слушать не хочет. Надо, говорит, засаду сделать, подсмотреть, как тут они хозяйничают... В общем, выбрали мы место, засели. Двое суток дежурили. И точно! Я сам двух бобров видел. И Витька двух. Днем их будто и нету, а как вечер приходит, вот и начинается работа!.. Если бы ты видел, какие огромные осины они валят! Зубы у них, как стамески! Сук в руку толщиной, а он два раза чиркнет — и готово!..

— Обожди, обожди,— вдруг перебил его Васька и повернул изумленное лицо, с которого стекала мыльная пена.— Значит, бобры?.. Вот кто у нас сетку рвал!..

— Точно! — воскликнул Сережка торжествующе.— Мы это тоже сразу сообразили. Такими зубами ему расстричь сетку — раз плюнуть!

Тем временем Дарья собирала ужин. Гусь сел к столу.

— Да, вы — молодцы! Разгадали, значит... Но откуда бобры пришли? Ведь здесь их никогда не было.

Сережка пожал плечами.

— Откуда-то пришли... А как они интересно плавают! Над водой только мордочка чуть-чуть видна...

Дарья вышла в кухню. Сережка наклонился к Гусю и быстро шепнул:

— Танька приехала! Тебя ждет! — и как ни в чем не бывало продолжал: — Плывет, плывет, а потом как ляпнет хвостом!.. Это они так ныряют...

Но Васька уже не слушал. Что-то дрогнуло у него в груди, и сердце забилось часто-часто, как тогда на Сити, у старой сосны... Мысли мешались: почему приехала Танька — не смогла поступить или ее отпустили до начала занятий? Как лучше встретиться с нею? Уйти после ужина с Сережкой к ним домой, раз она ждет? Но там, наверно, отец, мать, бабка... Нет, это невозможно! Надо придумать что-то другое... Хотя бы узнать, получила ли она мое письмо. Поручить это Сережке? Ему можно — не выдаст. А может, он уже знает?..

Когда Сережка наконец умолк, Дарья спросила у сына:

— Не слыхать, Вася, когда аванец-то вам давать будут?

— Не знаю. А что?

— Да вишь ли, в сельпе хорошие костюмы есть, по сорок два рубля. Купить бы надо, а то в школу-то ходить не в чем.

— Надо — купим,— отозвался Гусь.— Те-то тридцать семь рублей еще не истратила?

— Что ты, что ты? — испугалась Дарья.— Я их не тронула. Как положил в шкаф, так и лежат. Раз уж сам заработал...

— Добавь пятерку да и купи!..

Дарья сразу поднялась из-за стола.

— Ты чего?

— Дак в лавку-то. Ведь скоро закроют уж!

— Не к спеху. Завтра купишь.

— Нет уж! Ежели покупать, дак сегодня. Завтра, может, их и не будет уже.

Гусь промолчал: пожалуй, и кстати, если мать уйдет сейчас — можно будет Сережку расспросить...

Дарья взяла в шкафу деньги, накинула на голову выгоревший ситцевый платок.

— Боле-то ничего покупать не надо?

— Ничего.

— Ну и ладно.

О том, что денег у нее, кроме Васькиных, всего два рубля, она не сказала сыну: пятерку-то и у Пахомовых можно занять — не велик долг.

Как только мать вышла, Гусь спросил:

— Не говорила Танька, получила мое письмо?

— Получила.

— А что сама не написала?

— Не знаю. Она в кино собирается. Велела тебе сказать.

— Что велела?

— Да сказать, что в кино пойдет и тебя дожидается.

— А-а... В училище-то поступила?

— Поступила.

Гусь закончил ужин, собрал посуду, вынес ее в кухню.

«Можно и в кино,— размышлял он.— А после поговорить...»

— Тольку давно видел? — спросил он.

— А ну его! Он с отпускниками целые дни по лесу таскается — грибы ищут. А грибов-то нету — сухо, не растут.

Прибежала Дарья, взволнованная, довольная.

— Вот, купила! — сказала она и положила на стол узел.— Сорок восьмой размер третий рост. Ежели неладно, продавщица заменит...

Новый черный костюм показался Гусю таким нарядным, что и надевать его было страшно.

— Померь, померь! — настаивала Дарья.

— Ладно, потом,— отнекивался Гусь.— Я в кино пойду.

— Дак в костюме-то и иди, ежели ладной! — и Сережке: — Ты хоть похвастал, что Танька-то приехала?

— Я знаю,— буркнул Гусь.

Костюм пришелся в пору, но идти в нем в кино Гусь не решился. Он надел свой старый латаный пиджачишко, который к тому же был заметно мал ему. Дарья запротестовала:

— Чего ты в этаком страмиться пойдешь на люди!

— В этом привычнее!

Дарья вздохнула.

Сережка и Гусь вышли на улицу.

— Кино-то хоть какое? — спросил Гусь.

— «Тихий Дон». Вторая серия. Сначала к нам зайдем, а потом уж в клуб. Время еще есть.

Гусь не возражал. Но когда они дошли до Сережкиного дома, заупрямился:

— Не буду я заходить! Здесь обожду.

— Ты чего? Пойдем в избу-то!

— Сказано — не пойду! Ты ведь недолго?

— Ну как хочешь...

Сережка и Танька вышли скоро. Танька была одета нарядно: кремовая кофточка, черная юбка, бежевые сверкающие туфельки, а на плечах тонкая, будто паутинка, косыночка. Гусь сразу почувствовал, как нелепо будет выглядеть он в своей трепаной одежде рядом с такой красавицей. А Танька улыбалась. Сияющая, она сбежала с крылечка и протянула Гусю руку.

— Ну, здравствуй!

Гусь заметил, что на них смотрят из окон шумилинского дома — кто смотрит, не разобрал — и от этого растерялся еще больше.

— Ты хоть дай мне руку,— засмеялась Танька.

С отчаянной решимостью Гусь поднял на нее глаза и медленно, будто рука была чужая, пожал Танькину ладошку. Взгляды их встретились. И Гусю показалось, что Танька стала еще красивее, в тысячу раз красивее и лучше!

— А я уже слышала про тебя!

— Что слышала? — не понял Гусь.

— Да что в газету про вас напишут!.. Ну, чего мы стоим? Пошли!..

Гусь хотел идти рядом с Сережкой, но Танька легонько оттолкнула брата и пошла в середине. Она была в отличном настроении, рассказывала, как поступала в училище, потом что-то спрашивала у Гуся, но он отвечал односложно и невпопад. Даже спиной он ощущал на себе любопытные взгляды однодеревенцев и чувствовал, что в этих взглядах есть еще что-то, кроме простого любопытства, но что именно, понять не мог.

— Ты что сегодня такой? Наверно, сильно устал? — сочувственно спросила Танька и вдруг взяла Гуся и брата под руки.

Это легкое неуловимое движение обожгло Гуся. Но он не нашел сил отвести Танькину руку и с трепетным страхом ждал, когда малолетки-ребятишки, которых так много на улице, крикнут вслед: «Жених да невеста!..»

Но ребятишки почтительно уступали им дорогу, и никто ничего не кричал. Так они дошли до клуба.

В кино Танька тоже пожелала сидеть между Гусем и братом. Она будто напоказ выставляла свою дружбу с Васькой и хотела, чтобы все видели, все знали: ее и Гуся связывает что-то очень большое и хорошее, чего нельзя стыдиться и чему можно лишь завидовать...

Кино Гусь почти не видел. Близость Таньки волновала его несравненно больше, чем события, которые развертывались на экране. Кроме того, Гусь боялся своим пиджаком запачкать рукав Танькиной кофточки. Вот он и сидел, не шевелясь.

Потом неожиданно Танькина рука легла на его руку, чуть-чуть сжала пальцы и замерла. Гусю сделалось жарко. Он испугался, что все сидящие в зале заметили это движение. Он повел глазами влево, потом вправо. От сердца отлегло: на них никто не смотрел, все были поглощены картиной.

После кино молодежь обычно оставалась на танцы до глубокой ночи.

— А ты не останешься? — спросила Танька, когда в зале включили свет и все задвигали скамейками.

— Нет,— ответил Гусь, и ему стало не по себе при одной мысли, что Танька останется здесь. Но она сказала:

— Пошли на улицу!..

Так и сказала — не «домой», а «на улицу».

На крыльце стояли Витька, Толька с транзистором, Вовка Рябов и еще несколько подростков.

«Почему я их раньше, в зале, не заметил? — с тоской подумал Гусь.— Теперь от них не отвертишься...» Пока здоровался со всеми за руку, Танька стояла рядом. Толька и Вовка сразу стали расспрашивать о приезде корреспондентки, но Витька с напускной серьезностью осадил их:

— Не задерживайте человека. Вы-то лоботрясничали, а он полсуток ломил!.. Ну, Вася, пока!

— Тань! Я тоже здесь останусь! — уже вслед Таньке и Гусю крикнул Сережка.

На улице парами и в одиночку расходились по деревне семейные люди; то тут, то там вспыхивали красные огоньки папирос. Танька взяла Гуся под руку и повела его не к дому, а в противоположную сторону.

— Ты куда это?

— Сходим на Сить... Знаешь, я по речке соскучилась... И еще — по тебе! — тихо добавила она и коснулась плечом его плеча.— Знаешь, когда я получила твое письмо, я тысячу раз его перечитала! Не веришь? Я его наизусть помню.

— Чего же ответ не написала?

— Не знаю... Сначала хотела написать, а потом передумала. Разве в письме все скажешь?

Они вышли за деревню и побрели по тропке, по которой бегали на Сить купаться.

— Ты же собиралась идти в девятый?

— Собиралась. Думала, кончу десять и в медицинский пойду. А потом что-то засомневалась — вдруг не поступить, что тогда? Вот и решила в училище. Ведь после училища тоже можно в институт поступить. Еще легче.

— А я думал, ты обиделась на меня и из-за того...

— Конечно, обиделась! Мне Кайзера не меньше твоего жалко было.

— Я знаю...

В тусклом свете ущербной луны серебрилась Сить. На перекате, ниже омута, она плескалась и шумела, а дальше опять текла тихо, умиротворенная и спокойная.

— Мы больше никогда не будем ссориться, правда? — чуть слышно сказала Танька.— Никогда! — повторила она

убежденно.— Я очень часто вспоминала тебя, вспоминала, как прибежала тогда к тебе на Сить и даже не догадалась ничего принести. И Семениху вспоминала. В городе хорошо, но там везде камень, асфальт. В парк мы ходили с девочками, так и кусты-то там подстриженные, какие-то ненастоящие. Посмотришь — вроде бы красиво, а вспомнишь Сить, наши леса — и грустно становится. Я ехала сюда, как на праздник, представляешь — в Сити выкупалась. Одна! Купаюсь и боюсь: вдруг кто-нибудь придет и унесет одежду. Глупо, правда? — Танька рассмеялась.

Гусь слушал ее, затаив дыхание. Он снова и снова убеждался в том, что Танька не такая, как другие девчонки, и говорит она как-то складно — красиво говорит, и голос у нее такой мягкий и нежный — только ее и слушал бы!

О городе Танька рассказывала много, увлеченно, но Гусь догадывался, что в этом красивом и большом городе Танька тосковала по родной деревне, что к городу она еще не привыкла. И привыкнет ли?

— А я тебе еще не сказала самого главного,— неожиданно прошептала она.

— Чего?

— Не знаешь?

Ее лицо было совсем близко, но Гусь видел только глаза, большие, изумленно-радостные.

— Не знаю,— пролепетал он еле слышно.

— Я тоже... люблю!.. Мы будем встречаться часто-часто, каждый день, когда ты приедешь в город.

— Я приеду! — с жаром ответил Гусь и тут же испугался своих слов, будто сказал самому дорогому человеку неправду.

Танька подала ему руку.

— Вернемся... Что-то холодно.

От Сити и в самом деле тянуло прохладой.

— Вернемся,— тихо ответил Гусь.

Почти все огни в Семенихе были потушены, лишь в клубе да у Шумилиных светились окна.

— Наши не спят. Меня ждут,— сказала Танька.

— А ты не боишься, что тебя будут ругать?

— За что? Разве я сделала что-нибудь плохое?

— Да вот, что ты — со мной...

— Какие глупости!.. Между прочим, если хочешь знать, папа всегда тебя уважал и не раз говорил маме, что когда ты перемелешься, из тебя выйдет толк.

— Это как же — перемелюсь?

Танька пожала плечами.

— Он и Сережку никогда не ругал, что с тобой водится... А вообще-то я и не боюсь нисколечко! Вон, девчонки, которые вместе со мной поступали, сразу с городскими парнями перезнакомились, на танцы стали бегать...

— И ты ходила на танцы?

— Нет,— не сразу ответила Танька.— Но если бы не получила от тебя письма — пошла бы.

— Нет, ты лучше не ходи. Там ты одна. Обидят — и заступиться некому...

Они прошли вдоль деревни и остановились у дома Шумилиных.

— Что же, до завтра? — спросила Танька и подала Гусю руку.

— До завтра... Ты не обиделась на меня?

— За что?

— Не знаю... Так...

— Ну что ты!..— она вырвала свою руку и вбежала на крыльцо.— До завтра!..

Утром из центральной конторы колхоза пришло распоряжение перебросить комбайн Прокатова в четвертую бригаду на уборку ржи. Пахомов пришел сообщить об этом, когда Иван и Гусь только что завели комбайн. Вид у бригадира был хмурый и озабоченный.

— Раз надо — поедем в четвертую,— сказал Прокатов.— Раньше бы сказали, так мы бы туда по росе укатили...

Прокатов говорил так, будто у него не было ни малейших сомнений, поедет ли туда Гусь. А Васька между тем лихорадочно думал, как объяснить, что в четвертую бригаду ехать он не может.

— А ты что молчишь? — спросил Пахомов у Гуся.

— Я не знаю... На сколько дней туда ехать-то?

— А для нас не все ли равно? — удивился Прокатов.— Будем до победы, пока рожь не уберем. Может, Согрин свой комбайн настроит, тогда быстро управимся.

«Нет, ехать нельзя,— соображал Гусь.— Оттуда за четырнадцать километров не прибежишь, а Танька и всего-то неделю дома будет...»

Прокатов, видимо, почувствовал внутреннее колебание Гуся и с легким укором сказал:

— Ты что, Гусенок? Не хочешь ли меня одного бросить? Вместе работали, вместе фотографировались, а как в другую бригаду, где потруднее,— ты в кусты?

— Вообще-то парню отдохнуть надо перед школой,— сказал Пахомов.— Может, там помощника найдут или в крайнем случае один поработаешь?

— Я-то не пропаду!..— махнул рукой Прокатов.— В общем, Василий, смотри сам. Уговаривать тебя не собираюсь. За то, что сделал и в чем помог, я тебе тыщу раз спасибо должен сказать.

Прокатов впервые назвал Гуся полным именем. Сказал то, что думает. В его голосе Гусь уловил не то чтобы обиду, а скорее досаду. Но самое главное — это Гусь отлично понимал — Прокатов без него действительно не пропадет.

Гусь помрачнел, насупился и, пересиливая себя, мысленно прощаясь с Танькой не на день и не на два, быть может, надолго, сказал:

— А чего меня уговаривать? Поеду...

В четвертой бригаде Прокатов предложил новый режим работы.

— Время не бежит — летит! И чесаться некогда,— сказал он.— Начинаем работу вместе, по росе — зерно пересохшее, не страшное, а потом по очереди отдыхать будем. И обедать тоже поодиночке, чтобы комбайн не останавливать. Усвоил?

— А если я комбайн запорю? — спросил Гусь, в душе и желая и страшась поработать самостоятельно.

— Запорешь — тебя выпорю! — отшутился Прокатов и серьезно добавил: — Ты уж поаккуратнее, не спеши. Чтобы солому скинуть — останавливайся.

Первый день работы по-новому прошел благополучно. Начали жать на полтора часа раньше, кончили на три часа позднее обычного. Результат — две с половиной нормы. Прокатов был в отличном настроении, хотя устал так, что еле стоял на ногах.

— Видишь, как здорово получилось! — говорил он, когда они возвращались с поля.— А ты хотел из-за девки работу бросить. В таком деле, парень, обуздывать себя надо. Ты еще только жить начинаешь...

Гусь засопел: неужели он знает про Таньку? И огрызнулся:

— При чем тут девка?

— Ну, положим, от меня тебе нечего скрывать. И о Таньке ничего худого я не

скажу. Хотя жаль, конечно, что в город подалась. Так ведь кто нынче на город-то не смотрит? Такие вот, как я да ты, да Пахомовы, которых земля к себе тянет. А у земли власть — будь здоров! Ты-то еще не испытал ее по-настоящему...

Прокатов шагал медленно, морской походкой, и весь он, приземистый и широкоплечий, казалось, вырастал из самой земли. И верилось, что он не на словах — в жизни накрепко связан с этой землей. Он продолжал:

— Если мы с тобой хлеб выращивать не будем да убирать его не станем, так и Таньке твоей в городе жрать нечего будет. Это усвой. Все — от земли. Перестанет земля родить — и заводы остановятся, поезда не пойдут, космические ракеты не взлетят, вся жизнь умрет...

Прокатов говорил давно известные истины, которые и в школе Гусь слышал не раз. Но здесь, в поле, в устах человека, душой прикипевшего к земле, эти истины звучали как правда всех правд. Гусю было неловко, но и как-то радостно, что Прокатов ставил его, Ваську, на одну ступеньку с собой, говорил не только о себе, но об обоих вместе.

А Прокатов все говорил:

— Пахомов почему из города вернулся? То, что говорят, будто от нужды — вранье! Два сына у него взрослые. Раньше жил, а теперь и подавно беды не знал бы. Так нет, вернулся — земля притянула. И вот увидишь, многих она еще притянет из тех, кто в город подался. А без тяги к земле и в деревне нечего делать. Аксенова взять, бывшего бригадира. Не лежала душа к земле — пропал человек. Боюсь, что и Толька следом пойдет... Город в молодости, конечно, манит. Как же! Культура, асфальт, коммунальные услуги. Издали все розово!.. Да что я тебе говорю об этом? Ты уже понюхал, чем хлеб пахнет, и ты, брат, этого ни в жизнь не забудешь! Где бы ни был, попомни меня,— к земле придешь.

Всякий раз, когда сухая безоблачная погода стояла долго, Гусю казалось, что так будет без конца, хотя он хорошо понимал, что природа свое возьмет и на смену безоблачным дням непременно придет ненастье. Как часто случается, и на этот раз погода переменилась ночью. Вечером было тепло и тихо, а ночью вдруг поднялся ветер, и к утру все небо затянуло серыми лохмотьями туч.

На рассвете хлынул дождь.

Ржаное поле будто взбесилось: ветер трепал, лохматил высокие стебли, заламывал тяжелые колосья, а сверху безжалостно хлестали косые струи.

— Вот мы и отработали,— вздохнул Прокатов. Он стоял, укрывшись от ветра и дождя за соломокопнителем, угрюмый, промокший до нитки, и жадно курил папиросу, зажатую в кулак. На его глазах гибла переспелая рожь, гибла потому, что кто-то наспех, кое-как отремонтировал комбайн. Ведь если бы не пришлось Согрину «доделывать» машину на полосе, рожь эта была бы давно убрана.

— Запоминай, Василий, что творит погода с нашим хлебушком,— мрачно говорил Прокатов.— Ладно хоть, мы успели сорок гектаров смахнуть, а полсотни, считай, пропало...

Гусь смотрел, как дождь и ветер метелят рожь, и та спешка, то неимоверное напряжение, которые и удивляли и изматывали его на протяжении трех с лишним недель жатвы, разом получили свое оправдание.

Прокатов докурил папиросу, придавил сапогом окурок и вдруг спросил:

— Танька-то у тебя когда уезжает?

— Н-не знаю... Наверно, двадцать восьмого.

— А сегодня двадцать пятое?

— Да.

— Видишь, как дело-то обернулось... Пойдем-ка на фатеру да обсушимся. Той порой дождь, может, перейдет, и топай, брат, домой!

— А ты?

— Что — я? Я подожду. Глядишь, не всю рожь выхлещет, может, кое-что и удержится. Теперь начнется такая морока — избави бог! Ни намолота, ни заработка. Этой мороки ты еще отведаешь...

Гусь колебался.

— А если завтра погода наладится?

Прокатов невесело улыбнулся.

— Нет уж. Одним днем вряд ли обойдется. Я боюсь, что поле раскиснет — у нас там песок, а здесь подзол с глиной. Тогда и комбайн не пойдет... В общем, пошли обсушимся, хватит мокнуть. Был бы мотоцикл, и я бы с тобой скатал...

— Если домой идти, так чего и сушиться? Все равно намокну,— сказал Гусь, понимая, что Прокатов твердо решил остаться один.

— Смотри сам, не боишься растаять — топай.

Тут, возле комбайна, они и распрощались. Прокатов, пожимая огрубевшую в работе руку Гуся, сказал:

— В общем — спасибо тебе! Не обижайся, если иногда туговато приходилось: дело такое... А в будущем году, может, снова вместе пошуруем!..

Четырнадцать километров под проливным дождем Гусь отмахал за три часа. Первым делом он забежал к Прокатовым и чуть не до смерти напугал внезапным появлением жену Ивана, которая подумала, что с мужем что-то стряслось. Но узнав, в чем дело, Настасья успокоилась и заставила Гуся выпить с дороги горячего пареного молока.

Не меньше всполошилась неожиданным приходом сына и Дарья.

— Господи, да откуда ты этакой взялся? — в тревоге воскликнула она.— Уж не убег ли?

— Скажешь тоже!..— обиделся Гусь.— Погода-то видишь какая! Жать-то нельзя. Вот Иван и отправил меня домой...

— Дак чего стоишь-то? Гли-ко, с одёжи-то целые ручьевины текут!

А Гусь смотрел на банки, миски и старый цинковый таз, расставленные на полу, и видел, как часто шлепались в них с потолка тяжелые капли.

— Прохудилась крыша-то, беда как прохудилась! — вздохнула Дарья, перехватив взгляд сына.— Да и дождь-то больно мокрой!..

Пока Гусь раздевался, она нашла сухую одежду, достала с печи теплые валенки, налила в умывальник горячей воды, поставила самовар.

— Боле уж работать, поди, не будешь?

— Нет. Погода бы постояла, так можно бы...

— Ну и слава богу! И так уж наработался... Пять дён и до школы осталося... А вчерась ведь аванец давали. Знаешь, сколько тебе насчитали?

— Сколько?

— И сказывать боязно. Семьдесят два рубля!.. Подумать только! — Дарья покачала головой.— Я и получать-то их не хотела: ежели ошибка какая, дак ведь потом обратно стребуют. А кассирша-то объяснила: Ивану-то Прокатову, говорит, аванец сто сорок четыре рубля, а Ваське твоему, говорит, половина его заработка идет... Да уж тут я поверила, получила... Кабы не дождь, в Камчугу ладила идти. Сапоги-то купить да ботинки.

— Сам схожу...

Гусь умылся, кое-как расчесал спутанные и отросшие за лето волосы и блаженно растянулся на лавке. Давно на душе у него не было такого покоя. И пусть усталость разливается по всему телу — теперь спешить некуда.

— Чего лег-то? Поешь да и лягешь потом. Али заболел?

— Нет, нет, я так чуть полежу, на лавке... Не слышала, фотокарточку-то не напечатали в газете?

— Не было. Спрашивала я, как же! Долго чего-то не печатают.

— А Витька и Сережка дома?

— Дома. Вчерась Толька-то чуть Сережку не укокошил.

— Как? — встрепенулся Гусь.

— Евонный дядька, который в отпуске-то был, вчерась уезжал. Пьянущий! И Тольку напоил. Тот спьяну-то на Сережку взъелся. Подумай-ко ты, ведь с ножиком на парня кинулся!

— Ну!

— Бабы розняли. Да Танька еще тут оказалася, дак обошлось, отбили парня... Мать-то Толькина ревет, от рук, говорит, совсем отбился, ничего не слушается, деньги из дому таскать начал...

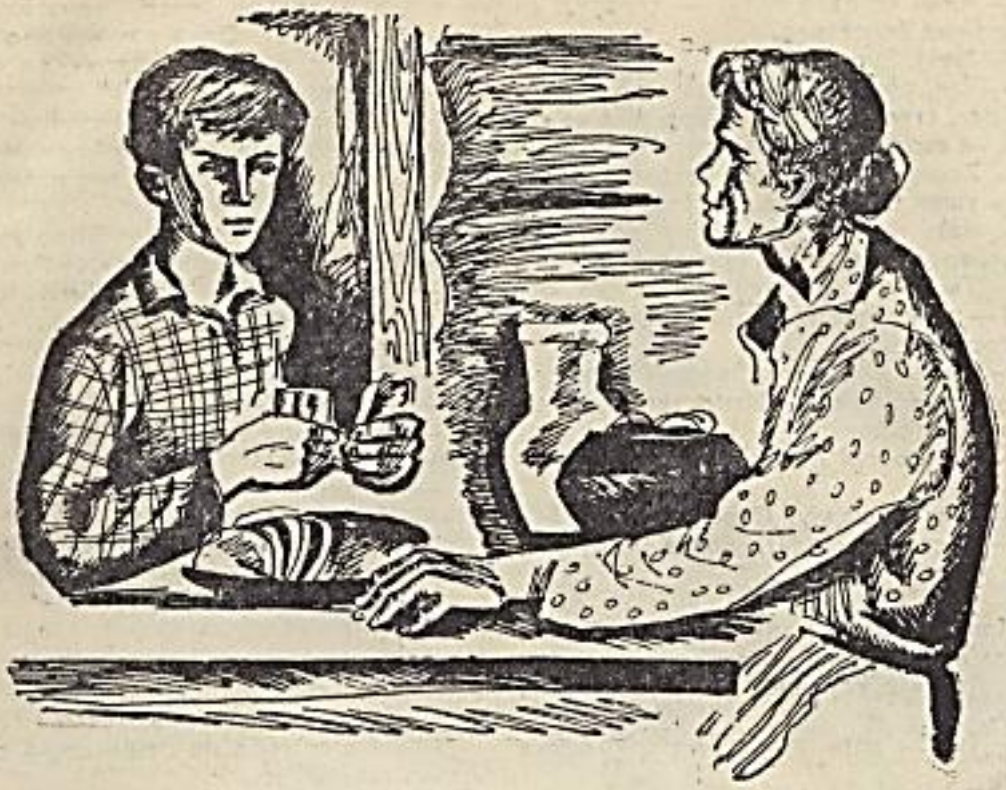
— Так Сережке-то ничего, не сильно попало?

— Не, не! Нисколь не попало, отбили... Ты подними-ко самовар-то, дак и я с тобой чаю попью...

Кажется, еще никогда так богато не был накрыт стол в доме Гусевых. Кроме обычных и повседневных картошки, хлеба и молока появились батон и сливочное масло, а к чаю не только сахар, но и дешевенькие конфеты-кругляшки и даже белые сухари. Все это Дарья пододвигала сыну, приговаривая:

— Булки-то, булки поешь! А чай-то с конфетками — слаще! К обеду-то щей наварю. Мяса полтора килограмма купила, да, вишь, не знала, что сегодня придешь. Щей-то похлебал бы с устатку...

Газета с долгожданной фотографией пришла накануне отъезда Таньки в город. В тот день Гусь ходил в Камчугу, в магазин ОРСа, и вернулся домой с покупками — сапогами-бродними и дешевенькими полуботинками — для школы. Дома его ждали Витька и Сережка. Дарья стирала в кухне белье. На столе лежала развернутая газета.



— Почитай-ко, как вас с Прокатовым расписали! — воскликнул Сережка.— И даже портрет напечатан.

Гусь тотчас схватил газету. Он ожидал, что портрет напечатан большой, с открытку или хоть в половину ее. На самом же деле на фотографии был комбайн, кусок поля и справа, в верхнем уголочке, где должно быть небо,— два малюсеньких лица. Иван Прокатов похож сам на себя, а второе лицо — черные брови, прилизанные набок волосы, острый подбородок — неведомо чье.

«Ну уж и портрет! — разочарованно подумал Гусь.— И не похож совсем...»

Под заголовком «Ни минуты простоя» стояло непонятное слово «репортаж».

— А ты хоть ботинки-то купил? — услышал Гусь голос матери.

— Купил, купил! — и начал читать.

«Поле пшеницы, как море. Колышутся на ветру тяжелые колосья...» — так начинался этот репортаж.

Гусь читал, пропуская слова и целые строчки: пока все о колхозе да о Прокатове, а ему не терпелось прочитать о себе. Ага, наконец-то! — Помощник у меня отличный! — говорит комбайнер и щурится от яркого солнца.— Он быстро освоил агрегат, и я в любое время могу на него положиться.

В устах опытного комбайнера, каким является Иван Прокатов, это очень высокая оценка.

Василию Гусеву нет еще и шестнадцати...»

Гусь читал, и от волнения — мурашки по коже! Хорошо написано, даже слишком хорошо! И хоть совсем немного — всего несколько строчек, но зато как!..

— Газета-то чья? — спросил Гусь, дочитав репортаж.

— Наша,— ответил Витька.— Я тебе принес. На память.

— Ну, спасибо!

Он бережно свернул газету и убрал ее в шкаф. Пока Витька рассматривал сапоги-бродни, Сережка, улучив момент, незаметно сунул в руку Гуся какую-то бумажку. Гусь, не медля, вышел в сени, будто по делу, и развернул ее. Это была записка от Таньки: «Вася! Мне очень надо поговорить с тобой. Передай с Сережкой, где мы встретимся. Т.».

Гусь спрятал записку в карман, вернулся в избу.

— Кино сегодня нету! — спросил он как можно беспечнее.

— Нету. Завтра будет!

— Так, так...— Гусь снова, уже в который раз, стал примерять бродни, а из головы не выходило: где встретиться с Танькой!.. Хорошо бы дождя не было, тогда опять ушли бы на Сить. И тут он сообразил: мать пойдет на речку полоскать белье, вот тогда и пусть приходит Танька!..

— Ты, Вася, доставай обед да поешь! — крикнула из кухни Дарья.— А я уж достираю...

— Ладно... Сначала воды принесу...

Гусь взял ведра. Витька спросил, не надо ли чего помочь.

— Ну что ты? Мне только воды наносить...

В сенях он шепнул Сережке:

— Пусть приходит, когда мамка на реку уйдет!

Можно было подумать, что Танька стояла в сенях: она появилась на пороге, едва Дарья с корзиной белья вышла из дому.

— Ты бы хоть помог матери белье нести.

— Так я же тебя ждал! — смутился Гусь.

— Ждал... Иди, догоняй, а я уж посижу...

Гусь нахлобучил на голову кепку и босой выбежал на улицу. Он догнал мать у скотного двора.

— Давай, помогу! — и взялся за ручку корзины.

— Что ты, что ты? Унесу я, беги домой, беги!..

Но Гусь все-таки взял корзину и широким шагом стал спускаться к реке. Мать едва успевала за ним.

«Господи! Как он вырос! — думала она, и материнское сердце ее замирало от радости за сына.— И на одежу, и на обутку сам себе заробил... И жить-то враз легче стало...»

Они дошли до реки. Гусь поставил корзину на камень, сказал:

— Когда выполощешь — встречу.

— Ой, полно не дело-то говорить. Будто белье не нашивала? Сама принесу...

Танька сидела у окна. Фуфайка, рябая от дождевых капель, была расстегнута, из-под нее виднелась кремовая кофточка. Сапожки Танькины стояли у порога, она была в одних капроновых чулках. Гусь сел к столу и только теперь заметил, что Танька не в духе. Она не мигая смотрела на свои ноги, а черные брови ее были сердито сдвинуты.

— Ты завтра едешь? — спросил Гусь, хотя отлично знал, что она едет именно завтра. Но спросил потому, что надо было что-то сказать.

— Дура я, сегодня надо было уехать!

— Почему? — встревожился Гусь.

— Потому что ты обманываешь меня! — зеленоватые Танькины глаза сверкнули холодно.

— Я обманываю?

— Не я же!

— Ты говори толком. В чем я тебя обманул? Когда?

— Во всем.

— Неправда!

Танька достала из кармана фуфайки свернутую газету и бросила ее на стол.

— Читал?

— Что?

— Да то, что про вас написано!

— Ну, читал.

— Так чего притворяешься?

— Таня, я тебя не понимаю,— сдержанно сказал Гусь.

— Да что тут понимать? — она быстро развернула газету.— Здесь ясно написано! Вот: «Василию Гусеву нет еще и шестнадцати, но он уже передовик производства, познавший радость труда. После восьмилетки он мечтает,— здесь Танька сделала выразительную паузу, повысила голос и повторила: — он мечтает... стать комбайнером, чтобы вот так же умело водить степной корабль по просторам колхозных полей».

Лишь теперь Гусь понял, в чем дело. Он растерянно заморгал.

— А ты мне что обещал?

— Понимаешь, тут немножко не так было,— начал объяснять Гусь.— Я не говорил, что мечтаю...

— По-твоему, в газете пишут неправду? — перебила его Танька.— Нет уж!.. Я думала, что мы будем встречаться каждый день, станем вместе ходить в кино... А ты, ты обманул меня!

— Таня, послушай!..

— Чего слушать, чего? Если бы ты думал обо мне, ты бы не пошел на комбайн. В городе комбайнов нету.

— Между прочим, это главная работа, поняла? Если мы хлеб не будем убирать, и тебе в городе жрать нечего будет! — повторил он слова Прокатова.

— Ого как! Уж не хочешь ли ты сказать, что и на комбайн пошел ради меня?

— Ничего я не хочу,— окончательно запутался Гусь.

— В общем, я тебя поняла. Завтра можешь меня не провожать — не нуждаюсь...

Танька шмыгнула носом раз, другой, потом наклонила голову и заплакала.

Это было самое страшное. Гусь не мог выносить, когда плакала мать, а тут плачет Танька. Лицо Гуся стало наливаться краской, потом кровь отхлынула, и он сказал чужим голосом:

— Если ты не перестанешь... Если ты мне не веришь, я... я — повешусь! — и сам чуть не заревел от жалости к Таньке, от жалости к самому себе.

Танька мгновенно перестала плакать и испуганными, полными слез глазами уставилась на Гуся.

— Ты что, Вася? Не смей...

Гусь чувствовал, как жгло в уголках глаз и, чтобы Танька не увидела его слез, навалился грудью на стол и уронил голову на руки.

Танька вскочила, подошла к нему.

— Вася, не надо! Я верю, слышишь? Верю! Ну? — она осторожно обняла его за шею и чуть-чуть, точно боясь обжечься, прикоснулась губами к его уху...

...На другой день так же моросил дождь. Танька, Сережка и Гусь, втроем, шли на станцию. Гусь нес Танькин чемоданчик, а Сережка, чтобы не мешать сестре и другу, то убегал вперед и швырял в Сить камешки, то лазил в малинниках, отыскивая редкие, еще не опавшие ягоды.

За два дня до Октябрьских праздников выпал снег. Выпал он на скованную морозом землю, и потому как-то неожиданно быстро все забелело вокруг — и лес, и поля, и пожни, и крыши домов. Даже проселки, на которых еще не успели проложить первый санный след, матово светились снежной белизной.

По этому первому снегу и прибежали в Семениху ученики-интернатники на короткие осенние каникулы.

Витька, Сережка и Гусь еще в пути договорились уйти рано утром в верховья Сити проведать бобровое поселение. Возле Сережкиного дома они еще раз уточнили, кому что брать с собой, и разошлись.

Около дома Гусевых, у изгороди, лежал штабель сосновых бревен. Их, види-

мо, привезли вчера: след от тракторных саней, да и бревна были припорошены снегом.

— Это что, мама, дрова нам такие привезли? — спросил Васька, швырнув в угол сумку с учебниками.

— Какие же это дрова? — Дарья вытерла руку о передник, села на лавку.— Иван-то Прокатов с бригадиром заявленье в контору писали, просили, чтобы колхоз дом починил.

— Чей дом? — не понял Гусь.

— Да наш!.. Вроде как я-то инвалид, а ты еще школьник. А изба-то, того и гляди, развалится.

— Ну?

— В конторе и согласилися. Вот и привезли бревна-то. А тес на крышу, бригадир сказал, весной привезут. Утрось вот тут сидел, сказывал. Халупу, говорит, вашу раскатаем, что годное есть, выберем, а ставить будем из нового лесу. Платить, говорит, копейки не надо будет, все за счет колхозу сделают.

— Так-то хорошо бы!

— Да как не хорошо!.. Этот бригадир не барахвостит, раз уж обещал...— Дарья хотела сказать, что, по словам бригадира, правленцы пошли на это в надежде, что Васька после восьмилетки останется работать в колхозе, но промолчала.— А вы чего это на улице стояли? — спросила она.— Поди, опять в лес сряжаетесь?

— Конечно!

— Надолго ли?

— На три дня. Седьмого вечером вернемся. Всю Сить хотим пройти...

— А Танька-то разве не приедет на праздники?

— Нет. Сережка говорил, их в Москву на экскурсию отправят...

— Ну!.. Гли-ко ты, и так в городе живет, а еще и в Москву... А я-то думала, может, она приедет, дак и ты бы в праздник дома был... А уйдешь, так я и стряпать ничего не стану, потом уж если... Ты думаешь, мне легко одной дома куковать, когда все гуляют да веселятся? В будни легче, живешь, будто так и надо, а как праздник приходит, сама не знаю, куда себя деть... Ведь не было у меня счастья-то, нисколечко, Васенька, не было!..

Гусь нахмурился. В словах матери, в ее голосе не было жалобы. Но как-то само собой вылившееся признание в том, что счастье обошло ее стороной, неожиданно сильно задело душу Гуся. И он понял, что на этот раз нельзя оставлять мать одну на весь праздник.

— Послушай, мама! — сказал он.— Сделаем так. Сходи сейчас в магазин, купи чего надо к празднику да мне в лес сухариков. Я вернусь шестого вечером, а седьмого с утра мы с тобой постряпаем — рыбник сделаем, ухи наварим, можно пирожков с капустой напечь. И потом я ребят приглашу — Сережку, Витьку... Ладно?

— Смотри сам, как лучше... У меня ведь одна думка: как жить-то буду, когда совсем одна останусь?.. Не уезжал бы ты в город-то. Вот и дом справят, дак живи и живи.

— Я никуда не уеду. А если и придется уехать — ты будешь со мной. Одну тебя я все равно не оставлю...

— Ох, кабы так-то было, сынок!

Ноябрьская ночь не летняя. И место вроде бы сухое, за ветром, и костер горит жарко, а все-таки зябко. Витька и Сережка во сне жмутся ближе к огню, а Гусю не спится.

Прав был Прокатов — властную силу имеет земля, та земля, на которой он, Гусь, убирал хлеб, на которой шумит вот этот дремучий лес и протекает обжитая бобрами Сить. Его детство прошло здесь, под этим небом, в тихой деревеньке с разноголосым скрипом дверей, мычаньем коров и пеньем петухов по утрам, с пряным запахом разнотравья вперемешку с запахами хвои и спелого хлеба.

И сейчас Гусь думал о том, что те, кто когда-то покинули Семениху и теперь приезжают лишь затем, чтобы запастись на зиму грибами да ягодами,— они предали эту землю, изменили ей.

«А как же Танька? — внезапно прожгла мысль.— Она тоже предала?.. Нет, тут что-то не то...»

Гусь путался в собственных мыслях, чувствовал, что в чем-то ошибается, но в чем именно, понять не мог. Вспомнилось, как Прокатов сказал об Аксенове-бригадире: «Не лежала душа к земле — пропал человек». Значит, жить в деревне, ходить по этой земле, дышать деревенскими запахами — это еще не все. Можно жить в деревне и предавать ее своею беззаботностью, как предавал Аксенов. А взять Прокатовых или того же Пахомова Витьку. Вырос в городе, а душой весь с этим краем. Зря деревце не срубит. Даже к бобровым хаткам просил не подходить:

запах от следов останется, зачем зверьков беспокоить. И Сережка такой. И Танька тоже такая, сама призналась, что по речке соскучилась... А Толька?

Перед глазами всплыло красное самодовольное лицо Тольки Аксенова. Ведь друзьями были. Но короткой оказалась их дружба. Не потому, что Толька труслив, а просто по духу оказался неподходящим. Ему наплевать на лес, на землю, он их не понимает и не любит, ему бы модный костюмчик, транзистор, легкое житье. Не хозяином по земле ходит — гостем...

Из костра стрельнул уголь, упал на Витькину фуфайку. Гусь поднялся, сбросил уголь в огонь, поправил поленья. Сам собой как-то неожиданно вспомнился ему последний разговор с матерью, разговор, трудный для обоих. Друг другу было сказано главное, что лежало на сердце, что тревожило.

Во время этого разговора Гусь впервые так остро почувствовал, насколько глубоко переживает мать свое одиночество и страшится оказаться совсем одна. И теперь Гусь с облегчением думал, что сказал то, чего давно ждала от него мать, сказал не для того, чтобы успокоить ее, а чтобы самому рассеять свои сомнения и определиться в жизни.

Работа с Иваном Прокатовым на многое открыла глаза, заставила иначе взглянуть на деревню, на колхозный труд. Теперь тропка в жизнь обозначилась четко: курсы механизаторов широкого профиля и потом работа в колхозе. Но Танька... Поймет ли она его, согласится ли, что иначе поступить он не может, хотя бы ради матери? Ей, матери, и без того придется нажиться одной, когда его возьмут в армию...

Гусь прислушивается к глухому шуму тайги, перебирает в памяти свою недолгую жизнь, проходит ее мысленно, будто по вешкам.

●

СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

Отряд следопытов «Роза ветров» Барнаульской детской туристской станции участвовал в работе археологической экспедиции на Алтае. Под руководством научного сотрудника института археологии АН СССР Н. Л. Членовой ребята раскапывали курганы так называемой карасукской культуры, которая относится к XIII—VIII векам до нашей эры.

Первому повезло Олегу Евсюкову. Он нашел обломок глиняного горшка. На нем ребята увидели красивый орнамент строгих геометрических форм. Археологи объяснили, что это — фрагмент керамики карасукской эпохи.

Вторым счастливцем оказался Женя Литуев. Когда он осторожно вскрыл маленький курган под № 34, то обнаружил «могильное пятно» и обломок бычьей кости.

Наталья Львовна Членова рассказала ребятам, что основой хозяйства карасукцев было разведение домашних животных.

Следопыты отряда «Роза ветров» оказывают помощь археологам. Их находки помогают ученым восстанавливать образ жизни людей бронзового века.

А. СЕРГЕЕВ

Следопыты школы № 51 Приволжского района Казани решили организовать музей, посвященный Волжско-Камской военной флотилии. Они ознакомились с материалами о легендарной флотилии, созданной, по личному приказу В. И. Ленина в 1918 году, разыскали адреса бывших бойцов, встретились с ветеранами в Горьком, Волгограде, Пензе, Саратове, записали их воспоминания. Ребята прошли и по местам боев Волжско-Камской флотилии — по территории Татарии до Пьяного бора, где погиб комиссар Николай Маркин.

Следопыты разыскали подлинные воинские билеты участников боев, нашли редкие снимки: на одном из них запечатлено прибытие «Баржи смерти», отбитой у белых, в Сарапул.

10 сентября украшенный флагами под почетным эскортом катеров подошел к Казанскому речному вокзалу легендарный «Волгарь-доброволец» — тот самый буксир, который по приказу командира Волжской флотилии дерзко увел из-под носа белогвардейцев «Баржу смерти». Ребята восторженно встретили ветеранов флотилии, прибывших на торжественное открытие музея. Среди них были комендор орудия П. Ф. Цвик, работник штаба Н. А. Лавров, ветеран комсомола А. Ф. Котляров.

В. КЛИМЕНТОВСКИЙ